

К 84(2Рос-Рур)6

1083

Станислав Юрченко

ХРАМ

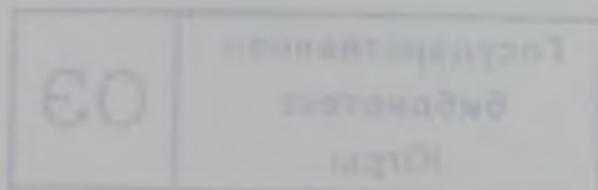

ББК 84 (Рос рус)
Ю 83

Юрченко С.Г.

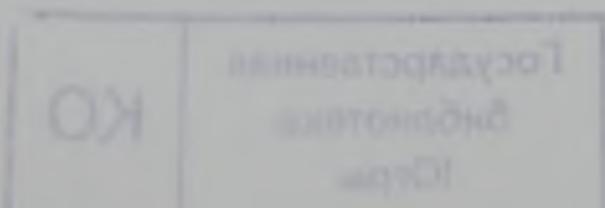
Храм. Избранные стихотворения.

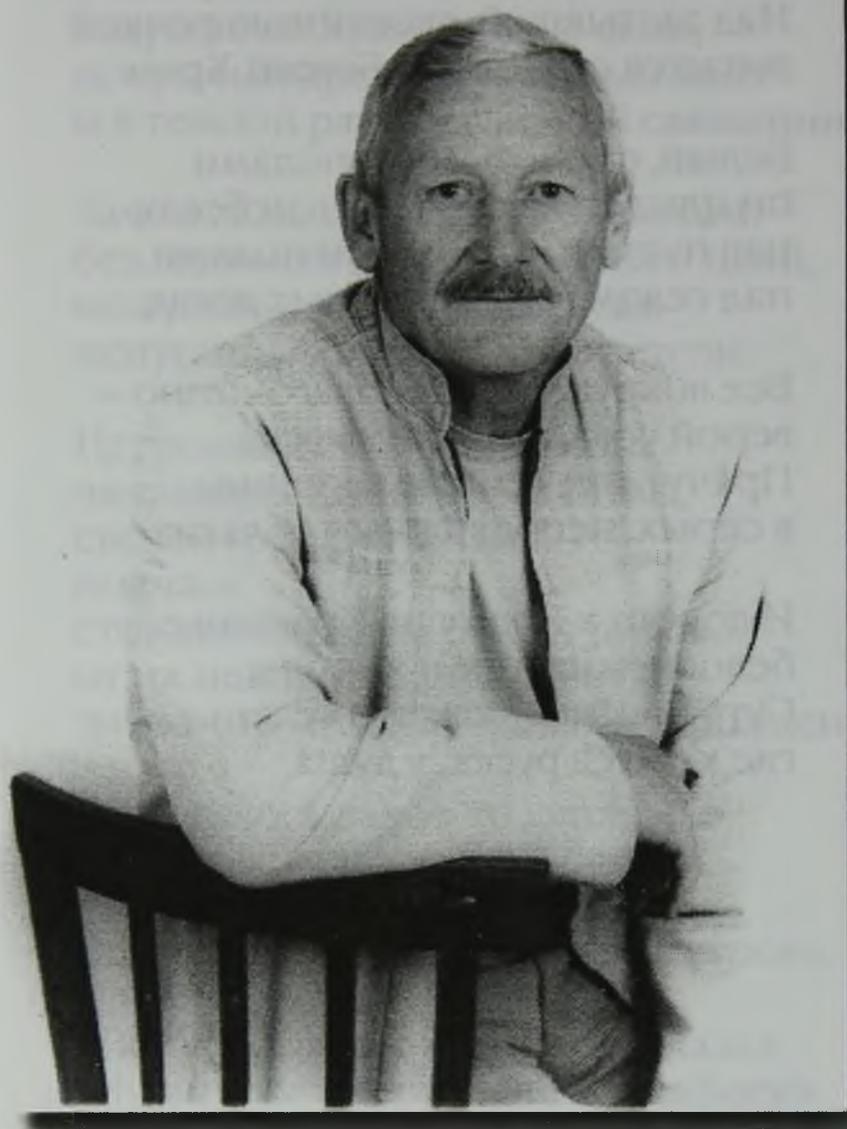
Литературно художественное издание.
Юрченко Станислав Георгиевич
Рисунки автора.

ISBN

© Юрченко С.Г., 2009

ХРАМ

В тишине потрескивают свечи,
легкий дым возносится к хорам.
Над застывшей, скованною речкой
высится столетний Божий Храм.

Белый, с золотыми куполами
он плывет, как лебедь, в небесах
над пустыми, сонными полями,
над селом в заснеженных лесах.

Все вокруг светло и благочинно –
верой сохранили Русь века.
Прячут ели темные вершины
в серых, неподвижных облаках.

И дорога к Храму на Крещение
белоснежна, тем и хороша.
Суть России – каждое селенье,
где ютится русская душа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот купола червлёные...
а вот
ведущие во Храм резные сени,
покрытый древней копотью киот
и в темной рясе сухонький священник.

Зачем сюда пришел, не знаю сам,
без видимых причин забрел и цели,
но суетные мысли к небесам
испуганными птицами взлетели.

Негромкие старушек голоса,
читающих какие то молитвы,
свечей горящих пламя,
полчаса
стою, не отрывая глаз от ликов,
от их неколебимой правоты
знакомой мне, как будто бы с рожденья.

Почудилось какое то движенье
у покровов пророков и святых,
что их неукротимые глаза
глядят в мои пронзительно и строго.

И кто то, словно выдохнув, сказал:
«Ну, вот, ты и вернулся... Слава Богу!»

ЕФРОСИНЯ

Притупилось перо, больше нечего
на тетрадном листе написать.
Дышит небо застывшее вечностью,
за окном начинает светать.

Звезды гаснут.
Искрящимся инеем
припорошены ветви берез.
Там по воду идет Ефросиния,
наплевав на жестокий мороз.

Чудо девка: глаза волоокие,
и походка легка, как полет,
ничего, что немножечко окает,
но, зато, как душевно поет.

Коромысло и ведра гремящие,
словно крылья, над нею парят.
Ну, а что называют пропащею,
так всегда за открытость корят.

Злые сплетни, они к Ефросинии
не прилипнут – судачь, не судачь.
А плетут, потому, что красивая,
остальным, вишь, обидно, хоть плачь.

Фрося с этими сплетнями справится,
что ей взгляды завистливых глаз,
ведь Россия, она тем и славится,
что прекрасны девчата у нас.

Слава Богу, земля наша русская
не скудеет цветами в лугах –
грудь высокая, талия узкая,
и румянец горит на щеках.

НА АРАНТУРЕ

Знаешь, давай помолчим –
вслушайся в звуки природы.
Отсвет небесной парчи
лег на озерные воды.

В эти минуты острей
чувствуешь раннюю осень.

Цепкие пальцы корней
к звездам взметнувшихся сосен
тонут на кромке песка
в зелени трав и соцветий.

Как отшалившие дети
волны стихают, устав.

Щука ударит хвостом,
птица встряхнется понуро –
так погружается в сон
вязкая гладь Арантура,
лунной дорожкой дрожа,
не предвещающая ненастья.

И замирает душа
от ощущения счастья.

* * *

Раскаты утреннего грома,
весенний ливень за окном.
Я возвратился.
Снова дома.
И веселеет старый дом.
Поют, ликуя, половицы,
Мурлычет возле печки кот.
Закрыв глаза, лежу.
Не спиться.
Опять промчался целый год.
Далеким детством. отзовется
скрип распахнувшихся ворот,
да ветер в форточку ворвется.
и занавески колыхнет.
Пора вставать.
Уже пригрело.
Открою двери на крыльцо.
Наш старый пес, как ошалелый,
все норовит лизнуть в лицо.
На солнце подсыхают лужи,
блестит умытая трава.
Нам всем приют когда то нужен
и соучастия слова.
Сквозь расстояния и годы
свет родины согреет нас
и защитит от непогоды
дом отчий, так же, как сейчас.
Вхожу, и в зеркале прихожей
Глядит, улыбки не тая,
детина на меня похожий,
но, где то, все таки, не я.
Часы на стенке не меняют
минут ускоренный отсчет.
Отец растерянный сияет
и мама шанежки печет.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Белый снег.
Избушка.
Треск поленьев
в маленькой печурке.
Тишина.
Утомленный вынужденной ленью
коротаю время у окна.
Представляю, ветреный повеса,
/мысли необузданный полет/,
как из запорошенного леса
юная снегурочка идет.
Угощу ее горячим чаем
и, болтая всякую муру,
прикоснусь, как будто бы случайно
к вздрогнувшему стройному бедру.
А девчонка озорно смеется,
чистая во всей своей красе,
голубая лента разовьется
в темной, ниже пояса косе.
В горле пересохнет от волненья,
распаленный страстью, как в дыму,
я, отбросив робкие сомненья,
руки ей навстречу протяну.
Но она, слегка поправ платье,
зыбкая, как сон, пойдя проверить,
выскользнет туманом. из объятий.
Заскрипит распахнутая дверь.
Улыбнется ясно, оглянувшись,
у сосны шагнет в сугроб по грудь
и растает.
Медленно очнувшись
выйду свежим воздухом вздохнуть.
Посижу у зимовья понуро.
До нависших облаков снега.
Тлеет в небо струйкою окурков
и молчит, нахохлившись, тайга.

ОТЦУ

Уже не такая осанка,
как десять тому, или пять,
и старую шапку ушанку
упрямо не хочешь менять.

При встречах – от радости светел,
обидчив до слез, как малыш,
любой непорядок заметив,
на жизнь сокрушенно ворчишь.

Не радуют больше застолья,
все чаще – один, да один.
Пронзительно жалко, до боли,
твоих поредевших седин.

Привычно меня поучаешь,
с укором прищутив глаза.
Мгновеньями годы мелькают
и нет поворота назад.

И я, постарев, но не слишком,
открыл для себя, наконец,
что вечно останусь мальчишкой,
пока ты на свете, отец.

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Не отыскать
в траве густой тропы
от дома моего
до темной пади.
Горят на клумбе
поздние цветы,
пустых причуд
посаженные ради.

На грядках,
за поваленным плетнем
блестят росой
качаны капусты.
Замешанный
решительно и густо
горит над лесом
неба окоем.

Играет ветер
в ивовых кустах,
над сонною речушкой
без названья.
Все неизбежней
в листьях и стихах
природы
и желаний увяданье.

Морозным духом
тянет от болот:
уходит август,
отшумело лето.
И может быть
признание поэта
воспеть цветы
и этот огород.

БАНЯ

За домом банька в зарослях полыни,
тропа в траве у огуречных гряд.
Хандра и беспричинное унынье
в душе моей, который день подряд.

По вечерам еще тепло и ясно,
но первых пожелтевших листьев лет
напомнит убедительно и властно,
что лето повернуло на исход.

Наполню бак колодезной водою,
и бересту витую подожгу,
послушаю, как печь, занявшись, воет,
усядусь возле баньки, подожду.

И в предвкушенье радостной истомы
схожу в сарай, где веники висят.
За дальнею горой раскаты грома
хорошим ливнем к вечеру грозят.

Нагреется, пыхтя устало, баня,
и, позабыв недавние дела,
залезу на полок.
И легче станет,
как будто два серебряных крыла
внезапно вырастают за спиною,
и хочется куда то улететь,
а пошлое уныние с хандрою
сменяется желанием запеть.

Исчезнут без следа остатки лени,
под прошлой жизнью подведу черту,
и вместе с ощущеньем очищенья
согласие с собою обрету.
Распаренный, намытый, разомлевший
иду домой, где ждет холодный морс,
и все гляжу, как за горою плещет
огнем небесным запоздалых гроз.

УТРО

Ленивый бег задумчивой реки
и масляное зеркало залива.
Свистят в густой осоке кулики,
о чем то беспокоясь суетливо.

Над росною поляною дрожит
обрывок перламутровый тумана,
рисую легкой кистью миражи
на полотне небесного экрана.

В селе кричит отчаянно петух,
березовый дымок вдоль пади стелет,
и по проселку гонит стадо еле
с похмелья не проснувшийся пастух.

Взревел, кудахтнул трактор и заглох,
будя дворы, залаяли собаки,
свисающий с ветвей еловых мох
роняет капли серебристой влаги.

А я сижу, гляжу на поплавок,
задумавшись, о чем и сам не знаю.
И Родины бескрайней уголок
меня в объятьях отчих согревает.

***

Церковная ограда.
Две судьбы
измученных старух, по сути – схожи.
Глаза отводит в сторону прохожий
и пробегает мимо.

Голубы
над храмом небеса и безмятежны.
Но душит нестерпимая тоска
от вида зачерстневшего куска
в сухой руке и взгляда без надежды.

Они молчат с обидою своей.
И, что тут говорить, когда Россия
забыла тех, кто сеяли, косили,
рожали и растили сыновей.

А ныне дети выросшие их
не узнают.
Какие это дети?
Воздастся им.
За все на белом свете
приходится платить.

Перекрестив
вспотевший лоб, прохожий тороплив,
на паперти старух не замечая,
те опускают головы, отчаясь,
ответного тепла не уловив.

Не ропщут, не взыскают ни к кому –
терпение поддерживает вера.
А нам прощенья нет.
Какою мерой
измерить равнодушия вину?

Высокомерны мы.
Но, кто бы мог
не ощутить стыда, когда в ответ вам
за жалкую, потертую монету
прошелестит едва: «Храни вас Бог!»

НОЧЛЕГ НА РЫБАЛКЕ

В. Волковцу

Струится масляно вода.
Сырой брезент энцефалитки.
Туман над речкою.
Сюда
мы добрались едва.
Пожитки
уже уложены.
Костер
стреляет искрами в межзвездье.
Затихший к ночи мшистый бор
воспоминаниями грезит.
Над котелком клубится пар
и пахнет свежую ухую.
В который раз мы здесь с тобою,
мой старый друг?
Добавим жар,
чтоб был комфортнее ночлег,
а то ледок хрустит меж кочек.
В ту, нашу осень первый снег
упал такой же звездной ночью.
И угли давешных костров
весна и лето не отмыли.
Давай, помянем всех, кто были
когда то с нами.
Будь здоров!
Когда то нас сидело всех
здесь человек, пожалуй, «надцать».
Дым сигарет,
приколы,
смех
не позволял душе сломаться.
Где все они?

Кто не дожил
до этой осени безлистой,
кто раньше голову сложил,
кто от тоски зеленой спился.
А мы тихонько небосвод
еще коптим в подлунном мире.
И даже тренькаем на лире,
когда охота нападет.
А, в общем, прошлое не тронь,
грех,
жили мы совсем не худо.
Давай ка, вымою посуду,
а ты подбрось дровец в огонь.
Багровый лист осин дрожит,
мерцаньем иней лег на полог.
Строптивая жизнь
и путь был долог.
Ну, по последней,
для души,
за всех оставшихся ребят,
за тех, кто после нас и после.
Уходит призрачная осень.
Как звезды яростно горят!

***

Крутояр над речкою моей,
остяками названной Супрою,
старая избушка химарей
под согнутой ветрами сосною.
Сколько раз, неведомо, с тобой
к этим берегам мы возвращались,
и опять по новому влюблялись
в тишину над стылою водой.
Закопченный, мятый котелок
у огня давал напиток чаю,
и лисёнок, пойманный случайно,
тоже часть твоих не спетых строк.
Пронеслось немало разных дней,
но осталось все, что наболело:
капля алой ягоды на белом,
и кусочек неба меж ветвей,
отблески далеких факелов,
сонный час полуденного зноя,
и какой там, никакой улов,
иногда подаренный тобою.
Круг распался наш,
порвалась нить:
кто ушел совсем,
а кто – далече.
Время от потерь вчерашних лечит,
но не все умеет излечить.
Первый снег и прошлые грехи
связаны с тобою неразрывно.
Потому так тонко и надрывно
осень декламирует стихи.

СПИРАЛЬ

Юность. Зрелость. Раннее старенье.
Дней спешащих чудные мгновенья.
Повторенье правил. Поиск прав.
Вечное, спиральное вращенье.
Цепь потерь. На круги возвращенье.
Паутины пыльные в углах.
Маятник часов давно уставших.
Смерть друзей – ровесников и старше –
а нередко вовсе невпопад.
И все реже яркие рассветы
на цветных лугах макушки лета
и все чаще – ветреный закат.
Долгий путь стремится к завершенью,
а душа к покою и прощенью.
Здесь выходит мальчик на порог.
Он неудержим, как майский ветер,
и по детски радостен и светел
у истока тысячи дорог.
Первый шаг и первое свиданье.
Ясных дней сверкающие грани.
Музыка веселых голосов.
Юность. Зрелость. Раннее старенье.
Пройденных ошибок повторенье.
Маятник, качнувшийся, часов.

***

Ни кола, ни двора, ни жены –
что скулить, так случилось на свете –
все равно мы России должны,
словно матери взрослые дети.

Кто измерит, какую ценой,
все, что в нас непутевых вложили?
Не однажды мы просто блажили
у нее за широкой спиной.

Но, когда становился суров
к нам Господь и пурга завывала,
нас подолом она прикрывала
от холодных, колючих ветров.

Жаль, от всякой беды не укрыть:
как птенцы из гнезда выпадали,
да цыганки на картах гадали,
как нам вместе с кормилицей быть.

И, хотя остаются чисты
покрова, а черты ее милы,
вдоль дорог все кресты, да кресты,
и безвестные чьи то могилы

НАБРОСОК СЦЕНАРИЯ

Коротенький рассказ:
она и он.
Она очаровательно стыдлива,
он – благородство, мужество и сила.
Вот городок их, улица и дом.
Завидуют, и, кажется, не зря
прохожие, завидев эту пару:
он ей поет романсы под гитару,
ее глаза восторженно горят.
Весна.
Цветы.
В любви мелькают дни.
И все – прекрасно, слаженно и прочно.
Но тут в простом сюжете, как нарочно,
случайный третий вышел из тени.
Качнулся мир.
И, все же, устоял.
В ее глазах огнем металось счастье,
а он от надоевшего участия
друзей старинных от тоски увял.
Но жизнь берет свое.
Промчался год.
В круговороте дел зажили раны.
Перебесились снежные бураны –
он вновь помолодел душой.
И вот,
однажды,
у кого то из друзей,
на вечеринке шумной встретил даму.
Тут можно бы закончить эту драму,
но простенький сюжет куда сложнеей.
Прошло лет пять.
И по пути домой,
в трамвае, на какой то остановке,

в безудержной словесной пикировке
он взгляд поймал, когда то дорогой.
И дрогнула, попятилась душа,
внезапно сердце горячо забилося,
минувшее, как видно, не забылось,
не вымерло, когда забыть спешат.
И завертелась новая метель
с помадою на лацкане и пудрой,
с угрюмым возвращением под утро
под жалкий скрип не смазанных петель.
Четыре горя – это два на два,
полученный квадрат – не треугольник:
число предательств вольных и невольных
не перевесят правые слова.
И осознав, что нет пути назад,
он как то выйдет за порог устало.
А утром скажут, что его не стало,
и, стало быть, рассыпался квадрат.
Песчинки судеб ветром разнесет,
огромный мир развеет их бесследно –
финал закономерен не победный,
но, всем понятный, – не наоборот.
Итог унылый рюмкою винца
товарищи печально подытожат...

И новый мальчик с девочкой продолжат
сюжет банальной пьесы без конца.

В ДЕРЕВНЕ

В густой крапиве утонул забор,
попынь поднялась выше старой бани,
ворчит по стариковски утром ранним
наш старый пес, взлохмаченный Трезор.

Его тревожат сказочные сны,
в которых, он за бабочкою что ли,
несется за деревнею по полю,
цветущему велением весны.

Прикрою дверь движением руки
и потихоньку выйду за ограду
в росистую, туманную прохладу,
на берег теплой, ласковой реки.

Здесь время опускает удила,
легко дышать, и отступают хвори.
Знакомый вид отцовского подворья
доносит ощущение тепла.

Внизу струится масляно вода,
на улове нет нет плеснется щука,
камыш рождает шорохи и звуки,
какие не услышишь в городах.

Счастливый и хмельной сижу один
под пологом раскинувшейся сини
и нежное дыхание России
касается редяющих седин.

АГАСФЕР

В окладе, потемневшем от лампад,
святой какой то, вроде рыболов,
пронзительно суров упрямый взгляд
поверх седых, старушечьих голов.

Мне, Агасферу, вовсе невдомек,
что он, приставлен у ворот встречать,
а я – лишь ненадежный огонек,
мерцающий на тающих свечах.

Мы связаны незримо, он и я,
и эта связь безжалостней цепей.
Туда ведет дорога бытия,
немало лет я странствую по ней.

Нелегко предначертанный маршрут,
нет отдыха измученным ногам,
но, слава Богу, находиться тут
гораздо интереснее, чем там.

И я дерзаю, на себя беру
ответственность шагать наоборот,
и связь, меня опугавшую, рву,
в надежде, что вернуться повезет

туда, где оступался и грешил
(когда во сне, а чаще – наяву),
где я любил, что означает – жил,
где я люблю, что явствует – живу!

***

Облысевших гор черепа –
так обычны для этих мест.

По распадку спешит тропа
от реки в бирюзу небес,
где сорвавшийся скальный срез,
обнажая седой гранит,
«чертов палец» воздел, как крест
над погостом моей родни.

В разнотравье присев, молчу
у знакомых могил, в тиши.
Я всегда по долгам плачу,
оставляя себе гроши.

Значит, вышел такой расклад:
разбросало по свету нас
и уже не вернуть назад
прелесть губ и счастливых глаз.

И в случившемся вовсе нет
ни твоей, ни моей вины.
Льет черемуха белый цвет
на прибрежные валуны.

А над звонкой, шальной рекой,
где студена, как лед, вода,
эхом призрачным – голос твой:
навсегда, дорогой,
навсегда...

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Зари увядшей медленное тленье,
беззвучное падение листа.
Неясное, тревожное томленье
рождают заповедные места.

Кровь гроздьев обмороженной рябины
разбрызгана рубиново густа
по сетке невесомой паутины
окрашенного инеем куста.

Пейзаж осенний тихо догорает,
звездой надежд украшен небосклон,
той самою, которая сияет,
еще с евангелических времен.

Пуглива ночь, как ночь перед распятым,
крадется между сосен, вдоль реки,
касается сырым подолом платья,
как смерти длань, пылающей щеки.

Стремительны и четки измененья
теней и звуков, падающих в мрак.
Все цепенеет.
Только воскрешенье
неодолимо.
И да будет так!

Ах, как прекрасны выгнутые своды
над головой мерцающих небес,
чуть слышное дыхание природы,
и зеркало воды, и сонный лес.
Земля родная, верный мой товарищ –
опора на привале и в пути.

Я знаю – все, чем ты меня одаришь,
нигде на свете больше не найти:
и воздуха напитанного хвоей,
ни тех незабываемых часов,
что будут нам подарены с тобою
под кровом этих северных лесов...

Рогатый филин на еловой ветке
баюкает взошедшую луну.
И я шепчу: «Господь, за что мне это?
За что мне это счастье одному?»

УТРО

Оцепенел, продрог столетний бор,
прохладный воздух вязко неподвижен,
язык тумана осторожно лижет
багульником заросший косогор.
Над горизонтом, различимый еле,
украшенный звездой профиль ели.

Несмелый звук в безмолвие проник:
вдыхает тяжело, булькая, болото,
и сучьев треск под тяжестью кого то
пугает, словно в детстве лесовик.
Тревожно в стайку сбились облака
почти неразличимые пока.

Порозовел стремительно восток,
загомонили, просыпаясь, птицы,
качнул листвы намокшие страницы
вспорхнувший на березы ветерок.
Рассвет еще таинственно разрежен,
но, как рожденье утра, неизбежен.

На облаке возник мазок огня,
и, наливаясь нестерпимым жаром,
поднялось солнце раскаленным шаром,
сменяя полумрак на краски дня.
Луч солнечный прикрытых век коснулся,
и человек, проснувшись, улыбнулся.

НОЧЬ

Неотвратим бесшумный взмах
могучих крыльев звездной птицы.
В окно прикрытое струится
ночных тревог животный страх.
Мерцают в сумерках густых
глаза суровые святых.

Пугающей до дрожи тьмы
сжимает сердце жгучий холод.
В разрывах туч сверкнул осколок
безликой, мертвенной луны,
икон оклады осветив,
их превращает в негатив.

Господь, спаси и помоги!
Души встревоженной смятенье:
в углах мелькающие тени
и чьи то тихие шаги
крадутся плотью неземной
и затихают за стеной.

Не очень верующий что б,
пытаясь справиться со страхом,
персты сложив в щепоть, с размахом
крещу впотьмах вспотевший лоб.
На всякий случай, от греха –
до первых криков петуха.

Молитва гонит бесов прочь.
Стекло оконное светлеет
и разжимает когти ночь
на волосатых лапах ели.
Лампада вечного огня
не обожги – согрей меня!

* * *

Этот дьявольский век нас нещадно мытарил,
гнул, как ивы под ветром осенним, упрямо,
но, прибрав головешки смердящие гарью,
мы опять начинали строительство Храма.

И, когда опускались бессильные руки,
а глаза пеленою ночной застилало,
отгоняя отчаянье, страхи и муки,
нам великую книгу Надежда читала.

В спертom воздухе лет пустоты и безверья
наша молодость нам не давала сломаться,
и в потемках сомнений заветные двери
мы искали, пытаясь в себе разобраться.

Полной мерой крушеньe кумиров изведав,
не обряца ни истинной веры, ни Бога,
кто то вышел на свет, окрыленный победой,
а кого то безжалостно смяла дорога.

Не нашедших в огне опаляющем брода,
память юных потомков не сделает краше.
Все, кто дальше пойдет, обретая свободу,
помолитесь за нас: за живых, и за павших.

КРЕСТ

Заброшенные избы без дымов,
заросшее крапивою подворье.
Где нивы и дубравы Лукоморья –
прекрасные виденья детских снов.

Не слышно оживленных голосов,
и петухов, поющих утром ранним,
лишь отмеряет маятник часов
тягучие минуты угасанья.

Не весел на Голгофу крестный путь
России, опустившей низко плечи,
подняло половодьем бурным муть
со дна твоих всегда кристальных речек.

Воспрянь, отринь неведомых богов!

Но не видать за серой пеленою,
застившей солнце мутною стеною,
обетованных, райских берегов.

Горька полуразруха отчих мест –
я скрежещу зубами от бессилья,
и давит с хрустом кости тяжкий крест,
тот самый, что взвалили на Мессию.

РЕКВИЕМ СОБАКЕ ПО ИМЕНИ
КИРЬЯН

Умер старый пес.
И громче стали
стопы стен разохшихся в ночи.
Серою тоскою и печалью
тянет от нетопленной печи.

И, казалось, убыло всего то
ничего.
Но не забудешь дня,
тех минут, когда встречал с работы
лай собачий, радостью звеня.

Помню все: как крошечным комочком
сын принес тебя, расстроив мать,
как визжала от восторга дочка,
с куклами укладывая спать,

как будил нас по утрам негромко,
требуя пустить на первый снег,
как скулил пронзительно и тонко,
обижаясь, словно человек.

И уже подросший, с сединою,
ласковым щенком смотрел в глаза,
умоляя к речке взять с собою,
так, что был не в силах отказать.

Становилось веселее, что ли,
даже если жизнь наперекос:
ты мгновенно всяческие боли
отгонял, лизнув в замерзший нос.

Годы шли.
Мы вместе постарели,
не заметив этого почти.
Но все так же преданно смотрели
в мир твои лиловые зрачки.

До сих пор – оглянешься невольник
на калитку, уходя... а, вдруг?..
Умер старый пес.
И стало больно,
будто умер самый близкий друг.

***

Ночь.
Над кедром выплыла луна,
серебром подернутое блюдо.
Где то филин ухнул.
Тишина
дышит хвойной прелью полногрудо.

У костра, над берегом реки
коротаю время до рассвета.
Северные ночи коротки.
Вкус морошки.
Середина лета.

Рядом тихо плещется вода,
еле слышен шепот ветра в кронах.
Нас судьба забросила сюда
озорных, красивых и зеленых.

Пусть уже седеет голова
и определилась четкость слога,
пресные, банальные слова
прожитого выразить не могут.

Брошу ветку в языки огня,
словно звезды, искры чертят небо.
Ласковая, приголубь меня,
как давно с тобой так счастлив не был.

Перед неизбежною разлукой,
непременно, если хватит сил,
приведу в твои чертоги внука,
познакомлю, чтобы полюбил.

Красоту твоих чудес открою,
будь к нему, пожалуйста, добра.
А теперь поговори со мною
голосом задумчивым, Югра.

***

Ветренный день.
Бездорожье.
Хляби.
Болотная гать.
В чем провинился я, Боже,
перед тобою опять.
И за какие проступки
маюсь в медвежьих углах?
Белых лишайников струпья
на почерневших стволах.
Алый кумач горизонта
знак непогоды таит,
вертит угрюмая Конда
кольца тугие свои.
И пробиваясь тропею
через багульника цвет,
словно кикимора вою
в сумерки, в тающий свет.
Лешим родиться бы, знал бы,
где долгожданный приют.
Ельника мокрые лапы
воду за шиворот льют.
Возле огня отогреюсь,
выйдя к реке, на пески.
Лезет какая то ересь
в голову мне от тоски.
Странником рукоположен
в этих дремучих местах.
Ветренный день.
Бездорожье.
Как я, однако, устал.

ПЕСЕНКА О ЛОПАТЕ

Снег.

Всю эту зиму падал снег,
сыпал из небес, что было силы.
Снег с тропы лопата уносила —
там ходил на службу человек.

Задыхаясь скрипами, копала,
кубометры глыб перевернув,
и, закончив дело, отдыхала,
головой в сугробе утонув.

По канавам белым, меж берез,
человек в цигейковом пальто,
думая про это и про то,
проходил, уткнувшись в шарф.
Он мерз.

А с утра все снова начиналось,
и, тряся седую бородой,
небо над березами смеялось,
накрывая землю чистотой.

У лопаты треснула щека,
но она с невиданным накалом
разгребала снежные завалы,
прогибаясь торсом черенка.

И однажды черенок сломала
не по силам ноша.
А метель
завалила в дом входную дверь,
все, что там внутри, замуровала...

Лютовал мороз перед концом.
И уже не видели до века
в стареньком пальтишке человека
с выцветшим от времени лицом.

ПАМЯТИ ДРУГА

Здравствуй друг, давно мы не видались.
Лет пошло немало с той поры,
как с тобою скорбно распрощались
светлые, сосновые боры
на высоком берегу песчаном
речки под названием Супра,
где рассветы зябкие встречали
у огня веселого костра.

Эти угли до сих пор чернеют
в выросшей до пояса траве.

Знаешь, только люди так умеют
след свой отпечатать на земле.

Нет давно ни Генки, ни Олега,
что ни говори, сгорели зря.

Ну, а мы еще коптили небо,
даты пролистав календаря.

А сосняк, где в белом мху бруснику
собирали как то в тех местах,
вырубили.

И стоят, поникнув,
три осинки, словно три креста.
Лист, кармином тронутый, колеблет,
скоро оторвется, полетит,
ляжет на земь,

превратится в землю,
молодую поросль возродит.

Жаль, не скоро.

Целые столетья
минут, что бы снова встретил нас
новый бор, золотокоже светел,
как и тот, в котором ты угас.

Будут наши правнуки седые
в тишине ночной внимать тайге,
где с тобой от юности шальные

ночевали в рубленой избе.
Нет ее уже, сожгли балбесы.
А когда то первые снега
мы встречали здесь, у кромки леса,
на крутых супринских берегах.
Выйдя утром ранним на поляну,
радовались просто, что живем.
Улыбался нам рассвет багряный,
выплывший над старым зимовьем.
Но тебе сейчас немного надо:
мрамора плита,
да рядом с ней
серая, чугунная ограда,
да осколок солнца меж ветвей.
И когда устанет биться сердце,
отсчитав последнюю весну,
я с тобою лягу по соседству
в эту нашу землю и усну.

* * *

Наскучили,
не жизнь, а маята,
веселые и шумные застолья,
как в страстный день Великого Поста
запаренные овощи без соли.

Вдруг захотелось тишины мирской,
и благозвучья музыки церковной,
и выстраданной веры,
не условной,
а настоящей
вечной и живой.

Сплотившей мерь,
и викингов,
и чудь
вокруг себя, на полудиких землях,
её священным постулатам внемля,
народ обрел отечество и суть.

Той, что несла Россию сквозь века
в дни радости и безысходной боли,
с которою Спасителя рука
нас вывела на Куликово поле.

В которой Бог — любовь, и отчий дом,
и помыслы о Родине и чести,
где места нет низкопоклонной лести
и вездесущей плахе с топором.

Где не крадут, от жадности устав,
как пынче,
преисподней убоявшись,
где не бегут, кресты стыдливо снявши,

в чужие палестины и места,
забыв могилы дедов и отцов,
историю отдав на поруганье,
за жменю разноцветных леденцов,
богатые посулы и лобзанья.

А Русь?
Что Русь? Она была и есть!
В ней триединства утвердилась сила.
Не зря ее Москву благая весть
последним, третьим Римом окрестила.

Я с ней един.
Я воскресаю здесь,
в ее купели, меж свечей горящих.
И колокольный звон летит с небес:
кто ищет веры
тот ее обрящет.
Кумиров свергнув, обратив их в дым,
пытаюсь очищения коснуться
и сердцем растревоженным вернуться
к причастию и помыслам святым.

КУКУШКА

Все прошлое кануло в Лету,
безудержно год пролетел.
И ласковым солнцем согретый
расцвел на опушке прострел.

Свидетель последней пороши,
весеннего леса артист —
на тонкой сиреневой ножке,
как желтый цыпленок пушист.

А где то кукушка считает
мне Богом отпущенный срок,
как будто неладная знает
в пустых предсказаниях толк.

Надежду и веру вселяя
в бессмертье почти полчаса,
хантыйским шаманом камлает
в синеющие небеса.

Я в эти химеры не верю,
как ярый прагматик, давно,
и вместе со всеми старею,
листая мгновения, но...

Тихонько постой и послушай,
а то, как всегда, недосуг,
что там нагадает кукушка
в оттаявшем к жизни лесу.

***

Какая тишина
в преддверии рассвета!
Бездонна глубина
дорожного кювета —

в нем отраженный лик
межзвездного пространства,
его непостоянства
и вычурных интриг.

Под шторою небес
колышет воздух зыбко,
луч огненной улыбкой
одаривает лес.

Последний тает снег —
весна на самом деле.
И сбрасывают ели
его с прикрытых век.

***

Отвергаю все, что ли вчера
почитал за истину святую.
Лозунги скабрзные смакую,
глупость принимаю “на ура”.

Растворен в крови российский бунт:
отрицанье — самоутвержденье!
Прошлое топчу без сожаленья,
сладостный испытывая зуд.

Наплевать, что тает, словно снег,
в корчах странных войн держава наша,
и какой—то вождь, или генсек
заварили этакую кашу.

Равноценны лидер и пахан —
признаю нахальство без разбора.
Не страшась вселенского позора
продаюсь любому за стакан.

Что для нас, иванов без родства,
боль и стыд растерзанной России —
новые пророки и мессии
нам вещают именем Христа.

ЗИМНИК

/монолог вахтовика/

Повседневная, скучная проза
в надоевших до смерти делах:
по тропе из Югорска в Березов
мы ползем на усталых “зилах”.
Колея, будто рельсы, сугробы
рассекла между елей и пихт.
По обочинам заячьи тропы,
вечер поздний морозен и тих.
Лет, не вспомнить, назад этим трактом
многих всяких везли зимовать:
Александра Данилыча, как то,
и другую российскую знать.
А сегодня почти непрерывно
то на север, то снова на юг:
трубовозы, бульдозеры, краны
по поселкам и вахтам снуют.
До Узюма две сотни, не мало,
волком двигатель воет во тьму,
печка дышит промасленным жаром,
качка медленно клонит ко сну.
Экспедитору все же полегче,
чем водиле, крути не крути:
он баранку не вертит и плечи
не немеют от боли в пути.
Тормози, перекурим немного,
разомнемся, чайку скипятим.
Окаянная эта дорога
надоела, туды ее в дым.
Ну, а мы, знай, елозим на пузе —
север только зимою и жив —
без конца разгружаем и грузим,
о домашнем уюте забыв.
По ледянке, болота покрывшей,

к буровым и медвежьим углам,
там, где небо и чище, и выше,
тащим нужное что то и хлам.
Все, что базы имеют в запасе,
разойдется за лето, авось,
да в тайге, как обычно, не мясо,
а дороже, чем золото, гвоздь.
Ты откуда, дружище?
С Усолья.
Ну, а я — чистокровный пермяк.
Здесь когда платили поболее —
было с чем погулять на морях!
И гуляли!
Да так, что южане
сразу видели северный шик.
Многих выбывших нет уже с нами,
ну, а кто на погостах лежит.
В большинстве своем — водка сгубила
и тоска по нормальной семье.
Я обвык, но какая — то сила
тянет нас ковыряться в земле.
Огород вспоминается, выпас,
в тихой, ласковой речке вода —
те места, где родился и вырос,
и откуда ушел навсегда.
А сегодня, увы, не до жира,
платят мало, и все невпопад:
не хватает то шила, то мыла,
и не выяснить, кто виноват.
Иногда трехэтажным, по флотски,
переложишь — пускай посопят!
Так нельзя относиться по — скотски:
люди, блин, тоже кушать хотят.
Заводи и поедем помалу,
не гони — видишь снег до груди:
знаю, брат, не однажды бывало,

забурился — копай, или жди.
Помню, как то на трассе торчали
суток трое, не дай тебе Бог,
обморозились все, одичали,
в общем, будь осторожен, сынок.
Видишь, зарево под облаками,
значит скоро последний подъем.
На сегодня почти отпахали —
обогреемся и отдохнем.
Выпить?
Тоже, наверное, можно.
Как не выпить — шестнадцать часов
на дороге.
На заднице кожу
не отклеить, поди, от трусов.
Что серчаешь?
Обиделся?
Ишь ты!
Ни к чему это — мы же вдвоем.
Вон уже показались домишки.
Докатили!
И завтра дойдем.

***

В нас яд вселенского испуга
и недоверие в крови.
Что люди делают друг с другом
во имя счастья и любви?

Проказой разъедает зависть
к чужим и близким, невтерпеж.
И нет приятнее, подставить
кому то ножку, или нож.

Неправую клеймит виною
подметных писем береста:
залиты жертвенною кровью
России лобные места.

За око — око!
Все так просто —
от пуля киллера до вил.
И множит время на погостах
кресты и звездочки могил.

Кортежи траурных процессий
и слезы безутешных вдов
в краю неутоленной мести
плебеев, пьяниц и рабов.

Опомнитесь, очнитесь люди
в пылу баталий и стихий:
прости — и да прощенным будешь,
возрадуйся, а не убий!

Но осквернены постулаты,
сведены злобою уста.
И гвозди новые Пилаты
куют к распятию Христа.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Взметнуло речку перекатом
и пеной вынесло на дол.
Под окровавленным закатом
угрюмых елей частокол.

Наверно сменится погода –
восток багровый в облаках.
Непредсказуема природа,
как человек в своих делах.

Молчит, нахохлившись, округа,
полна предчувствием дождя.
Твоя вчерашняя подруга
уже не радуется тебе,

Холодный привкус поцелуя
и скрип распахнутых дверей,
как прежде больше не волнуют
души обугленной твоей.

Сознайся сам себе не с нею
ты от судьбы подарков ждешь.
А тучи гуще... и мрачнее...
и вот уже занялся дождь...

***

Пробилась первая трава,
последний снег под елью тает,
как птицы, шальные слова
в окно открытое влетают.

Весна – прекрасная пора,
пора поэтов и влюбленных!

Готов витийствовать с утра
на перекрестках полусонных,
орать под окнами домов
о пробуждении природы,
любить красавиц... и уродов...
и гениев... и дураков...

Жаль, быстротечны дни весны —
на смену им приходит лето,
туманной осени рассветы,
и серебристый снег зимы.

И старость странницею в дом
войдет, в углу клюку поставив...
Но это — все уже потом,
а нынче снег последний тает!

ОСЕННИЕ СТИХИ

Под завалом ворчала река,
в темноте шевелилась устало,
лист смородины и краснотала
запорошил ее берега.

Но, раздвинув притопленный лес,
растекалась задумчивым плесом,
где над тихой водою березы
в белоснежном наряде невест.

Желтой медью покрыта земля,
темный бор — фиолетово синий,
красным золотом рдеет осинник
по краям порыжевших полян.

Ветер в кронах загадочно тих,
к югу тянутся белые птицы,
шелк волос твоих нежно струится
серебром между пальцев моих.

Облака невесомо легки
проплывают беззвучно над нами,
и пульсируют звонко стихами
в мир надежды моей родники.

В колеснице, спустившись с небес,
осень светлая теплой рукою
накрывает туманной фатою
и поляны,
и реку,
и лес.

СКОРБНЫЕ СТИХИ

Где и когда умру?
Вопрос пустой:
меж бытием и небытью нет грани.
Сколь праведных не прилагай стараний,
все будем там:
и грешник, и святой.

Страшимся пустоты, а между тем,
никто пути к бессмертию не знает,
и потому спокойно ожидаю
судьбы своей не лучших перемен.

А, чтобы обозначить путь земной,
пишу стихи, стремясь к какой то цели:
о женщинах, что плакали и пели,
о тех, кого сегодня нет со мной,
о поисках несбыточной мечты...

Все суетно — а это остается,
когда последним вздохом отзовется
приглушенное эхо темноты.

Задернет солнце заволока мглы,
бесстрастно вечность в двери постучится,
душа взметнется в небо, словно птица,
свободная от сплетен и молвы.

Неслышно попрошу уже в бреду:
“Не поминайте лихом, ради Бога!”

И тихо, без страдания уйду
давным давно предсказанной дорогой,
осенним ветром и дождем отпет.

Вдова всплакнет по мне, не так уж чтобы,
когда друзья потянутся за гробом
и кто то скажет: “Отшумел поэт...”

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Все движется медленно к краю,
к последней, холодной черте,
и красками воспоминаний
ложатся под кисть на холсте
ковыльная степь приамурья,
туманов озерных покой...
Как много гордыни и дури
слетело с тех пор шелухой!

Что помню?
Цветы полевые.
Кричащих на пашне грачей.
И мамы глаза голубые
в морщинках бессонных ночей.
Жалеющий, словно кого то,
тоскливый, рокочущий вой
летающих на юг вертолетов,
да аэродром полевой.

Как грустно отцов провожали,
не ведая, впрочем, причин,
и женщин, которые ждали
своих улетевших мужчин
на поле ковыльном, у края,
в душе отгоняя беду,
где мы до заката играли
в “чапаева” и чехарду.

Как мать целовала в макушку,
поправив простынку мою,
и плакала молча в подушку,
а я притворялся, что сплю.
Как звезды полночные тухли
в шафране встающего дня,
и брякали чашки на кухне,
и завтракать звали меня.

Как бросив портфель после школы,
взяв хлеба горбушку и соль,
широким, ромашковым долом
летел порыбачить на Томь.
И мать не особо лупила,
когда — слава Богу, живой! —
с охапкой саранок, уныло
я к вечеру плелся домой.

Как радость будила поселок:
вернувшись назад, наконец,
еще молодой и веселый
в дверях появлялся отец.
Мать, охнув, бросалась на шею,
а я от восторга визжал,
и мерил потом портупею,
напялив отцовский кожан.

Как вдруг среди шума застолья
смолкал разгулявшийся стол
и пили по полному, стоя,
за тех, кто навечно ушел.

Мальчишке, мне было неважно,
кого поминали они,
но я понимал, что однажды
мы можем остаться одни.

Жизнь была ключом.
А веселый
характер грустить не давал,
и утром наглаженный в школу,
забыв обо всем, убежал.

...Нечастые, светлые письма
шлет детство из сказочных снов.
Читаю их ныне... и присно...
и помню во веки веков...

УМИРАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Вдоль дороги — деревни глухие,
городьба из прогнивших жердей.
Не минули их годы лихие
и забвенье заблудших детей.

А когда то, куда там, звенели
за околицей песни в ночи,
да кричали в лугах коростели,
да галдели на пашне грачи.

Помнят лозунги лет опаленных:
кровь за кровь, от зари до зари!
Кумачом наливались знамена,
как саркома росли пустыри.

Натерпелись бессмысленной муки,
зерна веры в борьбе растеряв.
Опустив узловатые руки
умирают в заросших полях.

Этих окон глазницы пустые
источают тоску и испуг
в самом центре бескрайней России,
по дороге Москва — Петербург.

***

Наш странный, вороватый вожачок
(ему в желанье не откажешь, право)
решил на царский трои в короткий срок
взобратъся и поцарствовать на славу.

Отчески друзей облобызал,
суля златые горы громогласно,
и с помощью горластных зазывал
народом избран был единоголасно.

Взлетев наверх, изрядно нагрешил,
а кто сейчас не грешен у кормила?
Тех, кто роптать посмел, передушил,
в глаза с экрана улыбаясь мило.

Но, как назло, всегда бывает так
еще с времен Калигул и Неронов —
вдруг соскользнула царская корона
и обнажила шутовской колпак.

КОМЕТА

**Один раз в две тысячи лет
сияет на небосклоне Земли
комета Хейли Боппа.**

Затаите дыханье свое
сада жизни дитя шаловливый.
Ветер вечности песню поет
на натянутых струнах оливы,
словно фавн,
увлекая в искус.
Теплый хлев.
Три часа до рассвета.
Между грязных лачуг Назарета
в мир пожаловал мальчик Иисус.
Тьму язычества светом рассеяв,
на зеркале небесной воды,
над песками седой Иудеи
вспыхнул факел рожденной звезды.
Осиянный лучами ее
спит спокойно младенец Мессия.
Утомленная дева Мария
тихо дремлет.
Над миром встает
солнце нового дня.
Путь не близок
и тернист от груди до креста.
И волхвы серебристою ризой
накрывают, как небом, Христа.
Спи Спаситель.
Две тысячи лет
не спокойных,
порою жестоких,
канут в Лету.
Невидимый след
звездной странницы чертится где то

на холодных, безмолвных полях,
где небесная рожь колосится.
Ты летишь,
чтобы вновь возвратиться
недоступная радость моя,
погаенной мечты воплощенье,
ковш воды на не близком пути.
Возвращенье —
всегда возвращенье,
воскрешенье,
крути, не крути.
Перепутаны карты судьбы.
На планете,
наполненной плачем,
резонанс Ерихонской трубы
ничего в настоящем не значит.
Ничего,
что разрушить могло б
равнодушие,
злобу до края.
И венцом окровавленный лоб
не сулит благодати и рая.
Дым пожаров на древней земле,
где покоится плотник Иосиф.
Смрад и кровь.
И опять Назарет
у Спасителя милости просит,
ни себя, ни других не жалея,
да воздастся ему за труды.
На зеленых холмах Галилеи
время стерло святые следы.
Грешен мир.
Ох, как грешен, родимый:
неспокоен,
разгневан,
колюч.

Нетерпимость замедленной миной
разъедает единство.
И ключ
к пониманию и совершенству
недоступен, как прежде, увы.
Не достигнугь святого блаженства:
фарисеи, как видно, правы.
Мысли,
словно кричащие птицы,
бьются в клетке кипящих страстей.
Все неясно.
Туманно.
Напиться б
влаги истины в чаше твоей.
Но далек твой полет.
Искры веры
гаснут в полночи.
Время бежит.
Растворяются в утре химеры,
восходящее солнце дрожит.
До конца не исчерпана тема:
зерна истины в чреве тая
возвратилась звезда Вифлиема.
Все вернется
на круги
своя.

ЛЕТО НА СЕВЕРЕ

Два дня постояло тепло,
Всего то, за целое лето.
Опять за оконным стеклом
в туманы и морось одеты
угрюмо чернеют леса.

И хочется к югу, на воды,
пустые дела побросав
бежать от капризов природы.

Под стук монотонный колес
забыть о высоких широтах,
о скрюченных свечках берез
на рыжих, бескрайних болотах,
о речках в сосновых лесах,
настоянных хвойкою прелью,
о дышащих близкой метелью
линялых цветов небесах.

Так будет не вечно.
Опять
потянет в родные пенаты
под платом багровым заката
суровые будни встречать.

Мечтать, что наступит весна,
и бурные, талые воды,
ликуя, разбудят природу
от мороки зимнего сна.

НОЧЛЕГ

Речку, почти ручеек,
панцирем звонким накрыло.
Встретит меня зимовье
паром по зимнему стыло.

Гарью пахнет из печи,
жаром от дверцы задышит.
Пламя зажженной свечи
тени по стенам колышет.

Гневно багровый закат
северный ветер пророчит,
тихо опустится плат
вытканной инеем ночи.

Яркая вспыхнет звезда
над горизонтом с востока.
Вновь я вернулся сюда
к первоначальным истокам.

Знаю, меня охранят
дебри таежного края
и у живого огня
снова душою оттаю.

Может быть, мне повезет
здесь не проснуться однажды.
Родиной пахнет.
А все
прочее как то неважно.

“Выхожу один я на дорогу,
Предо мной...”

По существу, разлука и любовь —
две стороны единой ипостаси,
где день непредсказуемо опасен
и сумрачно тревожен ночи кров.

В палитре красок на холсте судьбы,
где черный цвет
всего смешенье красок,
встречаются среди личин и масок
прекрасные и редкие цветы.

Уставший от побед,
спалив мосты,
отбросив безотчетную тревогу,
я покидаю торную дорогу
для поисков неведомой мечты,

Не путь лежит,
а ниточка тропы,
протоптанной в глуши, через болота:
колдобины,
крутые повороты,
погосты,
полусгнившие кресты.

Но я иду.
Мне будоражит кровь
карандашом на карте еле—еле
начертанный маршрут к запретной цели
с лирическим названием — любовь.

Там солнце,
и цветущая весна,
и женщина, единственная в мире,
нетерпеливо ждет в пустой квартире,
скучая у открытого окна.

Я прихожу, как в сказочный дворец,
уверенный в своем предназначеньи,
где места нет случайным увлеченьям,
неверности
и холоду сердец.

И я еще не знаю, что пройдет
какой—то срок и станет вдруг понятно,
что мне пора уже идти обратно
в объятья морок и туман болот.

По зыбкой тверди боли и утрат,
пугаясь одиночества и тлена,
из сладкого, мне выпавшего, плена
я выбираюсь на знакомый тракт

Себя в душе безжалостно кляня,
я двигаюсь вперед, не понимая:
от облаков придуманного рая —
до подземелий адского огня,
от радуги, возникшей на краю,
в которой чудеса привычных сказок —
до темноты,
до следующего раза,
когда пойму, что снова устаю.

ОЛЬГЕ

Ночь с луной—недотрогою.

Март.

Приходит весна.

Дремлет парк за дорогою,
а тебе не до сна.

Что ты маешься, доченька,
день рождения ведь!

Знаю, милая, хочется
поскорей повзрослеть.

Неприступная, где уж там,
своевольна чуток,

стала девочка девушкой,
расцвела, как цветок.

Не спеши.

Всем событиям —
очередность и счет.

Будут в жизни открытия
и полюбишь еще.

Все придет, но не ранее,
дорогая моя,

и семья,

и признание,

и свои сыновья.

Годы минут, и новые

тронут сердце мечты,

станут строже знакомые,
дорогие черты.

Будешь дни эти, снежную
вспоминая зимой,

вновь с неясной надеждою
возвращаться домой.

Дом знакомый с волнением
каждый раз узнавать,

где всегда с нетерпением
дожидается мать.
И заметив старения
знаки — экая страсть!,
вдруг уткнешься в колени ей
и наплачешься всласть.

ЛЯНСКИЙ ВАЛЬС

Костер разгорелся.
И лапник настелен.
И звезды погасли в ночи.
Мы снова вернулись сюда, как хотели.
Приятель, давай помолчим.
Ты слышишь:
тревожатся птицы на скалах.
Да, слышу:
приблизился шторм.
Помянем всех наших товарищей шалых
и старую песню споем.
Как здесь мы с тобою и с ними когда то
творили судьбу без затей.
А ночью во снах приходили девчата,
тревожась без наших вестей.
В цветных сарафанах и шелковых платьях
нас ждали в больших городах,
а нам лишь хотелось негромкого счастья
и веры в любимых глазах.
Ты помнишь?
Да, помню:
палатки сырые
и птичьих базаров разбой,
извилистых речек пески золотые,
да ветер холодный и злой.
Сквозь тучи свинцовые солнца осколок
катился кроваво багрян.
Качало Охотское море поселок
со странным названьем Аян.
А скалы извилистой бухты угрюмо
под волны подставили грудь.
И хрипло скрипели шпангоуты в трюме,
никак не давая уснуть.
Молчали покрытые стланником горы.

Как знак, подводивший итог:
награда российских полей и просторов —
в кипящем прибое цветков.
Ты веришь?
Да, верю:
мы снова вернемся
и выпьем за тех, что ушли.
И купол небесный над нами качнется
в широких ладонях земли.
А там, где сегодня живем мы и дышим,
где пашней встречаем весну,
там синее небо повисло над крышей
и яблоня в белом дыму.
В предчувствие бури не веривший сроду,
увидев цветок на столе,
я тут же поверю в капризы погоды
на той необжитой земле.
Порывистый ветер завоюет метелью
над кряжем.
И стихнет в логу...
Я вспомню косые и темные ели
на белом аянском снегу.

НА МУЛЫМЬЕ

Утренние часы.
Миг в предвкушенье клева.
Капли ночной росы
падают с лап еловых.

Тихо струит река
воды свои куда то,
легкие облака
в небе клочками ваты.

Дрогнувший поплавок —
с перьями белый кокон:
плавно повел, подсек
и красноперый окунь
бьется в густой траве.

Ишь, подфартило сразу,
сплюнул назад от сглаза.

Брызнул по синеве
луч из за грив.
В логу
вспыхнули кроны сосен.
Яркой палитрой осень
выцветила тайгу.

Мохом поросший пенъ
в гроздьях брусники красной.
Ветренный будет день,
солнечный и прекрасный.

* * *

Поляна над чистой рекою,
бревенчатый дом и овин.
Теплом и осенним покоем
наполнен березовый клин.

От темной, приземистой бани
пахнет горьковатым дымком.
На вытканной солнцем поляне
мне каждый, с кем встречу, знаком.

Покажется, немощь и старость
за этой незримой чертой
в безвременье где то остались,
расставшись навеки со мной.

Вот—вот на пригорке пологом
появится мама моя,
и с детским, щенячьим восторгом
гляжу на родные края.

Все станет простым, как когда то,
счастливой и светлой порой,
где катится мяч полосатый
к воде под зеленой горой.

***

Пылавшая в небе звезда
погасла, все стало иначе,
покинув, вспорхнула с гнезда
неверная птица удачи,

взмахнула над лесом крылом,
исчезнув в безмолвии ночи.
На зеркале старом излом,
как шрам на груди кровотоцит.

В преддверье чистилища врат
дарами судьба не богата.
Расколот привычный уклад
и нет ощущенья возврата.

В трехмерном пространстве одни
печальные стоны и скрипы:
фальшивою нотой звенит
гармония музыки скрипок.

В понятиях “после” и “до”
утерян стремительный почерк.
И чертит на белом перо
кривые каракули строчек.

***

Когда меня поднимут на плечах
мои друзья и понесут к порогу,
твоя неразделенная печаль
мне выстелит последнюю дорогу.

И в краткий миг, пока душа уснет,
преображаясь на пути в нирвану,
увидю, как знакомо подмигнет
звезда любви е небес обетованных.

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Между гольцов цветущих падь:
уступы, срезы, дикий камень.
Озерная застыла гладь
опушенная ивняками.

Какая тишь!
Не шелохнет
траву у ног упругим ветром.
Нагретый воздух пахнет летом
и медом из пчелиных сот.

Прощай, теперь уже навек,
край родников упрямо бьющих,
в прижимах весело поющих
хрустальным звоном чистых рек,

край возмужанья, где вдвоем
пьянели от признаний пылких
на берегу уснувшей Шилки
под одиноким фонарем.

Немало минет лет и зим,
но непременно сниться будет,
как пел, вдыхая полной грудью
черемуховый белый дым.

И в стороне, где не бывал,
еще не раз, конечно, вспомню
цветущий розовым шиповник
в расщелинах дремучих скал.

ДОМ

Пустой, полуразрушенный, слепой
с повисшей на петле оконной рамой,
дом, съездившись просевшею стеной,
глядел на мир печально и упрямо.

А рядом пролетали поезда,
звенели рельс натянутые струны,
и воробьи в сиреневых кустах,
подравшись меж собой, галдели шумно.

Метались люди в гуще мелочей,
мальчишки мяч гоняли увлеченно,
в пыли чернели ягоды паслена,
проросшие из битых кирпичей.

Все двигалось, а он стоял один
заброшенный, угрюмый и никчемный,
в безвременье сигнала обреченно
флажками штор обтрепанных с гардин,

Он вспоминал веселый детский ор,
лихие песни праздничных пирушек,
на лавочках болтающих старушек,
весною выползающих во двор.

И до конца вполне не понимал,
как безнадежный на больничной койке,
что просто одиноко умирал,
освобождая землю новостройке.

***

Пишу сценарий жизни, видит Бог,
пытаюсь быстротечные моменты,
мелькнувшие на кадрах киноленты,
запечатлеть в скупом рисунке строк.

Здесь все мое, все, без чего нельзя:
сугробов наметенные заструги,
доступные, веселые подруги,
враги и бескорыстные друзья,
звнящая апрельская капель,
мечты о городах, в которых не был,
лазоревое, выцветшее небо
над северной обителью моей,
с самим собою бесконечный спор,
пирушек беззаботное веселье,
прозрения тяжелое похмелье
и совести суровый приговор.

Не все принять сумеют и простить
допущенных просчетов и ошибок,
а критикам скучающим не скрыть
на лицах саркастических улыбок.

Но кто то неожиданно поймет
в стихах несовершенных, я надеюсь,
простых вещей загадочную прелесть...
и, где то прочитав, не переврет.

***

Если мне этот мир
покидать вдруг придется до срока,
отпустите грехи
и простите бродяге долги.
Поднимите бокал за меня,
чтоб не так одиноко
мне светила звезда
и скрипела сосна у реки.
Ну, а если Господь
мне отмерил прожить до предела,
старых, верных друзей
соберу у живого огня.
Поднимите бокал за меня,
чтобы песня звенела
и красивые женщины
вновь обнимали меня.

ПЕРЕКРЕСТКИ

На земле, где мы жили всегда,
все непросто и все так обычно:
за житейским укладом привычным —
островов неоткрытых гряда.
Лентой вьется дорога в ночи,
и за каждым изгибом другое,
и потеряны где то ключи
от дверей тишины и покоя.
Все нам хочется сразу понять:
мед любви, горький яд недоверья,
но в находках своих и потерях
начинаем чуть чуть уставать.
Где то надо в пути отдохнуть
от еще не решенных вопросов.
Только как выбрать правильный путь
на грунтовых твоих перекрестках?
Гаснет в доме покинутом свет,
рифма льдиной расколотой тает
и приветливо новый рассвет
нас с улыбкой в дороге встречает.
Волос твой у меня на плече,
сон короткий и светлый так сладок.
Заметает метель листопада
путь нелегкий к горящей свече,
к месту, где мы с тобою вдвоем
нашим детям подарю святое,
где любимые песни споем
и последнюю пристань построим.
Заглушает душевным теплом
старых ссор и обид отголоски,
и мелькают опять за стеклом
нашей жизни с тобой перекрестки.

РАЗГОВОР

Ю.Д. Левитанскому

—Что же, прощай, я нисколько тебя не виню,
видно не вышло у нас ничего, что хотелось.
Песня окончена — значит, не вовремя пелась.
—Ну, почему же прощай? Я тебя не гоню.

—Не провожай меня, я уезжаю, прости,
время залечит тобой нанесенную рану.
—Что говоришь ты? Мне все это кажется странным.
Разве ты можешь вот так просто взять и уйти?

—Не убеждай меня, будто бы все это ложь,
время рассудит кто прав был из нас, а кто не был.
—Милый, зачем ты торопишься — хмурится небо,
не уходи, подожди, когда кончится дождь.

—Все, что разрушено нами, уже не спасти,
наше единство исчезло — оно безвозвратно.
—Слов моих резкость ты понял, наверно, превратно.
Ну, почему ты не хочешь ко мне подойти?

—Больно подумать — уже не вернуть этих дней,
вдруг промелькнувших цветением летнего сада.
—Мой дорогой, на колени к тебе я присяду?
Ты обними меня, руки дыханьем согрей.

—Знаешь, родная, я счастлив безмерно, что ты
есть на земле, и готов своей жизнью поклясться —
наша судьба непростая — луч солнца в ненастье.
—Милый, я счастлива тоже, но где же цветы?

***

Неизбежна весна, как пролог
новых песен и новых дорог.
Обнажилась земля, запарила
в белый свет, как пасхальный пирог.
И на вербе дрожащий листок,
как письмо от тебя подарила.

Просыпается старый наш дом,
в блюде зеркала света излом,
хлебом пахнут любимые руки
и не снятым парным молоком.
Только зреет и жжет в горле ком
от предчувствия близкой разлуки.

Журавлиных небес синева
от безоблачных мыслей смела,
лед набух ноздреватый на реках,
вот такие творятся дела:
звоном плаваются колокола
над притихшей Россией от века.

На стволах обнаженных берез
ручейки застывающих слез,
брызги юной травы на опушках
новый день акварелью нанес.
И резвится щенком старый пес,
да пророчит беду мне кукушка.

Приговором звучит этот счет
мною придуманных строчек и нот:
время редких, случайных свиданий,
как песок между пальцев течет.
Наплевав на исход предсказаний
я играю с судьбой в "чет" — "не чет".

Но однажды в далеком краю
одолею привычку свою,
возвращая прожитые годы
у крыльца нашу песню спою.
и подхватят весенние воды:
я вернулся к тебе,
я люблю!

ИДОЛ

Травы.
Ночная нега.
Стелется низко дым.
Звезды роняют с неба
капли своей воды.
Море шуршит волною,
трется о твердь у ног.
Поговори со мною
мой меднолицый бог,
искру надежды дай мне,
ту, что в тебе искал...
На молчаливом камне
странный застыл оскал:
смазаны салом косы,
оспой разъеден прах,
в черных глазах раскосых
тлеет животный страх.
Дымно сгорает вечность,
воздух налит бедой —
через тысячелетья
чувствую голод твой,
гомон степного стана
на берегу реки.
Хрустнут в петле аркана
шейные позвонки.
Кровь из яремной вены
вспенится в кубке дня,
благостный перст вселенной
перекрестит меня.
Жуткое грянет скерцо,
ангелов сонм споет —
в жертвенной чаше сердце
вырванное мое.
Непостижим всяк сущий:
сполохами огня

пращур, во мне живущий,
перехитрил меня.
Дикое стонет поле,
плач кобылиц в степи,
пущенною стрелою
память веков летит.
Вижу другие звезды
в темной небес канве,
и полонянок слезы,
пляшущих на траве.
Слышу звериный, пьяный,
гортаннозвучный пир:
призраком над поляной
кружится темный мир...
Гаснет огонь в зеркалах
позолоченных лат.
Стихнет вокруг.
Усталый,
настороженный взгляд
ловит движенье ночи.
В переплетенье рук
вечную жизнь пророчит
ласковый шепот губ.
С пленницей синеокой
душу свою спасу.
Месяц ковшом глубоким
раннюю пьет росу.
Ласковым южным ветром
ветку качнет в ночи —
угли покрыты пеплом,
каменный бог молчит.
Брошусь в ковыль с разбега,
в теле затихнет дрожь.
Травы.
Ночная нега.
Падает звездный дождь.

***

Все мы, люди, рождаемся равными,
для родных — карапузами славными,
отличаясь лишь биркой привязанной.
Нам любая судьба не заказана.

Но потом, подрастая в приличии,
обретать начинаем наклонности:
кто без усталости лезет в отличники,
кто на троечках едет по скромности.

По пути катаклизмы и кризисы,
повороты крутые встречаются,
и одни отправляются в физики,
а другие от лирики маются.

И от старших черты поведения
переняв по каким то наитиям,
эти — просят у дам разрешения,
эти — к бабам идут в общежитие.

Все прыщами покрывшись от зрелости,
назначают ночные свидания:
набираются бобики смелости,
применяют нажитые знания.

Дальше — больше:
кому — в председатели,
а кому — непременно в просители.
Жизнь поделит всех нас обязательно
на простых мужиков и правителей.

Кто отстаивал славные принципы,
при дворах станут скромными принцами,
ну, а кто сомневались и спорили,
тихо сгинут в потемках истории.

Получают, одни — благодарности,
а другие — пинки и затрещины,
и не то, чтобы там от бездарности,
просто: выпивка, карты и женщины

У одних — этажи с вертухаями
у других — только печки, да лавочки.
Как бы эти на этих не лаяли,
этим, в общем, все это — до лампочки.

Кое кто с этим биться пытается,
только чаще всего спотыкается.
Вот такие бывают отличия,
безобразные до неприличия.

Так разводит во всех направлениях,
по любым этажам мироздания
непонятное ныне явление
с неизвестным доселе названием.

ЛЮБИМЫМ

Нам дарят жизнь, и свет, и первый звук,
баюкают, крестить приносят в храмы
прекрасные, единственные мамы,
пройдя сквозь череду страстей и мук.
Они – для нас, как весь огромный мир.
А невзначай ударимся, играя –
губами наши слезы утирают
и ограждают от недобрых сил.

До той поры, пока придет она,
возникшая внезапно, как дорога
в пустыне, предназначенная Богом,
приветливая спутница жена.
Другие, повзрослевшие дела
в водовороты жизни нас бросают,
но от внезапной гибели спасают
негромкие участия слова.

Старая, в ожидании разлук
и встреч, по дому ходим осторожно,
прислушиваясь чутко и тревожно.
В дверь раздается долгожданный стук –
и силы возвращаются, ей ей,
и сердце под грудиной меньше стонет,
когда щекой касаешься ладони
уже подростковой дочери своей.

Живут, оберегая и храня,
три любящие женщины меня.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Смотри, как складывалась жизнь.
И пусть нас тронули седины –
плечо в плечо, в строю едином
мы проходили рубежи.

Не все сложилось и не вдруг –
но если был намек надежды,
без промедления и прежде
ты шел на выручку, как друг.

Как три десятка лет тому,
к тебе нас, лишь отъедем, тянет –
любовь старинная не вянет
не исчезает, как в дыму.

В рисунке улиц каждый дом
стоит незыблемою вехой
и сопричастность человека
к твоей судьбе в тебе самом.

На фоне этих разных лет
она не выглядит иначе,
и та же трудная задача –
в себе себя преодолеть.

ДОРОГА ДОМОЙ

Возвращаюсь усталый,
на круги своя возвращаюсь.
Зноем в иллюминатор –
давно надоевший закат.
Я с тобою, Тунис,
ни о чем, не жалея, прощаюсь,
как приятно к знакомым местам
возвращаться назад.

Здесь – почти что зима,
ветер мокрые листья гоняет,
и вот вот над домами
проявится зябкий рассвет,
и объятая открытые
вряд ли меня ожидают –
все равно я лечу
предвкушеньем свиданья согрет.

Смена жизненных вех –
не сложнее, чем смена погоды,
наших троп и дорог
на планете огромной не счесть.
Нас не учат почти ничему
расстоянья и годы,
к сожалению, в этом
печальная истина есть.

Как к груди материнской,
к истокам своим припадая,
ощущаю подспудное,
вязкое чувство вины,
и почти умиравший вчера
тот же час воскресаю –
нету лучше лекарства,
чем воздух родной стороны.

Исчезает пространство и время
видением зыбким.

И привычно приветлива
даже на фоне дождя
ясноглазая прелесть
загадочной русской улыбки,
что у трапа ночного
встречает, как брата, меня.

МАМЕ

Широка на причуды память –
и чем дальше, тем все видней –
образ рано ушедшей мамы,
четкий контур далеких дней:
детский садик, подружка Таня
и полуденный, сладкий сон,
одевание со слезами –
мальчик мучается с чулком!

В первый класс, как других, за руку
привела: «Не шали, сынок!»
После завтрака, утром мука –
чистка ваксой своих сапог,
с буквой «ша» на гербе фуражка
и армейский ремень отцов.
«Будь готов, пионер!» отмашка.
Строем, дружно: «Всегда готов!»

На вокзале со мной прощаясь,
слез никак не могла сдержать,
и писала мне, что скучаешь,
что не можешь ночами спать.
А в балке на скрипучей койке
я, читая их, засыпал –
на далекой, таежной стройке,
где дорогу свою искал.

Завертевшись и пары строчек
за год даже не написав,
принимал, приезжая, молча
укоризну в твоих глазах.
В милых женщин не раз влюблялся,
насидевшись в лесной глуши,
сам не веря, вернуться клялся,
но покаявшись, вновь грешил.

Годы шли – матерел, работал,
убеждаясь уже не раз –
как ребенку, твоей заботы
не хватает порой сейчас
Все вернуть бы, что было с нами,
и почувствовать, где то там,
рук заботливых прикасанье
к побелевшим уже вискам.

Все уносит с собою Лета.
И мазками ложась на лист
дорисует картину эту
с блеском мастера жизни кисть.
А в рисунке ее детали
неприметны, но так точны,
вдруг возникшие моментально
вспышкой света в глаза из тьмы.

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Из туч возникший наконец
молотит дождь свинцом по стеклам,
и рвет поводья ветер мокрый,
как ошалевший жеребец.

Необъяснимость чувств и слов
таких пронзительных до дрожи
рождает заурядный дождик
в звенящей музыке ручьев.

Роняет капли на траву
листва березы, словно плачет –
все это чтонибудь да значит,
как все намокшее вокруг:

проселок потемневший, где
сомлев нахохлились домишки,
в штанах закатанных мальчишка,
вдруг пробежавший по воде,

соседа дочь в наряде «ню»,
белье собравшая с забора,
и огород у косогора
почти засохший на корню.

А небо, землю возлюбя,
дарует существу в награду
несущий свежесть и прохладу
всего лишь мерный шум дождя.

ФОРТУНА И ФЕМИДА

Разбавив прошлое винцом
о днях растраченных не плачу.
Фортуна с каменным лицом
мне, как всегда, сулит удачу.

Фемида пальчиком грозит,
ей что – она же – правосудье:
мне прегрешений не простит.
Плевать!
Когда все это будет.

Я этих двух занятных дам
всегда немного опасался.
Фортуну с горем пополам
однажды даже попытался.

Но повернувшись вдруг спиной
она с улыбкой мне сказала:
«Мой мальчик, чтобы быть со мной
одной удачи слишком мало.

И если ты еще разок
ко мне полезешь беспардонно,
тебе моя подруга срок
отмерит быстро и законно».

Ну, думаю, мадам, шалишь!
И шасть к Фемиде под окошко –
проснись любимая, услышь! –
но услышали только кошки.

И полуночный их концерт
был не воспринят – это точно!
А утром получил конверт
с повесткой – в суд явиться срочно!

С тех пор идут мои дела:
стараний много – толку мало.
Фортуна – мать! не помогла,
но и Фемида не прибрала.

ЗИГЗАГИ

Я помню, как падали в пропасть
вчерашние символы веры,
как быстро менялись местами
понятия «правда» и «ложь».
Летел обезумевший поезд
по нашим натянутым нервам,
(где все пассажиры – мы сами),
куда и зачем – не поймешь.

Мы песни задорные пели,
свергая бесстрашно короны,
и кровь наша лентою черной
на шпалах оставила след.
Но, вот, тормоза заскрипели
и, дернувшись, встали вагоны
на станции грязной и темной
с приличным названьем «Рассвет».

И те, кто привел нас, сказали,
что завтра все будет иначе:
сытнее похлебка на ужин
и слаще забористый квас.
На станции мы переспали,
а утром голодные клячи
на шатких телегах по лужам
в грядущее вынесли нас.

Грядущее тусклым и серым,
как выяснилось, оказалось,
и многие спились от горя,
хлебнув на студеных ветрах.
Вчерашние символы веры
опять на амвоны забрались,
им наши вожатые вторят,
окраску сменив на гербах.

История – хитрая девка,
все выдаст на блюдечке, кроме
простых повторений спирали,
что в бездне межзвездной парит.
Колонны и правых и левых
толпятся на скользком перроне,
а поезд в грядущие дали
опять под парами стоит.

КАРТИНА

Неподражаемо чисты
штрихи эпох давно забытых,
что откровенно и открыто
несут картоны и холсты.
Картины сказочный удел –
дарить событий отраженье,
где мастер красками движенье,
остановив, запечатлел.
Здесь, на безмолвном полотне
скрипят полозья, скачут кони,
и долетает звук погони
сквозь хлопьями летящий снег.
Поверх соломы на санях
раскинута медвежья полость,
и ямщика пропитый голос:
«Гони, залетные!..»
Звенят
прерывисто, тревожа слух,
три колокольца под дугою,
и дева нежною рукою
сметает с шапки белый пух.
В разрывах туч луна струит
свет серебристый над поляной,
как образ, верой осиянный,
в дрожащем воздухе парит.
Ах, тройка!
Вынеси, спаси
все, что случилось между нами –
порыв души и сердца пламень
всегда ценились на Руси.
...Очнись от сладкого вина
забытых чувств и откровений,
неясных образов и теней
коснувшись.

Эти времена
еще придут ко мне во сне
порой ненастной и угрюмой,
где я с красавицею юной
останусь жить на полотне.

Полночь, полночь, полночь!
в полночь полночь полночь!
в полночь полночь полночь!
в полночь полночь полночь!

Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь

Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь

Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь

Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь
Мне снится полночь

РЫБАЛКА В ПРЕДЗИМЬЕ

Сурово бор насупил брови,
седые космы мха на елях.
Последний луч осенний ловит
лазурь небесной карусели.

Застыли прибереги речки,
зеркальным льдом покрылись плесы.
Холодной шалью лег на плечи
сосновых грив туман белесый.

Поблекнув, выцвели картины,
а лишь вчера еще летели
в потоках теплых паутины
и листья на осинах рдели.

Изменчива природа.
Ныне
в ее чертах – другие грани.
Но не позволит впасть в унынье
костра трепещущее пламя,

друзей веселых шумный гомон,
ухи с дымком горчащий запах,
вкус Сашкиного самогона,
короткий сон на хвойных лапах.

А утром чай душистый, крепкий,
и горизонта тусклый росчерк,
и свежий ветер гнущий ветки,
всю ночь проспавший, между прочим.

Да, что нам, закаленным, ветер –
жизнь превосходна отчего то.
Собрать улов, проверить сети –
всего на полчаса работы.

И радоваться, как впервые,
почти килограммовой щуке,
да чувствовать, что вдруг заныли
озябшие до боли руки.

Согреть ватин фufайки волглой,
присев у углей раскаленных.
И догадаться удивленно,
что этот снег уже надолго.

***

Разгулялся я по свету, Боже мой,
разыгрался – сам себя не узнаю,
потеряв надежду встретиться с тобой,
балансирую опасно на краю.

Шаг неверный – и костей не соберешь,
а когда то забирался на канат.
Я сейчас скорей на клоуна похож.
Заблудился.
Сам, конечно, виноват.

Подросли, наверно, наши тополя,
сын, не видевший папаша, повзрослел.
Все мои печали скоро отболят,
успокоюсь одиноким не у дел.

Но однажды постаревший и седой
постучу привычным стуком в нашу дверь,
ты откроешь и не узнанный тобой
я войду, как в тот волнующий апрель.

Оробею, сам не знаю почему,
раньше голову носивший удаю.
Ты, прислушиваясь к сердцу своему,
спросишь голосом охрипшим: «Вам кого?».

Погляжу в глаза, не зная, что сказать,
ты заплачешь, узнавая.
А в тиши
заколдованные двадцать лет назад
вдруг пойдут давно стоявшие часы.

МОЛИТВА

Захотелось пожить широко и легко,
но к престолу грехи не пускают.
Продвигаюсь нетвердо по грани веков,
по дороге нехоженой, к краю.

На щебенке разбитые ноги саднит,
ноет тело, смыкаются веки,
кровью небо плюется, и даже гранит
кровоточит, как плоть человека.

Как спасения жду: поскорей бы снега
эти раны мои зализали,
и терзает застывшую душу тоска,
истекая на землю слезами.

Дуют злые ветра на пороге зимы
и сквозь тучи не видно просвета.
Если мне повезет, дотяну до весны
и едва ли до нового лета.

Из за дальнего леса, на бледном коне
гость пожалует в саване драном...
Ангел Божий, когда я исчезну в огне,
помолись обо мне окаянном.

К ИСТОКАМ

Поезд шумно причалит к перрону.
Полон веры и мыслей благих
торопливо шагну из вагона
в пряный запах осенней тайги.

Тает медленно в сумраке эхо,
по таежным распадкам дробясь:
я вернулся опять! – я приехал! –
слава Богу, что ты дождалась!

Не могу надышаться простором
и красою земли и воды:
к югу тянутся степи и горы,
ближе к северу – вечные льды.

Русь, как девушка, в вышитом платье
и кокошнике выше бровей.
Проступают на дымном закате
купола деревянных церквей.

Вижу в облаке древние лики,
реки крови, да огненный брод,
и голодный опять, но великий,
переживший эпохи народ.

Эх, Россия, тебя ль не ломали,
не пытали на дыбе кнутом?
Затуманены в прошлое дали,
да и стоит ли снова о том?

Только, кажется, стоит поведать,
свет нелегких ответов пролить
на причину вопроса «Что делать?»
и, конечно, вопроса «Как жить?».

В наших вечных и вздорных идеях
от столицы, до самой глуши
и таится иголкой Кащей
состояние русской души.

Но, как зерна проросшие в поле,
как в пустыне палящей цветы,
пробиваются думы о воле
и о доле счастливой мечты.

Тьмы египетской было в достатке,
но и дней осиянных – не счесть.
Утвердилось весомо и кратко:
Бог, Отечество, Вера и Честь!

Пусть до звона натянуты жилы
и уставшие руки болят,
но пока эти символы живы,
будет жить и родная земля.

Нам с тобою скулить не пристало
обреченно.
И даже во сне
я молюсь, чтоб терпенья достало
и тебе, дорогая, и мне.

* * *

Их подсчитают штабисты подушно,
в папки подколют листы без затей...
А по вселенной к беде равнодушной
матери ищут пропавших детей.

Им никогда до конца не поверить
в гибель мальчишки в стране без войны,
и, до конца не смирившись с потерей,
видеть цветные, счастливые сны,

где сыновья их никак не взрослеют –
детских занятий обыденный круг:
школа – сольфеджио – корью болеют –
плачут – влюбляются в юных подруг.

...Папки ложатся пластами в архивы
и превращаются в землю и прах.
Где вы, пропавшие, может быть живы?
Горло сжимает бессилье и страх.

И неустанно все женщины мира,
верные званью высокому – Мать,
в джунглях Анголы, в предгорьях Алжира
не перестанут искать и искать.

Горы Кавказа, пески Эритреи –
там, где под небом убийство и кровь,
трое от боли и горя немеют:
Вера, Надежда и с ними Любовь.

ЭТЮД

Контур образа.
Движенье.
Свечки гаснущее пламя.
Полутени.
Полудрема.
Воздух, пахнувший весной.
Словно ангельское пенье,
прошуршавшее над нами –
скрип полов ночного дома,
перебранка за стеной.

Кто то пьяненький кому то
объясняется негромко,
бормоча во тьму пустое –
не хватило, видно, дня.
В эти редкие минуты
убаюкивает тонко
чувство светлого покоя
посетившее меня.

И тепло твоей ладони,
и упругость юной кожи,
свежий ветер в занавеске
из открытого окна –
все привычно и знакомо,
лишь немножечко тревожит
неожиданно и резко
наступившая весна.

ЭМИГРАНТ

Черта подведенная, словно граница,
как шрам рассекающей землю межи:
однажды решившись, он смог, и, как птица,
покинул родимой страны рубежи.

Здесь сестры остались, и брат параличный,
и мать на заросшем погосте, в земле.
Он не сомневался, забыв о величье
поставленных целей и всякой муре.

В далекой, богатой стране он забудет
квартиру в «хрущобе» и жалкий оклад,
красотку найдет с силиконовой грудью,
и что то напишет, и станет богат.

Но как то в порту сан франциского Рога,
увидев под флагом родным пароход
и речь услышав, неожиданно вздрогнет,
и что то под сердцем внезапно кольнет.

И в жаркую ночь, где бессонница правит,
когда в темноте не закроешь глаза,
все снова вернется – и щеку оплавит,
скатившись беззвучно и горько, слеза.

* * *

Амба! Прошлое вышло в тираж,
обеспечено домом и пенсией,
потихонечку ходит по лесенке
на второй, не высокий этаж.

И стучит по асфальту палкою
разом выцвевшее и жалкое.

Настоящее носит костюм,
и участвует в разных собраниях,
высоко ценит хватку и знания,
и, конечно, недюженный ум.

Настоящее брезгует прошлым,
в чем становится скучным и пошлым.

И ревнуют, почти как влюбленные,
эти двое друг друга с пристрастием
за эпоху, уже разделенную
болтовней несусветной и баснями.

Но грядущее видеть, не скрою,
не умеет ни то, ни другое.

***

Он умер почти,
но сумел возвратиться назад
от крика хирурга
в пропахшем карболкою зале.
Он даже не смог испугаться,
и смерти глаза
ему, почему то,
провалом в земле показались.

Из пропасти веяло дымом,
палило огнем,
он сделал три шага
и ноги увязли в трясине.
Седой старикашка с веслом,
изможденный и синий,
сказал монотонно и тихо:
«Ну, что, поплывем?»

И тут он услышал,
как будто сосед за стеной
его разбудил
и позвал самогона отведать:
«Давай, просыпайся мужик!
Ну, давай же, родной!»
И он возвратился.
Нельзя же обидеть соседа.

А темная Лета,
как грязный, заросший ручей,
забитый до верха
накопленным прахом и илом,
текла между жизнью случайной
и смертью ничьей,
текла, не спеша, через вечность
и крепко смердила.

***

То – хлеба сверх меры, то – вдруг, недород.
Справляет по прошлому тризны
другой, на себя не похожий народ
по весям бескрайним отчизны.

На башнях – орлы, на погостах – кресты,
свет разума теплится еле.
Разрушены до основания мосты,
ведущие к призрачным целям.

А новых не видно.
Куда до мостов,
тут как нибудь выжить до лета,
зарывшись в глуши от колючих ветров,
гоняющих судьбы по свету.

Я верю, как всякий, что это пройдет,
и новые светлые дали
откроются нам с покоренных высот,
но, вот, что сегодня, едва ли.

Стране еще долго, вставая с колен,
пить есть не особенно сладко.
...Мне выпало выжить в огне перемен,
а другу – сгореть без остатка.

***

Поступил на Дантеса донос,
в замок Иф заключили беднягу.
Вот, что может простая бумага
с синей строчкою наперекос.

Ох, и любят у нас говорить:
анонимки по сути порочны
но не могут без этого жить –
и читают, и шлют, между прочим.

А, кто пишет, добра нам хотят,
без причин не обидят и мухи.
Но, шепча, расползаются слухи:
рубят лес – только щепки летят!

Эти щепки летящие – мы.
Постоянно Отчизна в расколе,
потому от сумы до тюрьмы
только маленький шаг и не боле.

Монте Кристо – счастливый мужик,
он с деньгами остался при силе.
А родня моя, где то лежит
на заснеженных склонах России.

ВЫБОР

...И он в душе почти дошел до Бога,
пытаясь отодвинуть эту дату...

Извилистая, пыльная дорога
его неспешно вывела куда то.
На берегу реки звучали струны,
на зелени лужайки – смех и крики:
рассыпались фигуры девиц юных,
как в прошлых снах его, прекрасноликих.

Под сенью яблонь спелых, как под крышей,
седые старцы что то обсуждали.
Никто и не заметил, как он вышел
из за деревьев.
Видимо, не ждали.

Он кашлянул, и повернулись лики,
сверкающие, как алмазы в саже,
их голоса чарующие стихли,
все молча ждали, что пришедший скажет.

А он молчал – увиденное сразу
его сразило.
Вечных мук и горя
не наблюдалось.
И застряли фразы
под желваками в пересохшем горле.

Возникшее волненье пересилив,
он тихо произнес: «Пресвятой Боже,
я, грешный, прибыл прямо из России,
уж извините, если потревожил!»

Старик, что был за старшего, ответил:

«Ты, кажется, напутал что то, парень:
здесь – просто ад, а кто в святые метит,
те – по дороге, через мост, подале.
Они там валят лес глухих урочищ,
да уголь жгут древесный для очистки
напитков наших крепких.
Если хочешь,
хлебни: вот это – джин, а это – виски».

Мелькнула мысль: он, может быть, не понял,
но лики отвернулись, как забыли.
Почувствовал опять, как сердце стонет,
и ноги, в кровь избитые, заныли.

А шумное веселье продолжалось,
несли хлеба и яства для раздачи.
И, вот, уже улыбочиво прижалась
к нему бабенка в тунике прозрачной.

Он выпил залпом, обретая смелость,
пытаясь дрожь возникшую унять.
Но чувствовал, что, как бы не хотелось,
ему опять придется выбирать.

И выбор этот будет однозначен:
жечь угли где то – вроде бы не псих!
Нечистый подфартил, зачем иначе
он натолкнулся сразу на своих.
Он не упустит случая, поверьте:
уж лучше пьяным – здесь, чем трезвым – там!

...Но тут из леса появились черти
и приказали двигаться к котлам.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПРИЕМНОЙ

Не в высоких царят кабинетах
бюрократия, чванство и блажь,
а в приемных культурно одетых
и до нельзя пустых секретарш.

Амазонки, защитницы членов,
тушью веки закрасив и дурь,
охраняют священные стены
от любых посягательств и бурь.

Над бумагой головки склоняют,
положеньем довольны весьма,
а коленки и грудь заменяют
без труда недостаток ума.

Что поделаешь, слабые боги
нынче – те же, что были вчера,
и, нередко, красивые ноги
не доводят бедняг до добра.

Так, что, стоит ли сирых порочить,
на характеры злые грешить?
Сколько раз секретарша захочет,
столько, мелочь, и будешь ходить.

ТВОРЕЦ ИСТОРИИ

Роковыми страстями влеком –
то в полет за небесною манной,
то по минному полю ползком –
человек непонятный и странный.

Он железом пройдет по земле,
и в огне свои страхи утопит,
а потом будет рыться в золе,
им разрушенных догм и утопий.

Натолкнувшись на пласт пустоты,
весь в крови по колено и страхе
будет слезы ронять на листы,
сочиняемых им монографий.

И наврет обо всем этом так,
что потомки его будут рады
вдруг узнать – им открытый пятак
драгоценней погубленной правды

Как придумаем – так и живем,
не внимая Завету с Кораном...
А история прет напролом –
Соломея с главой Иоанна.

* * *

Выстыло жильё, погасла печь –
в дом хозяин не вернулся, знать.
Желтый стеарин оплывших свеч
не ответит, где его искать.

На дворе поземка, лунный свет,
тень креста на берегу крутом.
Если человека в доме нет,
умирает, остывая, дом.

***

Какой стоит мороз!
Почти под сорок,
прикрыта дымкой розовой заря.
Февраль чудак показывает норы,
безжалостно кусается, а зря.

Весна не за горами.
Слава Богу,
закончилось засилье холодов –
обочины темнеют на дорогах,
оттаивают окна у домов.

Слепит глаза полуденное солнце,
сползают с крыши снега языки,
и женщины, идущие к колодцу,
давно сменили шали на платки.

* * *

Нас потопом стращали,
судилища вечными муками,
Иерихонскими трубами,
мором вселенским, проклятием.
Гром небесный не грянул –
он не был предсказан наукою,
и о прочих напастях
пока не имеем понятия.

Мы рубили леса,
чтобы мчались дороги железные,
городили плотины,
пуская под воду селения,
изменяли природу,
в потомках бесстрашие пестуя.
И дрожала земля,
невзначай сотрясая вселенную.

На отметины ран
второпях, на бегу нанесенные,
на гнездо разоренное птицы
с ухмылкой скалились.
В постоянной борьбе,
неизвестно за что, закаленные
в опустевшей душе
сотворили себе Апокалипсис.

И сегодня нам платит
за то, что свершили подобное,
за небесный платок
от пожарища сажей запятнанный
неживою водой
и плодами земли несъедобными
наша древняя Русь
на кресте равнодушья распятая.

***

Вагон качнется, поезд тронется –
пора, мой друг, давно пора.
Направо – купола и звонница,
налево – мусора гора.

Подворье дышит благочестием,
гора уродует красу:
туда – несут свое бесчестие,
сюда – дерьмо свое несут.

Там все грехи твои отмолятся,
тут не поднимешься с колен,
там все твое воздастся сторицей,
тут – разложение и тлен.

Закрой кондуктор дверь вагонную,
как надоело – стыд и срам! –
глядеть на марево зловонное,
что застиляет Божий храм.

Но кружит воронье вокзальное
над куполами и горой,
и, что чего первоначальнее,
не разберу уже порой.

МОНУМЕНТ

Поезда несутся на восток.
На лице горы от кирок шрамы.
До сих пор берут под козырек,
побледнев внезапно, ветераны.

Вырубленный в этих скалах Бог
день и ночь в глазах страны маячил.
Думали навечно.
Кто бы мог
даже в мыслях допустить иначе?

Но однажды умер.
И страна
приняла нелегкое лечение,
спала с глаз потухших пелена,
но явился зуд изобличенья.

И пошло: привычное убрать,
поменять и вовсе уничтожить.
Слава Богу, есть, кому пенять,
предъявлять по счету и треножить.

Хоть святых из дома выноси:
не преминем попенять быломu.
Так всегда бывало на Руси
в проклятые годы переломов.

Пережившим многолетний страх
не до жиру, право, быть бы живу –
время испытаний наложило
ранние седины на висках.

За душой сгоревшей – ни шиша,
где тут до возвышенных стремлений.
Сменится немало поколений,
прежде чем излечится душа.

И мелькнут, как память об Отце,
выбитые яростно руками,
впадины глубокие на камне,
словно оспа на Его лице.

***

Жизнь, как ни странно – краткое мгновенье,
мелькнувший образ дня, почти, что сон –
от яркого восхода дня рожденья
до сумерек банальных похорон.

Горит свеча несбыточных желаний
дрожащим, неуверенным огнем,
и чем быстрее мы ее сжигаем,
тем искренней и яростней живем.

Две плоскости дверного полотна
совсем не делят мир на тот и этот,
и ниточка багрового рассвета
моим, увы, закатом рождена.

***

Мы рождены в кровавый век
неверия и катаклизмов,
где правил призрак коммунизма,
плодивший нищих и калек.

Отрекшись, не желая знать
в убитых, ни отца, ни сына,
мы трупами через трясины
стелили в будущее гать.

В гордыне, праведных дорог
мы в этом мире не искали,
и годы страшные листали,
величье спутав и порок.

Когда раздастся Божий глас
и встрепенется небо птицей –
кто сможет тихо помолиться
за падших грешников, за нас.

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ РУБЛЕ

Он был излапан тысячами рук –
измят, обезображен и подклеен,
но, как из под станка, самонадеян,
бесстыден и всеяден, как паук.

Он душу грел присутствием –
хотя,
его хватило бы едва на пиво –
и, развалившись в кошельке лениво,
ворочался, боками шелестя.

Когда то был он молод и удал,
прилавки глядя бритыми щеками,
воспринимая прочих дураками,
и покупая все, что пожелал.

Но годы шли, инфляция росла,
что было многим – становилось малым,
и нашего героя чаще рвало,
да окунало с головой в масла.

Он стал брюзгой, обидчиво нудил,
наряд латая ветхий, носом шмыгал,
а ценники показывали фигу,
когда он за покупкой заходил.

И он привык скрывать обиды боль,
еще наглее стал, еще циничней,
на всех попойках находился лично,
ковригу хлеба принося и соль.

Десятки на него смотрели вкось,
а сотни – те совсем не замечали,
но поневоле стукались плечами,
брезгливо отворачивая нос.

Он тискал их в потемках, не унять,
застывших от испуга неподвижно.
Он знал, что может лихо разменять
любую сотню – сотнею таких же.

Но, каждый день, теряя лишний вес,
он превращался в мелкую монету –
седой, полуголодный и раздетый.
И, все равно, как мог, в герои лез.

И, вот, однажды понял, что умрет –
последний марш в душе играли струны –
почувствовал: вот вот его фортуна,
сложившись с кемнибудь, его пропьет.

Ну, что ж, возможен и такой конец,
придуманный ему его врагами –
он никогда подстилкой под ногами
не станет, как какойнибудь юнец.

Он встретит смерть, как белорусский зубр,
почивший в политическом удушье.
Потомки не увидят малодушья
в его глазах.
Последний он – но рубль!

Так думал, годы не беря в расчет.
Иначе вышло все – судите сами –
он был потерян.
А потом ветрами
меж небесами и землей растерт.

СТАРОСТЬ

Мы – прошлое уже, болезненное прошлое,
растаявшее, где то далеко.
А юбилеи и банкеты пошлые
лишь моде дань, доступная легко.

Наш опыт, как и наши опасения
давно не принимаются всерьез,
а редкие минуты озарения –
нелепый, неожиданный курьез.

Мы стали знаменитыми тогда еще
и нынче зорек глаз, крепка рука.
Но молодость – слепа, и осуждающе
летит обидный шелест шепотка.

Убитые словами в грудь ли, в спину ли
уходим молча.
И в который раз
мы видим в зеркалах, что годы минули,
нас, заменив похожими на нас.

РАЗДУМЬЯ У ТЕЛЕВИЗОРА

Розданы последние долги,
отзвучали вычурные тосты.
Разошлись в ночную замять гости,
в круговерть ноябрьской пурги.

Грязная посуда на столе,
водки не допит стакан граненый.
...И гремит ансамбль краснознаменный
об угрюмой Стенькиной скале...

Представляю, как бы я свою
выбросил девицу за окошко.
...Ах, какие на экране ножки
весело танцуют и поют!..

Завтра уезжаю навсегда,
горькое забыв, простив обиды.
...Что там этот хмырь очкастый выдал?
Кто опять кому по морде дал?..

Как я проживу без этих мест,
без Нинка с ее высокой грудью?
...Ну, сейчас с бабенкой что то будет –
он ее разделает и съест!..

Переключим. Щелк. Вот это – да!
Снег летит, как из перины вата.
...Новодворской голос хрипловатый
лезет в уши, в общем, ерунда...

В городе культурней, но бардак,
суета, и, что ни двор – помойка.
...Ишь, ты, виски пьет! Зачем водой то
разбавлять, попробовал бы так...

Ладно, не беда, достанет сил,
только, вот, за что, не знаю, взяться.
...Нет, куда им с нами состязаться –
с полбутылки сопли распустил...

Ведь и город для кого то мил:
хлеб жуют, живут детишек ради.
...Жириновский, либеральный дядя,
что то там, в Израйле начудил...

Как нибудь пристроюсь, ни хрена!
Если не пролезу верхом – низом!
...Эти все воюют с терроризмом,
потому опухли от вина...

Оставаться, как то не с руки,
вроде попрощался, тары бары.
...Выгнали богатых на Канары,
сделали им хуже, м...дураки!..

Что же будет с нами, если б знать,
в смутный век, каких неясно «измов»?
... Блин! Достал проклятый телевизор.
Дорогая, расстилай кровать!..

БАЛЛАДА О КРЕСЛЕ

Устаревшее, с треснутой кожей,
укороченной левой ногой –
кресло, раны свои подытожив,
отдыхало в конторе одной.

Много видело всякого кресло:
мат при свете и блуд при свечах,
основное чиновное место
выносило на хрупких плечах.

И когда то, в далекие годы
главным было меж мебели всей,
выделяясь высокой породой
с позолотой обойных гвоздей.

Разве мог не приближенный, смертный
опуститься на пухлый стульчак,
или тронуть начищенный, медный
спинки поручень. Как бы не так!

Кресло щеткою чистили, мыли.
Запах редких духов – просто ах! –
отбивал запах хлама и пыли,
что копились годами в углах.

Став значимым лицом только только
в дележе привилегий и прав,
вознеслось, но пришла перестройка,
все вокруг в одночасье сломав.

Стали кресло таскать по активам,
и ногами на кожу вставать,
обливать алкоголем и пивом,
и плохие слова рисовать.

Меньше стало костюмов хороших,
а рубашки – все больше фланель,
ткань на брюках, куда как поплоче,
и девицы не пахли «Шанель».

Утряслось все не скоро, конечно,
и, пока продолжался бардак,
обломали у кресла предплечья,
провалили ногами стульчак.

А однажды, как и повсеместно,
в кабинет заявился чужак –
поменяли ненужное кресло
на столичную штучку, вот так!

В темный угол, туда, где курили,
возле букв на дверях «м» и «ж»
жить на пенсии определили,
до кончины, похоже, уже.

Хорохорясь по моде момента,
горячась в атмосфере бесед,
кресло стало почти диссидентом,
правда, кухонным – впрочем, как все.

И в прокуренный мрак коридора
долетала такая подчас
откровенная, злая крамола,
что и нынче не любят у нас.

Твердь дороги под грязью и снегом
потеряв, как болотную гать,
кресло стало скрипеть, как телега,
и по старчески ныть и брюзжать.

Двигать кресло уже не решались –
пусть стоит, не мешает пока.
Ночью юные парочки жались,
наминая у кресла бока.

А за стенами ветры стонали,
рвали флаги лихих перемен,
гимны вместе с гербами меняли
у кремлевских, заплеванных стен.

И, однажды, не выдержав хаос,
мордобои и крики «ура!»,
кресло, охнув, внезапно сломалось,
превратившись в простые дрова.

А, поскольку уже не топили,
и по миру метели мели,
кресло тут же пилой распилили
и в буржуйке железной сожгли.

Не дожив до пришествия малость
демократии, в дым над трубой
превратилось.
И мне показалось,
будто это случилось со мной.

САПОГИ

В гараже пылились сапоги,
ни один из пары не был чищен,
запахом нехоженой тайги,
дымом терпко пахли голенища.

Их хозяин одевал, когда
уезжал на дальние деляны,
где они дышали ветром пьяным,
два простых, кирзовых сапога.

Шли вперед решительно и смело,
скособочив задники слегка,
беломошник ягодою спелой
красил им потертые бока.

И сушились, вымокнув в болоте,
развалившись ночью у огня,
прочные, привыкшие к работе,
к непогожим и погожим дням.

Их судьба была достойней многих,
против этой правды не попрешь,
и носили пыльные дороги
отпечатки рубчатых подошв.

Но, как только становился хмурым
и пустым заснеженный пейзаж,
сапоги, едва почистив шкуру,
отправлялись отдыхать в гараж.

Там в углу холодном, под брезентом,
вспоминали летнюю грозу,
и реки серебряную ленту,
и травы хрустальную росу.

Засыпая думали о лете,
 что не развалились до сих пор,
 а во сне гадали, как то встретит
 их весной знакомый, старый бор.

ЖЕРТВА СУИЦИДА

Я торопился, значит, зря –
есть, слава Богу, выбор.
В бумагах скучных писаря
напишут слово «выбыл».

Меня коллеги из петли
достав, где я болтался,
в кабак ближайший побрели
кутить, а я остался.

На мир взирая с высоты,
над бранным потешаясь,
хотел чесаться, но персты
скользили, не касаясь.

Болталась бирка и мороз
жег тело, но укрыться
здесь было нечем, и до слез
мне захотелось смыться.

Но тут приехал коновал
с пилой, и кто их просит,
из холодильника достал,
распотрошил и бросил.

Пришлось дожидаться похорон:
побрили, приодели.
Вдову мою со всех сторон
подруги оглядели.

Наряд был траурный красив,
почти экстравагантен.
А, друг, приняв аперитив,
любезен и галантен.

Поп, на покойниках жиреть
привыкший, хряпнув тоже,
меня отказывал отпеть,
как всех, свинячья рожа.

Потом поехали туда,
где миром ходят в гости,
и моет талая вода
в земле гробы и кости.

Здесь, выдавив слезливый вой,
с брезгливым поцелуем
вдова сказала: «Боже мой,
как все переживу я?!»

Прогнувшись, спрятала зевок,
как мартовская кошка,
вуаль поправила, чулок.
Мне стало вовсе тошно.

А на поминках, у стола –
вино рекой и водка.
Вдова улыбками цвела,
ну, прямо, как молодка.

Кругясь у друга за спиной,
я видел: торопливо
налили гости по одной
и вспомнили красиво.

Потом пошел сплошной базар,
а поначалу мялись,
повеселел угрюмый зал,
и кое где смеялись.

А тут пластинку завели,
и закружились пары,
да о покойнике вели
брехню и тары бары.

Такие, стало быть, дела:
уже почти что пелось.
Вдова стаканчик приняла
и сразу покраснелась.

Сплясав танго под стильный реп,
и с видом виноватым
вдова, набросив черный креп,
ушла с дружкой куда то.

А зал закуску доедал
и пел лихую песню.
Вот, блин, ну, если бы я знал,
то хрен забрался в петлю.

СМЕРТЬ ИИСУСА

...Но истина не тронет слух Пилата,
не сдавит горло на последнем вздохе...
Легионеры в золоченых латах
ведут Христа к распятию на Голгофе.

С венцом терновым крытой головою,
Отцом Всевышним от стыда хранимый,
он шел с крестом, оплеванный толпою,
меж глиняных лачуг Иерусалима.

Был долог путь от смеха – до стенаний,
от человека – до признанья Бога,
крест – неподъемен, как на сердце камень,
и кровь, стекая, метила дорогу.

Но вот пришли.
И смолкли разговоры.
Осужденным несли вина и хлеба.
Он слышал, как стонали тяжело воры,
распятые и поднятые к небу,
как стражник тяжело и хрипло дышит,
к кресту его ладони прибывая.

И молвил так, что было еле слышно:
«Прости их, Отче, что творят, не зная».

Ученики бежали, узы братства
отринув напрочь, убоявшись ран,
а у подножья крестных мук остался
один евангелист лишь – Иоанн,
да верная Мария Магдалина
смотрела вверх, не опуская взгляда.

Темнело небо, полосы кармина
струились низко отблесками ада.
Напившись поски и поставив точку
в земной судьбе, у жизни на краю,
Христос направил небу вопль свой: «Отче,
рукам твоим мой дух переда

Он смерть попрали своим предназначеньем
и царство Божье муками создал,
оставив нам надежду, и терпенье,
и веру в то, что видел и спасал...

Лет через двадцать, далеко от Рима,
в именье на окраине Помпеи
Пилата о Христе жена спросила:
не помнит ли такого иудея?

«Нет, не припомню, нет», сатрап ответил,
расслышав непростой вопрос в пол уха.
Вельможа умер, так и не заметив
в безверии ни Бога, и ни Духа.

***

Моему деду, Антону Яковлевичу

...и гнали их на Соловки
под красною звездой.
Крестили шедших старики,
молясь за упокой.

Россия тронулась умом,
а, впрочем, не впервой –
чуть раньше, спугав меч с крестом,
а нынче – со звездой.

И мальчик маленький в окно
глядел, как пьяный взвод,
гнал эти тени на гумно,
под звездами, вперед.

Луна светила.
На плетень
и стихший разом дом
от красных звезд ложилась тень
надломленным крестом.

РОЖДЕНИЕ

В лощине меж Сулемом и Фавором –
зеленая долина Иордана.
Как груди иудейских женщин, горы
шелками опоясаны тумана.

Мария ждет, когда махнет крылом
небесный Ангел, истины не зная,
и Торы канонический псалом
Иосиф в изголовии читает.

Еще не знают люди Назарета,
что ждет их этой ночью.
Иудея
уже освящена волшебным светом
звезды любви над Божьей колыбелью.

Не вздрогнул воздух, не раздался вдруг
шум волн морских, нахлынувших на сушу,
но что то невесомое вокруг
наполнило огнем сердца и души.

Сухой и неуютною зимой
провиденье явило миру милость,
когда под вифлеемскою звездой
раздался громкий плач – дитя родилось!

* * *

Мы уйдем, перемен не заметив,
не успев от запала остыть.
Наплюют в наше славное дети,
постараясь скорее забыть.

Им совсем ни к чему наши «измы»,
не понятны причины борьбы –
хорошо, если вспомнят на тризне
и положат не так, а в гробы.

И останется прошлым маячить,
из под снега оттаяв весной,
только ржавая шашка казачья
на подворье, заросшем травой.

ДЕТЯМ

Утро.
Детство.
Мамина рука.
На губах медовый вкус клубники.
Между листьев солнечные блики,
да плывут по небу облака.

Мир велик, громаднее горы,
добр и удивительно беспечен,
и раздумья о святом и вечном
не тревожат детской головы.

Ветер беспокоен и вихраст
ивы колыхнет над берегами –
обнимая теплыми руками,
лето убаюкивает нас.

Память оделяет иногда:
ледяную горку режут санки,
первый поцелуй в застывшем парке,
душные ночные поезда.

Весел путь, хоть ноша не легка –
молодость красива и упряма –
дочкина улыбка, как у мамы,
а у сына твердая рука.

Пусть летят посланцами весны,
обгоняя северные ветры...
Слава Богу, что закат приветлив
и нигде покуда нет войны.

* * *

...Мне на глаза положат пятаки,
чтоб, значит, не подглядывал покойный.
Я, хоть, и там, но как то не с руки
меня дразнить предчувствием попойки.

Котлы уже кипят, и стынет морс,
и водка, охладившись, запотела.
Торопятся: скорей бы черт унес
ненужное и пахнущее тело.

Жена, наверно, чистит про себя,
что деньги, как в трубу летят, без счета,
да бабки вездесущие скрипят
про подвиги мои – одна забота.

Любовница забыла в тот же миг,
как слег в кровать, в преддверии инфаркта.
Все бросили – такая, в общем, карта
мне выпала, допрыгался старик!

Мою собаку кто то привязал,
скулит бедняга пес, не понимая,
какого хрена по двору шныряют
все те, кого к порогу не пускал.

Подняться бы, да помер.
Вот беда
ни обругать по русски, ни погладить.
Они теперь спокойно могут гадить –
покойник не укусит никогда.

Надел мое любимое пальто
какой то хмырь – на что это похоже!
Мне б посмотреть на них и плюнуть в рожу,
да пятаки не сбросить ни за что.

Эх, мне бы вновь увидеть широту
родных полей!
А, здесь – не разогнуться...
Тут, слава Богу, выпало проснуться
живым и невредимым, пусть в поту.

ТРАМВАЙНАЯ РАПСОДИЯ

А.Галичу

О, здорово кум, ну, как сыновья?..
Пьют, заразы, в остальном, ничего..
Как столбы у Мавзолея стоят,
охраняют, вишь, не знам от кого...

А за окнами мелькают дома,
снег ложится белым пухом на сквер,
затянулась что то эта зима,
был февраль куда теплей, не в пример.

Слышь, у Аньки то опять новый муж!..
Вот, зараза, не уймется никак!..
У селедки этой сказочный вкус..
Отвори, кричит, зарежу, дурак!..

Тормоза скрипят, трясет перегон,
пассажиры, как бараны – вперед,
дверь открылась, воздух хлынул в вагон,
новый с воздухом ворвался народ.

Вы, гражданка отодвиньте свой зад,
я не ваш еще, простите, диван!..
Что прижался, курошуп, сдай назад!..
Извините, не заметил, мадам!..

На Садовой у ларька кутерьма,
видно, свежее пивко привезли.
Торопясь, вошла девица – весьма!
ноги, прямо, от ушей до земли.

Эй, товарищ, не бросайте пятак..
Шуба, как из за границы, отпад!..

Вертихвостка: все не так, да не так,
не берет их с Афанасием лад!..

За стеклом тускнеет мартовский день,
облака прозрачны, как миражи.
Опустел вагон, почти что совсем:
две бабульки, да нетрезвый мужик.

Как Мария на Родриго глядит,
прямо, слезы выжимает из глаз!..
Донна Анна все невестку зудит,
чем то кончится, прервали как раз!..

Ветер в форточке разбитой гудит,
дядька съежился в осеннем пальто.
А вагон во тьму по рельсам летит,
размечтавшись о трамвайном депо.

VIA DE LA ROSE

Эта узкая улица через века
вьется в мареве летнего полдня,
и плывут, серебрясь покровом, в облаках
купола Храма Гроба Господня.

Неказистая, пыльная улочка Роз
с Божьим сыном связала незримо:
сколько горьких до боли и радостных слез
источили, молясь, пилигримы.

Крестный путь до Голгофы не слишком велик.
Гору череп, оставив нетленной,
скрыл фундамента тысячелетний гранит,
возведенный Святою Еленой.

Но, как сердце щемит, замирая в груди,
перед местом распятия Мессии,
в ожиданье бессмертия там, впереди,
где иные бушуют стихии.

Мостовую пророка в стране иудей
ни один из прозревших не минет.
И Спаситель, грехи искупая людей,
крест несет на себе и поныне.

***

Смерть подарит нам бубенчики славы!

А. Галич

Эко прыгал старичок, слюнькой брызгал,
все кричал мне о каких то глаголах.
Не достоин, мол, я соцреализма,
и, конечно, о стихах бестолковых.

Я молчал, ну, что бедняге ответить,
ненароком и обидеться может –
ляпнешь, что ему и вовсе не светит,
так его, пожалуй, сразу скукожит.

А, и дел то: написал, что пора им
залезать на печки – вот и причина!
Разобиделись, да так разорались,
даже ножками от злости сучили.

Ишь, похабник – о вожде, как о гаде,
нашу веру трогать – рылом не вышел!
Жаль, сегодня шибко умных не садят,
и амбиций у щенка – выше крыши!

Гнать его, как перевертыша, надо,
да публично, чтоб навеки запомнил!
Навалились, ощетинились стадом –
насмотрелся, в общем, грома и молний.

И в конце собранья голосовали:
осудить и напечатать в газете.
Хорошо, еще не колесовали,
не повесили, как кто то заметил.

Петька, старый мой дружок, успокоил:
не горюй, поэт, пойдем лучше, спрыснем!
Но, вообще то, безобразье такое
не прибавит ни здоровья, ни жизни.

Впрочем, нам же не впервой, так что – будем!
Ешь колбаску – без закуски ломает.
Пусть их бог убогих рядит и судит:
мы пробьемся, нам таланта хватает.

Человеку зависть хуже отравы,
потихоньку, как проказа, источит.
Смерть подарит нам бубенчики славы!
Жизнь – капризна, почему то не хочет.

ЛЕСТНИЦА

Лестница наверх, почти, что в небо,
дышащая запахами щей,
квашеной капустою и хлебом,
крепким перегаром алкашей.

Не один десяток поколений,
скрипами протяжными крича,
грязные, потертые ступени
выносили на своих плечах.

По ночам она влюбленным парам
кров дарила, иногда – кровать,
слушала охрипшие гитары,
материлась, что не передать.

И рыдала плачем тети Зины
мужу уходящему вдогон,
да сивухой за версту разила,
если Верка гнала самогон.

Сколько пронеслось не слишком сладких
лет, когда вихрастым пацаном
я взлетал на верхнюю площадку
на одном дыхании, бегом.

Здесь я целовался с рыжей Галкой,
спрятавшись за ящики в углу,
а, увидев гроб на катафалке,
жутко испугался, что умру.

Тот испуг прошел – все люди смертны.
Скоро исказят черты лица
резкие, глубокие приметы
старости и, может быть, конца.

Но его бояться нет причины –
погуляли, что там говорить!
И сегодня выступаем чинно,
да и то – не по годам шалить.

Угольной строкой в квадрате света
откровенье росписи стенной:
я тебя люблю! И екнет где то
в глубине души, как той весной.

Одевает светлую печалью,
детством обретенное храня,
лестница с усталыми плечами,
что к порогу вывела меня.

ПРЕДЗИМЬЕ

Когда ледком подернется вода
и облака нависнут одеялом
над опустевшим выгоном, когда
склонится верба над рекой устало,
когда холодный ветер не спеша
листвой цветною выстелит дорогу,
откроется заблудшая душа
покою, покаянию и Богу.

Когда на землю ляжет первый снег,
когда умолкнут в голых кронах птицы
и занавеси утомленных век
прикроют воспаленные глазницы,
когда ночной кудеснице луне
завоет вьюга жалобные песни,
наперекор вернувшейся зиме
приснится сон прекрасный и чудесный.

В нем зацветут ромашки на лугу,
и девушка с пушистою косою
их будет собирать на берегу,
умытые туманом и росой,
и напевать о чем то, о своем
с неясной грустью высоко и чисто,
и ждать, когда далекий окоём
подернется парчою золотистой.

Ну, а когда несмелые лучи
у старой ели вспыхнут на иголках,
в последний раз кукушка прокричит,
счёт завершив магический...
и смолкнет.

ПОЭТ

Памяти Евгения Вдовенко

Негромкий и простой,
но с внутренней силой,
он говорил: «Постой,
зачем писать уныло?
Плохого на веку
отмерено до края!»
И поправлял строку,
не повредить стараясь.

Моложе были мы
и искреннее, что ли,
в объятиях зимы
о сокровенном споря.
А осенью – в леса
за новыми стихами,
где птичьи голоса
звенели, не стихали.

Промчалось, пронеслось,
а главное – осталось!
Но так уж повелось
нам не хватило малость
доплыть до берегов,
где ждут любовь и вера,
по сути, без чего
все прочее – химера.

Как много лет назад,
волнуясь, вижу рядом
знакомые глаза
с лукавым, ясным взглядом,
и снова мы вдвоем
работаем над словом...

Он отдавал свое,
не требуя чужого.

***

Не брани не нашедших
облегчения там,
где бессмертный, как вечность,
возвышается Храм.

Не кори за усталость
тех, чей дух утомлен –
это все, что осталось
от недобрых времен.

Путь к святому порогу,
к золотым куполам,
к светлой Вере и Богу
каждый выберет сам.

ПАМЯТИ ДЕДА

А дед мой не плакал,
смеялся,
когда разбивал себе нос:
невидимый стержень сломался
и мир полетел под откос.

И север, и лагерь не красят:
здоровье ушло навсегда,
лишь взгляд был пронзительно ясен,
не выцвел за эти года.

Пусть двигаться трудно от боли,
и пальцы едва ли согнуть,
но срок этой жизни на воле
бесценен.
И в сказанном – суть!

Поляк – враг народа, и точка!
Его, как и многих тогда,
осеннею, темною ночью
забрали почти в никуда.

Душа не приемлет обиды,
ведь Родина – все таки мать!
И где те халдеи и гниды,
что только умели сажать?
Коптят, как и он, доживая,
кому из них слаще теперь?

«Не стоит, судьбу проклиная,
ломиться за правдой, поверь.
Пусть выли по волчьи метели
в безвременье лагерной тьмы,
не думай, внучёк, мы умели

и там оставаться людьми.
Не слушай их жалости глупой,
слезам покаянья не верь –
они никогда не искупят
ненужных, безумных потерь.

По совести жить и по правде –
вот все, что у нас не отнять,
и этого принципа ради
готов я сначала начать.
А звуки расстрельного грома
и жутких доктрин жернова –
пусть будут тебе незнакомы
кровавые эти слова».

Обычный скиталец Гулага,
чем мог, поделился со мной.

Дед умер лет двадцать, однако,
а все для меня, как живой.
И свечи, что я зажигаю
ему в поминальные дни,
надсадною памятью тают
меж прочих,
таких же,
одни.

АЗАНКА

Под берегом спокойна гладь воды,
поселок не проснулся, отдыхает,
вдоль улиц огороды и сады
цветут в лучах зари, благоухают.

У дальних камышей, за лопухи
утят выводят утки на прогулку,
коровье стадо гонят по проулку
помятые, с похмелья, пастухи.

Всхрапнула лошадь, бочкою гремя,
подняли пыль скрипящие колеса,
за речкою туманной зеленыя
ждут, как и надлежит им, сенокоса.

Надую лодку, поплыву в залив,
проверю сети с утренним уловом,
июль, как жизнь вокруг – нетороплив,
омыт, благообразен и раскован.

Уральские предгорья и леса,
как, впрочем, все окрест, приятны глазу...
И греет душу вечная краса
земли, которой верен и обязан.

ПРОЛИВ БЕРИНГА

Скалистая, суровая земля,
первопроходцев скорбные могилы.
Мне дороги студеные моря,
которыми нас юность одарила.

Здесь льда обломки дымные плывут,
под скудными лучами оплывая,
и нерпа глуповатая играет,
и косяки лосося сети рвут,
и чаек суетящихся галдеж,
птенцов кормящих – не тревожат вечность.

Здесь – неуместны скарденность и ложь,
работа от хандры и хворей лечит.
Здесь молодость беспечная моя
по светлым чувствам выплакала слезы,
а странно неприютные березы
напоминают отчие края.

Щекочут кудри пламенной Авроры
угрюмый камень заповедных мест,
где над пустой могилой Командора
стоит дубовый, православный крест.

Дышать легко и чувствовать светло –
единственные правила природы:
мне в жизни бесконечно повезло
стать частью тундры и ее народа.

Наперекор судьбе, назло врагам,
которые пока не утомили,
я возвращаюсь к этим берегам
через года и пройденные мили.

НАСТАВЛЕНИЕ

Он вновь напился, зло кляня
неверную жену,
глаза не видели меня,
слезясь в хмельном дыму.

Я молча пил, его скулеж
не принимал всерьез,
а он, колючий, словно еж,
сплошную ересь нес:

одни лишь сволочи вокруг,
и он их всех – видал! –
а самый лучший, верный друг,
шутя, его предал.

Качался свет над головой,
я думал между тем,
что, слава Богу, не со мной
случился адюльтер.

Я говорил: твоя вина
в тебе самом сидит,
предупреждали, что она,
блин, с кем попало спит,
что надо было век назад
на первое «прости!»
ей правду высказать в глаза
и по мужски уйти.

Ведь сколько сказочных принцесс
являли свету прыть,
его, повесу из повес,
пытаясь окрутить.
А он все носом воротил:
моя – куда милей!

Ну, а в итоге получил
плачь брошенных детей,
рога ветвистые и смех,
да шепот по углам,
а ведь всегда имел успех
у самых строгих дам.

И рюмкой водки не залить
случившийся раздрай,
а, если хочешь дальше жить,
живи – не раскисай!
Смотри внимательно, учись,
пока я жив и тут:
гуляй, с кем хочешь, не женись,
не надевай хомут!
Пускай тенёты по углам
и закрома пусты,
зато – покой, без всяких драм
и прочей маяты...
Так, горячась, я бормотал,
про то, что жизнь – фигня!

А друг давно и сладко спал,
ведь он то знал меня.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПРАВА

Не торопится темного Стикса вода,
между двух перекатов застыв, как слюда,
где толпятся неясные тени,
и Харон перевозчик у лодки стоит,
а за дымкой туманной зловещий Лид,
где царят пустота и забвенье.

То ли шепот летит над водой, то ли стон:
«На, возьми золотой, милосердный Харон,
не гнушайся предложенной лепты!»
Лодка тихо скользит к середине, и тут
тени память теряют и дальше бредут
ко всему безразличны и слепы.

Звук шагов поглощает прибрежный песок,
прошлой жизни земной перевернут листок,
на глазах рассыпается прахом.
Следом – очередь мне, только я не такой:
как и все, положу под язык золотой,
а второй придержу под рубахой.

И, когда мне придется платить по счетам,
я Харону вдвойне за работу отдам –
жаден старый пройдоха, я знаю –
чтоб на том берегу, за незримой стеной,
все, что дорого мне, оставалось со мной,
в бесконечном пути согревая.

* * *

За незрячим окошком замять,
в стрехах ветра метельный стон.
Не дает мне покоя память,
отгоняет упрямо сон.

И в бездонном квадрате рамы,
где рассыпал кристаллы лед,
снова вижу улыбку мамы,
что навстречу ко мне идет.

Как же так?
Это просто чудо –
сквозь пургу, через столько лет,
возвратиться из мглы, откуда,
как известно, возврата нет.

Здравствуй, мальчик мой!
Как ты, милый?
Не видались давно с тобой.
Зарастает моя могила
подорожником с лебедой.

А в глазах голубее неба
затаилась немая грусть.
Лет пятнадцать я дома не был,
и не знаю, когда вернусь.

Убеждаю себя – не мог,
а, ведь, мог бы, чего лукавить,
завернуть на короткий срок
и оградку тебе поправить.

И как в детстве тебя спросить,
не таясь никого, совета:
как мне дальше на свете жить?

Поразмыслить про то и это,
посидеть вот так, хорошо,
на березовом пне пристроясь,
и пойти, просветлев душой,
успокоив больную совесть...

Спать ложусь, а в груди саднит,
не простит мне Господь, я знаю,
кто забыл – тот и сам забыт,
и под эту мысль засыпаю.

Космы снежные с крыш струя,
суетится метель упрямо,
тает в мороке забытья
и безвременья образ мамы.

И приносят ночные сны,
размывая видений грани,
горечь вяжущую вины,
запоздалый вкус состраданья.

КОСТЕР

Ствол березы источенный
языками огня:
жгу костер на обочине,
непогоду кляня.

Пепел в небо уносится,
серый снег ноздреват,
небо сизое с проседью,
словно выцветший плат.

По велению Божьему
я заброшен сюда,
в край болотный, нехоженный,
где царят холода,
где погосты таежные
множат меты могил
в это время тревожное
поножовщин и вил.

И, наверно, поэтому
в дни сомнений глухих
все вдруг стали поэтами,
превозносят стихи.

Между правдой и кривдою
рваным шрамом – межа
с застарелой обидою
на итог дележа.

Между былью и небылью –
только шаг небольшой,
все измерено прибылью,
даже совесть с душой.

И щемит под грудиною,
ноет – что ж это есть?
Где нас грешных покинули
благородство и честь?

Знать беду напорочили
на родной стороне:
вот и жгу на обочине
все, что выпало мне.

ЖЕНЕ

Терпкий запах обветренных сосен
у песчаной, озерной косы.

Как задумчива ранняя осень
в серебристой накидке росы.

Из цветущего месяца мая,
где гасили зарю соловьи,
Божьим даром любви принимаю
осторожные ласки твои.

Мне напомнит увядший букетик
неприметных фиалок лесных,
как ерошил резвящийся ветер
шелестящие пряди листвы.

Золотистая ниточка света
из далекой и звонкой весны
через долгое, жаркое лето
протянулась к метелям зимы.

Что ж, и эта пора неизбежна,
относителен ангельский плен:
исчезает призывная свежесть
спелых губ и округлость колен.

Перед временем люди бессильны,
только я в зеркала не смотрю:
облаками под небом России
мы плывем к своему декабрю.

***

Ах, как память капризна, не хочет спешить
по дороге к истокам, где вспомнит едва ли,
как мы с детскою страстью пытались шалить
на ладонях Югры, как судьбою играли,
как дышали тобой, заповедный простор,
место первой любви и последнего вздоха.

От болот нефтяных до заснеженных гор
пролегла не короткая жизнь, а эпоха.

А, вот, нужно ли было красу покорять:
хлебосольной хозяйке грубить – не по чину.
Кое что начинаю сейчас понимать,
из мальчишки юнца, превращаясь в мужчину.

Сохранив незапятнанной совесть и честь,
мы своим сыновьям не внушали иного,
ну, а внукам, которые вырастут здесь,
станет сердце тайги и отчизной, и кровом.

Им тебя защищать от врагов и беды,
возрождать и лелеять – что может быть лучше? –
и у сердца хранить вековечные льды,
тундру в белом наряде и сосны на кручах,
мерный шелест прибоя сибирской реки,
где в лазурной воде перевернуто небо,
где плывут облака, невесомо легки,
покровами Руси от Бориса и Глеба.

КАЗНЬ

Я – не мертвый пока,
и уже – не живой:
раздавило катками чугунное время.
На боку скакуна – опустевшее стремя,
и бредут облака, как тюремный конвой.

Эшафота ступени.
Палач тороплив.
Рев толпы, возжелавшей кровавой отравы.
Над бурлящею площадью, крылья расправив,
белый лебедь парит, одинок и пуглив.

Жалкий, гадкий утенок неясной мечты,
бледный призрак надежд, обозначенных еле,
по привычке мелькает мишенью в прицеле,
не успев, как обычно, набрать высоты.

По усопшим молитва.
Приложенный крест.
Черный шелк на глазах и скамья под ногами.
Этот путь на Голгофу мы выбрали сами,
ну, так, пусть же плывет над землей благовест.

На планете иной,
через тысячу лет,
где парад революций гремит неустанно,
пропоют нам другие безумцы осанну,
и напишут о нас то, что было, и нет.

А ВЕЧЕР НАЧИНАЛСЯ, КАК ОБЫЧНО

От слов он вздрогнул, словно от удара,
как будто сердце разорвал свинец,
и вышел, дверь прикрыв.

Приятель старый
ему в сердцах все высказал, подлец:
пускай мол, обормот, себе пеняет,
что жизнь не удалась, а не врагам,
а, что жена его давно гуляет,
так за версту понятно по рогам.

А вечер начинался, как обычно,
и ничего дурного не сулил.
Он, разговелся рюмкою «столичной»,
со встречными был весел и шутил,
зашел на огонек, а знал – не стоит,
но жаждал правды искренней, дурак,
и получил сполна, чего достоин,
и в чем признаться не хотел никак.

Качался мир и в сумерках лиловых
мерцал огонь негаснущих светил.
Жена, конечно, задержалась снова,
хотя он к ней на службу заходил.

Он снял пальто, нагрел воды, побрился,
присел на кухне и услышал вдруг,
как талый снег с карниза обвалился,
спугнув замерзших на ветвях пичуг.

Такою же весной в далеком прошлом
хотелось петь, смеяться и любить,
все отгорело, оказалось пошлым,
и, вряд ли, что возможно изменить.

А дети?
Подросли.
И этой ночью
их звонкий смех ему казался сном.
Улыбки сыновей и профиль дочки
почудились во мраке за окном.

Он всех простил, махнул рукой устало,
внезапно осознав, что жизнь – пуста.
И человек ушел, его не стало...
Все начиналось с чистого листа.

ЮГАН

Растворяется белый туман,
проступает лазурное небо,
как давно я в краях этих не был:
добрый день,
просыпайся, Юган!

Узнавая родные места,
под сосною присяду устало.
Человеку для счастья не мало
нужно: вера, любовь и мечта.

С верой в лучшее встречу зарю.
Как ребенок, поверивший в сказки,
заповедные звуки и краски
сам себе с чистым сердцем дарю.

И, мечтая о светлой любви,
очарованный вечным покоем,
я, как ясная синь над тобою,
погружаюсь в глубины твои.

Холодны твои струи – и пусть:
окрыленной души не остудишь,
с юных лет ты единственным будешь,
с кем делил свою радость и грусть.

И когда нибудь внуков сюда
приведу познакомить с тобою,
где лечила настоем на хвое
застарелые раны вода.

С ними ласков, как прежде со мной,
будь, по дружески всех привечая,
и пускай твои волны качают
солнца луч в колыбели лесной.

В ТОМ ДОМЕ

В том доме, где когда то жил,
смех умер с давних пор.
Дом дремлет, тело положив
на пыльный косогор.

Из окон, словно из глазниц,
пророс калины куст,
и дом, упав с размаху ниц,
беспомощен и пуст.

А, ведь, когда то тут кипел
людской водоворот,
и кто то пил, а кто то пел
на лавке у ворот,
и целовался в темноте
под лестницей крутой.

А кот с жестянкой на хвосте
носился, как шальной,
купались курицы в пыли,
и пес их зорко пас.

Отсюда мамы нас вели
за руку в первый класс.

Здесь, во дворе рекою плыл
зазорный детский смех,
дом щедро радости дарил
и праздники для всех,
и дядя Сеня, баянист,
знаток блатных острот,
играл нам запрещенный твист,
и озорной фокстрот.

И, вот, спешащий по делам,
не двигаюсь, стою,
за пустотой оконных рам
знакомых узнаю.

Чем ты меня приворожил? —
шепчу, себя кляня.

В том доме, где когда то жил,
осталась часть меня.

ПРИЕЗЖАЙ

Мой отец еще жив, слава Богу!

Уцелевший в жестокой войне,
ты опять соберешься в дорогу,
чтобы в гости приехать ко мне.
Отмотав этот путь издалёка,
ты сойдешь на перрон, наконец,
и, уткнувшись в колючую щеку,
я пойму, как мне дорог отец.

...Сорок первый.

В училище местном
он впервые взлетел в небеса
и увидел с высот поднебесных
Забайкаля гольцы и леса.
Как восторженно сердце стучало
в восемнадцать, и пела душа.
В этот день злая весть прозвучала,
та, что слушал народ, не дыша.
Мир разрушился.
И многотрудно
встала в строй монолитный страна.
Фронтовые, солдатские будни:
взлет,
посадка,
бои,
ордена.
В эти годы немало изведав,
он дождется, как каждый из них,
долгожданного слова «победа!»,
новой жизни и гимнов иных.
Моложавый, подтянутый, тонкий,
опаленный войною пилот
маму встретит, тверскую девчонку,
и с собой навсегда уведет.

Я родился, когда отменили
на продукты талоны.
С тех пор
мест пятнадцать мы с батей сменили
всем лишениям наперекор.
Служба требует,
что тут попишешь,
и, собрав торопливо узлы,
мама с сыном, сопливым мальчишкой,
отправлялась, куда повезли...

Словно птицы, года пролетели
от родимого дома вдали.
Незаметно виски поседали
и детишки стремглав подросли.
С каждым летом встречаемся реже:
мужики тяжелы на подъем.
Поселилась щемящая нежность
с пониманием в сердце моем.
Встречи жду и надеюсь увидеть
взмах приветствия твердой рукой,
да боюсь, как бы вдруг не обидеть
словом, или какой ерундой.
И сегодня, когда всей страной
отмечаем ваш подвиг и труд,
побеседуй неспешно со мною,
остальные дела подождут.
Есть, что вспомнить.
Любимые наши
в нашей памяти – были и есть.
Отдадим всем ушедшим и павшим,
как всегда, офицерскую честь.
Пусть нам мало на свете осталось,
поминальную чарку налей
и забудь про ненужную старость.

Я же жду, приезжай поскорей!

***

Источник поэтического бреда –
над неподвластным временем победа.
А, может быть, иллюзия её?
Шумят самонадеянные строчки,
но вечность болтовни вкушать не хочет
и на пустые хлопоты плюет.

Не суетись, в мессии торопясь.
Ход времени – таинственная связь
меж смертью и бессмертием.
А ты –
в крошечной тьме короткий промельк света.
И отзвонят кичливые сонеты
холодным отголоском пустоты.

***

Когда тебя обидит лучший друг,
любимый человек предаст в беде,
не торопись с презрением, а вдруг,
все это только кажется тебе.

В любви и дружбе не руби с плеча,
амбиции – рецепт для палача.

СТРАХ

Ночь туманная пала с небес,
зябко ели нахохлились,
в речке
отразился всклокоченный лес,
нелюдимый и страшный, как вечность.

Тишина.
Ни звезды, ни огня –
в этом сумраке потустороннем.
Я шепчу, не дыша – чур меня! –
сук корявый сжимая в ладонях.

Первобытных эпох миражи,
что считал побежденными с детства,
вновь воскресли.
И сердце дрожит,
безуспешно пытаясь согреться.

До зари – только четверть часа:
краток отдых таежного лета,
и уже занялась полоса
на востоке мерцающим светом.

В освещенный едва бурелом
бросив сук, падоевший, с размаху,
я лежу на брезенте сыром
и смеюсь над собою и страхом.

***

...а когда я покину наш дом,
не спросив у тебя разрешенья,
не печалься.
Опавшим листом
полечу над землею осенней,
закружусь между белых берез,
поднимусь, не страшась, в поднебесье
где под сводом мерцающих звезд
мне откроются новые веси,
и, вернувшись под плачущий дождь.
в разнотравье истлею устало...

Лишь тогда ты, родная, поймешь,
что меня в этом мире не стало.

* * *

Неожиданно как то, негаданно
начинаю порой вспоминать,
как, вернувшись из школы, радовал
я отличной отметкой мать,
как счастливая мама голову
прижимала к своей груди.

Вспоминаю, как было здорово
в дом, где мама ждала, войти,
где любили меня и верили,
что смогу человеком стать,
где с отцом вечерами клеили
планер, что не хотел летать.

Но, однажды, взлетел нечаянно
и поднялся под небеса.
Только в юности так случается:
исполняются чудеса...

...Как давно это было, призрачно:
мама, папа, отметки, дом,
я за годы, немало выучив,
стал мужчиною и отцом.

Сын подрос, улетел, как многие,
стала девушкой юной дочь,
так похожа чертами строгими
на меня, пацана, точь в точь.

Говорят, кто в отца – счастливая,
тайно верить в приметы рад,
да и сын с молодою силою
ей поможет, раз старший брат.

Ну, а мы за детишек страхами
отболев, чтобы вновь начать,
будем верить – не слишком дряхлыми
нам придется внучат качать.

Поседели виски, изрезала
паутина морщин лицо,
ожидаю теперь приезда их,
на родное присев крыльцо,
где над крышей знакомой радуга
им отмерит любви сполна,
где волнуясь всегда и радуясь
ждет их мать и моя жена.

Я ВЕРНУСЬ

Осыпая с березовых веток росу,
пробираюсь тропею к реке,
ощущение радости светлой несую,
как синицу, держа в кулаке.

Много лет я здесь не был,
с той давней поры,
как уехал в другие места,
и сюда, где шумят золотые боры,
в вещих снах возвращался, устав.

Мне знакомы притоков твоих рукава,
где вода холодна и быстра,
где шептала мне сказки густая листва
у мерцающих углей костра.

Здесь друзей моих старых покоится прах,
разве можно об этом забыть,
а таежных урманов широкий размах
ни с какой стороной не сравнить.

Здесь я юным мальчишкой мечту повстречал,
ту, с которой прожил налегке,
ты меня на волне, как ребенка, качал,
бормоча на своем языке.

И, когда заблестит под осенним лучом
первых льдин ненадежных слюда,
я вернусь, не жалея в душе ни о чем,
и останусь уже навсегда.

* * *

Нас века приучили молчать,
даже если ведут к эшафоту:
по пустому в пространство кричать,
как ни кинь, никому не охота.

И князя, а позднее – вожди,
не привыкли подобного слышать,
да и ныне, хоть жди, хоть не жди,
никого твоя боль не колышет.

И, пока упражняется власть, –
ей видней, как обычно, оттуда –
мы лелеем плебейскую страсть
и молчим в ожидании чуда.

КОЛЫМА

В невеселом краю морозящих дождей
бродят души расстрелянных веком людей,
неспокойно им, сыро и стыло.
До сих пор источает буржук огонь
телогреек намокших барачную вонь
в полумраке балков сиротливых.

На погостах, где нет на могилах крестов,
разрастаются заросли низких кустов
над костями, истлевшими грудой.
Пролетевшие годы сравняли срока,
и плывут, задевая кусты, облака,
неизвестно куда и откуда.

Постарели забытых лишенцев сыны,
по широким просторам великой страны
разметали их ветры лихие,
современников новых не гложет вина,
равнодушно усталая спит Колыма,
незажившая рана России.

ЛЮБОВНИК

Все, как обычно, повторится:
надежда робкая растает,
когда малиновые спицы
над горизонтом запылают.

Он встанет молча, поцелует,
застонут тяжко половицы,
и ты поймешь, душой тоскуя,
что просто, не на кого злиться.

Минуты близости так редки
и обреченно одиноки:
тебе – опять глотать таблетки,
ему – выслушивать упреки.

Из двери хлынет стылый воздух,
снег заскрипит под сапогами...
А ты лежишь, глотая слезы,
лежишь с открытыми глазами.

* * *

Третий день не смолкает журчанье в лотках,
да дурацкие мысли, что жизнь коротка,
состоянье неясной тревоги,
ожиданье от жизни ударов, когда
клочья пены и мусор выносит вода
из кювета на кромку дороги.

Как томительно тянется время, и нет
к переменам приятным надёжных примет,
впереди – беспросветно и серо.
Лишь мечтаю, что вновь заалет восток,
и любой, даже самый нелепый намёк,
торопясь, принимаю на веру.

Дождь внезапно закончится и оком
над лесами и хлябями вспыхнет огнем.
И, как будто знакомый прохожий,
отпечатав на мокром асфальте следы,
отражается радугой в каплях воды
летний день, ни на что не похожий.

* * *

Если б был я чуточку моложе,
я бы время не жалел, возможно,
тратил бесшабашно, словно мот.
Но, когда зима сменяет осень,
острые, суровые вопросы
память преподносит каждый год.

Щелкают на счетчике минуты,
дни летят стремительно и круто,
что, порою, некогда присесть.
С каждым днем труднее подниматься,
за дела отложенные братья,
понимая сердцем – не успеть!

Впрочем, полно, так всегда бывало:
вот он был, и вот его не стало,
серая плита, надгробный крест,
где то скажут пламенные речи,
отгуляют поминальный вечер,
и забудут, кто ты был и есть.

Потому и двигаюсь неспешно
к горизонту, целиною снежной,
точно выверяя каждый шаг.
Мне терять мгновений не пристало,
складываю в стопочку устало,
по порядку, а не абы как.

Может быть мозаика картины
сложится из будничной рутины,
воплощая смелые мечты.
Ну, а нет, грустить о том не стоит,
дело это – в общем то, пустое:
вечное не терпит суеты.

Время, как шагреневая кожа,
тает на ладони осторожно.

ПОЛЫНЬ

Это лето с июльской жарою,
раскаленным металлом кабин
вспоминаю, волнуясь, порою,
как и все, что дарил Сахалин:
студотрядов задорное племя
и работу до боли в плечах.

Ах, какое прекрасное время
не заметили мы сгоряча!
Там пылила полынь, отцветая
на пригорках по кромкам болот.

Словно старую книгу листаю,
не решаясь закрыть переплет.

В этой книге разлук и свиданий,
обретенной любви и потерь,
темноглазая девочка Таня
мне откроет знакомую дверь.

Пилы пели над лесом устало,
ветер кудри ерошил слегка,
и в прогалах кустов краснотала
шевелилась беззвучно река.

На еловых, свисающих лапах
тлело солнце, спешащее прочь,
плыл полынный, дурманящий запах,
предрекая безумную ночь.

Что желанней свидания с милой
и важней, где б она ни была?
Наша молодость щедро дарила
нам подарки, какие могла.

Но осенние ночи густели
в заповедном, таежном краю,
стаи птиц горделивых летели
по знакомым маршрутам на юг,

на дорогах вчерашние лужи
накрывало звенящим ледком.
Был поселок в то утро разбужен
пароходным, тоскливым гудком.

На дощатом причале, у тумбы,
перед тем, как на сходни шагнуть,
целовал ее в теплые губы,
не решаясь никак оттолкнуть.

Пароход отвалил от причала,
неуклюже припай раскрошив,
а в ушах неотступно звучало:
«Возвращайся скорей и пиши!»

Где, то лето?
Снега и метели
заметают проторенный след.
Получилось не так, как хотели
и мечтали по юности лет.

Мы с годами становимся суше,
приземленней и силы не те,
поселившийся червь равнодушья
не дает распуститься мечте.

Но, нет нет, а напомним и ныне
отголоски волнующих дней
запах солнцем нагретой полыни
от брезентовой куртки моей.

ПОБЕДИТЕЛИ

Выпускали из тюрем вчерашних врагов,
с пьедесталов свергали усатых богов,
и упорно пытались на первых порах
истребить генетически въевшийся страх.

Ликовали, что прежних лишились оков,
и привычных иллюзий ушедших веков,
но, пока веселились, застигла врасплох
незаметная смена эпох.

ВСЕ ПОВТОРИТСЯ

Все повторится: этот желтый лист
слетающий с берез,
и эта просинь
линяющих небес,
и эта осень,
чей воздух упоителен и чист,
где облака прозрачные легки
над сонною тайгой утром ранним.

Все повторится, лишь твое дыхание
коснется холодеющей щеки.

КАК ОБЫЧНО

Возьму листок бумаги и перо
и напишу Вам, как обычно, про
бескрайние сибирские леса,
где горизонта тлеет полоса
над белою палитрою снегов.

Я напишу, что крепок и здоров,
а вот прошедшей осенью болел
и от того стремительно старел.

Но нынче зимний воздух свеж и чист,
я, как обычно, весел и речист,
пью вечерами белое вино
и, как обычно, не пьянею, но
по жизни не особенно везет,
а, впрочем, что ворчать под Новый Год.

Не стану вспоминать, когда в ответ
без объяснений Вы сказали «нет»,
возникшую обиду и печаль –
все отгорело, выцвело, а жаль.
Сложилось так, чего теперь жалеть
о чувстве, не сумевшем обогреть,
поднять простое счастье на крыло,
наверно, и тогда – не повезло.

Я пожелаю, искренне, найти
Вам спутника надежного в пути,
создать свою семью, родить детей –
все от души и сердца, без затей.
Отчаянно совру в конце письма,
что встретил, и доволен тем весьма,
я наконец то женщину одну,
но, думаю, что Вас не обману.

Посетую – банальностью грешу,
и, как обычно, этим завершу.

ВЫРУБА

Выруба до края, выруба.
Гусеницы след.
Обломок ржавый
из ствола торчит змеиным жалом.
Нефтяная брошена труба.

Утро поднимается, открыв
виды невеселые пейзажа,
у опушки леса, как нарыв,
косогор земли чернее сажи.

Сизый боровик, измятый весь,
что пролез меж сучьев еле еле,
как напоминание, что здесь
сосны вековечные шумели.

Беломошник, сорванный с песка,
растрепался космами седыми.
И необъяснимая тоска
после упоительной гордыни.

Шрамами в тайге остался след
многолетних, яростных сражений,
наших героических побед –
наших безответных поражений!

ЖЕЛАНИЕ

Как было б здорово опять
девчонок тискать возле клуба,
и не целованные губы
губами жадными искать,
и не испытанных грехов
среди цветения и лета
ждать с нетерпением, как рассвета,
как продолжения стихов.

Как было б весело смотреть
в глаза наполненные светом,
и ждать желанного ответа,
и от предчувствия неметь,
и подниматься в небеса
мгновеньем счастья окрыленным.
и ощущать себя влюбленным
в природу, женщин, чудеса.

Как было бы прекрасно, но
с годами чувства угасают,
так в уксус медленно скисает
перебродившее вино.
И... не почувствовав, что стар,
а на столе одни объедки,
я пью напиток этот едкий,
не отрываясь, как нектар.

В ТОЙ СТРАНЕ

Маленькая кухонька.
Студенты.
Коромыслом дым.
Горячий спор.
Где же вы родные дессиденты?
Живы ли, ребята, до сих пор?

О высоких истинах трубили
искренне, до самого утра
в той стране, которой не любили,
но желали счастья и добра.

Разбросала жизнь нас по вселенной,
кто то ныне жив, а кто то – там.

Нашей с вами дружбе откровенной
время заплатило по счетам,
кануло, рассыпалось, остыло,
прошлое расставив по местам:
на погостах тихих и унылых
ржавчина да плесень на крестах.

Повзрослеть давно успели дети
бывших сумасшедших и калек,
новый век шагает по планете,
тоже сумасшедший, странный век.

И уже не помнит поколение
Родиной довольное вполне
кухонь протестующих горенье
в тех шестидесятых, в той стране.

***

По бульвару наивная юность
за свою судьбою спешит,
не стыдясь красоты, распахнулась,
ветер темные кудри ершит.
Созерцаю летящей походки
невесомый, танцующий шаг,
от порхания юбки короткой
замирает внезапно душа.
Усмехаюсь, пытаюсь пристойно
успокоить взывавшую кровь.

Знаю, старость мудра и спокойна,
а, поди ж ты, волнуется вновь.

ВОЛНА И КАМЕНЬ

Безудержно и величаво
на берег падала волна,
она стонала и ворчала,
вскипала пеной у причала
и обнажала профиль дна.
Так продолжалось дни и ночи –
какую мощь волна таит!

Она, конечно камень точит,
но он ей – противостоит!

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Здравствуй, любимая!

Сколько мы сделали глупостей,
чтобы сошлись в этом городе наши пути?
Дай мне ладонь, я прижмусь к ней щекою, как в юности,
и задохнусь от волненья, тепло ощутив.

Ты все такая же, только походка уверенней,
да паутинки случайных морщинок у глаз.
Не представляю, какую ценою немереной
с нашими судьбами жизнь расплатилась за нас.

Сердцем без устали тянемся к светлому, нежному
чувству любви, от которого не отrekliсь.
Но не текут, как бы нам не хотелось, по прежнему,
вспять эти воды реки под названием Жизнь.

Осень нам дышит в лицо, улыбаясь задумчиво,
след от случайной слезинки губами сотру.
Красною медью листвы, осыпаясь над кручею,
кроны осин факелами горят на ветру.

СЛОВО

Слово было и есть, даже если убили его,
даже если сожгли на смердящих кострах инквизиций,
воды Леты несут меж высоких, крутых берегов
озарённые словом красивые, светлые лица.

Слово, к небу взлетая, победную песню поёт,
а, сорвавшись с крыла и упав, временами немеет.
Разгадает ли кто бесконечный, высокий полет
и печать немоты, не страшась, распечатать сумеет?

Первородное слово, несущее людям добро,
то на подвиг зовет, то ребенком обиженным плачет,
и опять, торопясь, на бумаге рисует перо
пентограмму строки потому, что не может иначе.

Всем, дерзнувшем на это, нелегким окажется путь,
а к исходу пути память ляжет могильной плитою,
с юной удалью несколько раз попытаюсь дерзнуть,
и пойму стариком одряхлевшим, что больше не стоит.

Разуверившись в слове, тетради сожгу сгоряча,
и, хотя современником строгим не буду я признан,
те слова разлетятся по свету, как птицы крича,
и останутся жить в этом мире отныне и присно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Вот и оттепель.
Тает душа,
голова от волнения кружится.
Снег по крышам сползает, шурша,
превращаясь в холодные лужицы.

От вокзала пойду через лес,
так короче, насколько мне помнится,
а приметую узнанных мест –
крест над куполом храма и звонница.

Я иду по раскисшей тропе,
лапы елей легонько колышутся,
по дороге, ведущей к тебе,
так легко, с удовольствием дышится.

Постою у оплывших заструг,
вспоминая, в какую мне сторону,
ощущая безмерность разлук,
на двоих нам отпущенных поровну.

Это время, что минуло нас
по моей необузданной прихоти,
не вернуть никогда.
А сейчас,
кто бы знал, как несладко и лихо мне.

Эта оттепель,
эта весна,
это небо с белёсою просинью
пробудили меня ото сна
и на полку вагонную бросили.

Постучу, как когда то стучал,
сердце рвется пичугою в сторону,
словно я у начала начал
нашей повести, мною оборванной.

Неодетая дверь отворишь
и застынешь, от холода съезжившись...
Может быть, ты поймешь и простишь,
может быть, все у нас еще сложится?

БЕРЕЗА

Тонкая береза у окна
вытянулась к небу юным телом.
...Дождь закапал к вечеру несмело,
в доме опустевшем тишина.

Разлетелись милые мои
по далеким городам и весям.
...Свежий воздух форточка струит
из за приоткрытых занавесок.

Одиноко мне, но хорошо:
знаю, что здоровы и счастливы.
...Дождик за стеклом сильнее пошел,
барабанит по оконным сливам.

Темнота предчувствием полна:
возникают дорогие лица
дочери и сына,
а жена,
только засыпаю, сразу снится.

Не заметил, старый, как уснул
в ласковых стенах родного дома,
долгожданный зуммер телефона
радостно в действительность вернул.

Как ты? Что? Подробно обо всем!
В пятницу встречай!
Конечно, встречу.
Грею чай счастливый и беспечный,
даже непогода нипочем.

Летний дождь, задумчивый, точь в точь
как ребенок, плачет за стеною.
...А береза выросла за ночь,
зашумела свежеею листвою.

* * *

Безголосый, прикованный к ложу,
как младенец, закутанный в плед,
он молился отчаянно: «Боже,
дай мне чудо – увидеть рассвет!»

Но стремглав надвигалась разлука
с этим миром, желанным до слез,
а в ответ ни намека, ни звука
на его молчаливый вопрос.

Промелькнуло отчетливо: лето,
тихой, ласковой речки вода,
и жена с васильковым букетом,
долгожданная, как никогда,
возле берега дети играют –
взрывы хохота, брызги летят,
а на том берегу догорает
над березовой рощей закат.

А потом – отказавшие ноги,
оглушающий вой в голове,
догорающий джип у дороги
и игрушка на черной траве...

Горько, но не вернуть, как ни пробуй,
смех детей и любимой глаза.

«Не гневи, неприкаянный, Бога,
кто то тихо, но твердо сказал. –
Быть не может дорога иною,
даже если деянья чисты,
разве встреча с детьми и женою
не дороже мирской суеты?»

И уже расставаясь навечно
 с бранным прошлым, почти на лету,
 он расправил, как в юности, плечи
 и бесстрашно шагнул в пустоту.

ЗАБЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

...и снова лесная тропинка
спешит между белых берез,
а сестрина дочка кровинка
смешит, озоруя, до слез,
цветастое платье мелькает,
глазёнки восторгом горят,
и рожица счастьем сияет,
которому веришь и рад.

Здесь, в этой березовой роще,
где мы одиноко брели.
забытого прошлого росчерк –
могильные горки земли,
размыты дождями слепыми,
засыпаны прелой листвой,
но все же заметны и ныне,
горбатятся рядом с тропой.
Из столбиков сгнивших и павших,
как слезы сочится вода,
и, кто здесь враги, а кто наши,
уже не узнать никогда.
Изгой великой державы,
ревнителю странных харизм,
вот здесь, за колючкою ржавой,
закончился ваш коммунизм.
Когда и кому вы мешали,
осталось в эпохах иных,
вас с лагерной пылью смешали,
заставив отречься родных.
Но вы оставались собою
до самой последней черты,
и это упорство, не скрою,
достойно большой высоты.
А ваши беспечные внуки

с больным кругозором слепца
загадки кровавой науки
понять не смогли до конца,
едва отступив от болота,
нырнули в крутую волну,
и платят по полному счету
за чью то чужую вину.

...народная память нетленна,
но дремлет пока в полусне,
а зернышко вечной вселенной
не может погибнуть в огне.

Ау у! – многократное эхо
дробится и падает ниц,
осколки звенящего смеха
пугают вспорхнувших синиц.
Девчонка ликует, откуда
ей быть в эти годы иной?

И вера наивная в чудо
плывет над безумной страной.

ПОБЕГ

Все быстрее и быстрее
я спешу ненадежной тропой,
сбросив с плеч, как рюкзак,
груз прожитых и проклятых лет.
В этом мире теней,
мире жуткого хрипа и воя,
далеко, где то там,
животворный колышется свет.

Обдирая о ветви,
проткнувшие небо, ладони,
и вдыхая густой,
преисподней струящийся смрад,
на пределе почти
ухожу налегке от погони,
прорываюсь вперед,
забывая дорогу назад.

Свист и гомон летит
гулким эхом моих прегрешений,
ненадежных побед
и банально написанных пьес.
Полыхает зенит,
рассыпаются с хохотом тени,
и тревожный рассвет
раздвигает насупленный лес.

Падших ангелов брань
прозвучит неумело и грубо –
непослушную плоть
отпевают на медной трубе.
Пересохла гортань,
только шепчут бескровные губы:
«Отпусти мне, Господь,
да воздастся благому, Тебе!»

Отдохну лишь, когда
окончательно выйду на волю,
глухотомани лесной
непрерывно наступит конец.

И прольется вода
над цветущим ромашками полем
поднебесной слезой
на вздыбленный терновый венец.

* * *

Я стар уже, а ты – ты молода.
Связующею, но непрочной нитью
нас в череде волнующих событий
часы соединили, не года.

И нам с тобой не жить на берегу,
не пить нектар росы Авроры ранней,
дряхлает плоть, но близки и желанны
скитания – я снова убегу.

Перед стеной незыблемости страх
и циников случайных порицанье
во мне рождают ропот отрицанья
с оскоминой привычной на зубах.

Раскованный забуду обо всем,
на прошлом недовольство вымещая,
себе грехи невольные прощая.
Пусть я не ангел, но и не осел!

Свобода мне безмерно дорога
и, утаив от зрителей унынье,
я на спине ищу зачатки крыльев,
а нахожу на лысине... рога.

ЖАРА

Господне Лето.
Полдень.
Лень.
Жара.
Недвижен воздух.
Небо бирюзою.
На соснах, в стайку сбившихся, смола
стекает вниз янтарною слезою.
Поникли листья.
Пожелтел цветник.
Река едва струится под горою.
И даже дом кирпичный как то сник,
подплавленный случившейся жарою
Ни капли влаги, ни глотка воды –
прохлады тело требует, прохлады!
И лишь в саду созревшие плоды
на ветках, наливаясь, солнцу рады.

ОДНА НОЧЬ

Ночь.
Три часа.
Мы пьем с тобой вино.
Заметит кто то строгий – непорядок!
Но мы, мой друг, не виделись давно,
пожалуй, лет пятнадцать, этак, кряду.
Нам есть, что вспомнить и о чем грустить:
немало перевидано на свете.

Увы, уже не смогут нас простить
покинутые женщины и дети,
и, может быть, далекие друзья,
которым лишней строчки не напишем.
Ты помнишь те далекие края,
где воздух чище, да и небо выше?

Там, далеко – как, право, далеко! –
шумят дубравы юною листвою,
задачи разрешаются легко
сейчас неразрешимые порою.
Там каждый день и светел, и пригож,
сулит благую весть, не то, что ныне,
когда гримасы надоевших рож
приносят лишь досаду и унынье.

Светает за окном.
Уже весна.
А, помнишь ту весну?
Конечно, помню:
там бузина рубиново красна,
и небо незакатное от молний,
и ветра шум в полночных камышах,
и сладкие, обветренные губы.
Как заново взволнована душа
полученною весточкой оттуда!

Скользит по листьям клена первый луч,
играют блики света на обоях.
Послушай, я дарю вот этот ключ,
возьми его, пожалуйста, с собою,
и помни – этот дом теперь и твой,
когда совсем дружище станет худо,
лети сюда хоть с болью, хоть с бедой,
знай, что друзья помогут, как ни трудно.

Глядишь, и все напасти отболят,
мир станет вновь прекрасным, вот увидишь,
имей друзей – так люди говорят –
сухим всегда на этот берег выйдешь.
Пока струит вино по жилам кровь –
не стоит о здоровье волноваться.
Так, что, давай: за дружбу, за любовь,
за наше незапятнанное братство!

ОДИН ДЕНЬ

Вторые сутки в тесной духоте
мы ждали самолета до Аяна,
и бредили в угаре полупьяном,
как полетим навстречу красоте,
к высоким скалам, где шумит прибой.

Я был красноречив и беспшабашен,
но ты меня не слышал, сам не свой,
а временами становился страшен,
угрюмо напиваясь.

Кто бы знал,
что я проснусь назавтра в каталажке
с разбитым носом, в порванной рубашке,
среди бичей вонючих и кидал,
опустошенный, мятый, без копейки.

Небритый, утомленный капитан
прочтет мне наставление: не пейте! –
и выставит на улицу.

Стакан
крепленого в какой то подворотне
меня поставит на ноги.

И, вот,
заняв в конторе у главбуха сотню,
я снова прикачу в аэропорт.

Но самолет, в котором мы с тобою
должны бы улететь, уже взлетел,
и ласковое небо голубое
его размыло меж астральных тел.

Купив билет, я вновь почти напился.

Когда двенадцать пробили часы,
вдруг сообщили: самолет разбился,
упал, не дотянув до полосы.
Какой и где, я толком не расслышал,
но в воздухе повисла тишина.
Я на скамейку отдышаться вышел
от духоты вокзальной и вина.

Тут прояснилось все.
И этот ужас
сжал горло, просто выдохнуть невмочь,
весенний воздух превратился в стужу,
а ясный день в стонающую ночь.

Оцепенев, в сырой асфальт уставясь,
(внезапна смерть – на то она и смерть),
я все никак не мог себе представить,
как матери твоей в глаза смотреть?
Как ей сказать, когда откроет двери,
что в дом ее нагрянула беда?
Утешить как, когда и сам не веришь,
что друг не возвратится никогда?

Я сдал билет и ждал неделю судна,
пытаясь злую весть переварить,
но, как бы больно не было и трудно,
а приходилось действовать и жить.
Заботами служебными носило
меня щепой по жизненной реке,
и горе притупилось, отступило,
осталось, в общем, где то вдалеке...

Но, видимо, до смерти помнить буду
тот страшный день.
Покоя не дает,
что уцелел тогда каким то чудом,

случайно не попав на самолет.
Мы многое относим на везенье,
от посторонних глаз в душе тая
бессовестное чувство облегченья:
как хорошо, что это был не я.
И эта мысль тревожит постоянно,
внезапно возникая между дел...

Ты там остался,
возле океана,
а я тогда в Аян не полетел.

ЗВУКИ ДОЖДЯ

Дождь за окошком.
Вечер.
Выходной.
Сижу один у форточки, скучаю.
Услышать твой звонок уже не чаю,
как, впрочем, и увидеться с тобой.

Дымится сигарета.
Сизый дым
вытягивает в форточку лениво.
Вода гремит по жестяным отливам,
подыгрывая сумеркам седым.

За стенкою скулит магнитофон
романсами Булата Окуджавы.
Задумчиво скрипит петлею ржавой
калитка этим звукам в унисон.

Вспорхнувший ветерок рванул струну
натянутой на улице веревки,
а воробьи на придорожной бровке
затеяли у лужи кутерьму.

Разбуженное звуками двора,
слегка дрожит стекло оконной рамы,
выписывая опусы и гаммы
подобные гуденью комара.

Удары,
лязг по рельсу колеса
со стороны притихшего предместья
сплетаются созвучием,
и вместе
с гудками воспаряют к небесам.

Многоголос незримый, вечный хор
порхающих курьезов музыкальных,
которым управляет виртуально
невидимый, но смелый дирижер.

Он эту пьесу держит в голове,
придуманную гением когда то.
И отбивают дробное «стакатто»
сорвавшиеся капли по листве,

журчит ручей, прорезав глины вал,
похрапывает пес, забравшись в будку,
и быют литавры грома, не на шутку,
отмеривая нотный интервал.

За мутною, дождливой пеленой
летающих звуков спрятано немало.
А я все жду звонка, как ждут финала.
Дождь за окошком.
Вечер.
Выходной.

СИБИРЬ

Стайка юных девиц – белотелых берез
выбегает из чащи на розовый плёс,
где полощется раннее утро,
шелестят меж собою умытой листвой
и пылает в пол неба над далью лесной
горизонта огонь златокудро.

Из неведомых мест прилетев, облака
на небесной парче шевелятся слегка,
отражаясь в воде возле сосен.
А согнутые ветви поваленных древ,
в покаянной молитве ладони воздев,
у Всевышнего милости просят.

Здесь, на стыке вчерашних и нынешних дней,
простираются жилы исконных корней
у болот, будто ноги босые,
здесь, за Камнем седым, расступается вширь
необъятна, как русское сердце, Сибирь –
величаява гордость России.

РАЗГОВОР О ГРЯДУЩЕМ

Разговор о грядущем –
мигом скулы светло!
В историческом существе
нам и так повезло
быть причастными к лику
самого сатаны,
и отца, и владыки
необъятной страны.

Разговор о грядущем –
болтовня у плетня.
Словно райские кущи,
наши веси кляня,
кукурузу сажали
да пололи осот,
и, как лошади, ржали,
разжевав анекдот.

Разговор о грядущем –
разговор о пустом.
Мы за хлебом насущным,
за колбасным куском
при избыточной стали
поспешали бегом,
но зато хохотали
над больным стариком.

Разговор о грядущем –
как он, право, остёр.
Перемен вездесущих
разгорелся костер,
в неизвестность отчалил
устоявшийся быт,
оказались в печали
у разбитых корыт.

Разговор о грядущем –
не на шутку беда.
Темпа прежнего пуще
прём, не зная куда.
Только сколько не майся
правду матку узнать,
все равно нас чубайсы
объегорят опять.

Эх ты, русская доля,
до чего весела!
Не родит наше поле,
не сложились дела.
Дурь засела в печенке
с тех далеких времен:
все болтаем о чем то,
а о чем – не поймем.

НА ДАЧЕ

Шепот листвы, придыхание ветра,
небо, облитое ультрамарином,
солнце, разгар сенокосного лета
и нескончаемый писк комариный.

Грядки под окнами, как на параде,
лук и редиска горою на блюде,
и утешения слабого ради
венчик ромашковый: любит – не любит.

По вечерам из клубники варенье,
лампы коптящий фитиль и порхание
бабочек в огненном круге, да тени
их на стене.

Привлекают внимание
в зеркале медном брони самовара
яркой, пятнистой луны отраженье,
и залетевшие звуки гитары,
стимула томного стихосложенья.

Душный июль,
травостоя избыток,
ивы, глядящие в воду печально,
и неприятие истин избитых,
что предрекают его окончанье.

Мысли уносятся птицей в былое –
о непреложном, святом и высоком.
Тускло мерцает, как нимб, над тобою
золотом темным отбившийся локон.

Как далеки:
наша братская помощь,
лидеров речи,
локальные войны,
прочая дурь.
Приближается полночь.
Ты засыпаешь светло и спокойно.

***

А было ли?
Сумрак в холодной пещере,
Иосиф, Мария и плод непорочный
в преддверии истин иных,
и неверье
кочевников, римлян и варваров прочих.

А было ли?
Пришлых царей прорицанье,
дары, и жестокость приказа Иуды,
а позже, в далеком Египте скитанье
с дорогой назад к обретению чуда.

А было ли?
В мире, вертепе огромном,
Господь вдруг узнал в Человеческом Сыне
Себя, беззащитным, нагим и бездомным.
Наверное, было.
Пребудет и ныне.

* * *

А после нас останется зола,
ее поднимет и развеет ветер,
и я пойму внезапно, что была
любовь твоя единственной на свете.
Кострище лебедою зарастет,
почти исчезнет, как не раз бывало.

Но кто то вновь огонь здесь разведет
и станет греться, радуясь привалу,
любить напропалую, без дорог,
спеша своей судьбы не проворонить,
и чувствовать сквозь тонкий свитерок,
как замирает сердце под ладонью,
и бормотать нелепые слова,
их смысла до конца не понимая.
Костер почти погаснет, догорая...

Ну, а потом останется зола.

* * *

Неуемные стрелки опять торопливо спешат,
ход небесных часов невесом, как полет паутины.
Возвращается время по кругу, в затылок дыша,
оставляя на память от встречи внезапной седины.

Твердой поступи лет мы с тревогою ждем каждый раз
в безуспешной попытке ее задержать хоть немного,
этот круговорот бесконечный вершится без нас,
снегом долгих, томительных зим засыпая дорогу.

И, однажды, идущий вперед, выбиваясь из сил,
ляжет в эти снега без опаски, как в пух лебединый,
и тогда все, чем жил, что дарил, что у Бога просил,
пронесется танцующей стрелкой, мгновеньем единым.

НА ЛЕМЬЕ

Неспроста потянуло в дорогу,
попрощаюсь с женой, и – вперед!
Путь недолог теперь, слава Богу,
будем верить, что нам повезет.

Мы с соседом – матерые волки,
нам ли наших владений не знать,
обстоятельно, с чувством и толком
собираем припасы и снасть.

Между сосен, по гривам и лужам,
в алом свете вечерней зари
«жигули» доведут нас натужно
к беломошникам речки Лемьи.

Расположимся, дров натаскаем –
веселей у огня гостевать.
Тишина над поляной такая,
даже речки почти не слышать.

Гладь воды неподвижно зеркальна,
от играющей рыбы – круги,
забываешь невольно печали,
серый быт, суету и долги.

Две плотвички и мелкий подъязок –
вот и будет уха хоть куда.
Тем, кто не был с ночевкой ни разу,
не понять эту страсть никогда.

Под уху у костра опрокинем
за здоровье и фарт, так сказать,
а над нами в чернеющей сини
будут яркие звезды мерцать.

Разговор не покажется долгим:
все по делу, а лишнее – прочь.
Одеялом туманным и волглым
накрывает нас темная ночь.

Согреваясь под теплой овчиной,
в сотый раз нахожу: неспроста
мне так дороги и так любимы
благодатные эти места.

Угли тлеют в кострище.
Не спится.
На траве возле плеса роса.
А вдали полыхают зарницы –
видно там, над Советским, гроза.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Отгуляло застолье.

Не видно шального певца.

Где в отчизне таких отыскать, на других не похожих?
Нам сегодня пророчит с трибун человек без лица,
а, нередко, присмотришься – вовсе звериная рожа.

Где твоя заповедная Русь, за какую чертой
растеряла она благородство свое и осанку?
Лихолетье согнуло, угрюмая бродишь с клюкой,
похмелившись поспешно какой то бурдой спозаранку.

Ведь и ты не чурался, когда разливали вино,
правда, мыслил острее и чувствовал как то иначе,
потому и береза доселе стучится в окно
и, как девушка, тонкая ива над речкою плачет.

Но все реже случалось дышать разнотравьем полей,
и все чаще усталость в написанных строчках звучала.

Наливали друзья, а враги наливали полней –
затаенная зависть страшнее прямого удара.

В изболевшемся сердце умолкли, сомлев, соловьи,
вид унылых селений терзал и уродовал душу,
попытался забыться в подушках неверной любви,
и погиб, не найдя этой самой любви, от подушки.

Много зим промелькнуло и весен.

Понятен ответ,

что в итоге сыграло с поэтом нелепую шутку.

Нынче вроде теплее и люди добрей, но пет нет
встретишь хищный оскал на лице.

И становится жутко.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГОПАД

Дом засыпал.
На улице мело.
Фонарный свет качался в канители.
Слепые окна створками хрустели.
Подрагивало звонкое стекло.

Зима вступала медленно в права.

А между строк в потрепанной тетради
цвели каштаны, словно на параде,
и зеленела сочная трава,
резвились дети около воды.
Мир оставался нежно благозвучным.

Но ширилось и напоздало тучей
предчувствие неведомой беды.

Я видел, как на хрупкие цветы
ложился снег.
Изломанные тени
и смерзшиеся прутьики растений
лишались первозданной красоты.

Оцепенели пальцы на пере,
застыло слово, скорчившись от боли,
и, то ли птицы закричали, то ли
пес начал выть с надрывом во дворе.

Глаза потухли, обо всем забыв,
растерянно смотрели в даль куда то,
в неодолимый сумрак синеватый,
ворвавшийся в пространственный разрыв.

Все становилось мутным, как слюда,
нечетким, умозрительным и бледным.
И этот снег летящий был последним
на ветреной дороге в Никуда.

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Море.

Сколы тающие льдин.

Я брожу по берегу один,
к птичьему прислушиваясь крику,
к шепоту недремлющей волны,
к этой соразмерности строгой,
с сотворенья освященной Богом,
где не наблюдается безликой,
не несущей жизни тишины.

Яркие и блеклые цвета
на палитре водного листа.
Синий с белым и небесно синий,
подмывая охру берегов,
пишут непривычную картину:
бурый пополам с ультрамарином,
тени отраженных легких линий,
радужные отблески кругов.

Звук и цвет.

Движение воды.

Никакого признака беды.

Море убаюкивает душу,
грозное величие тая.

И, как ни крути, а это – норма,

мировосприятие, аксиома:

попросту, замри, смотри и слушай,
постигая сущность бытия.

Все мы – капли призрачных глубин.

Мир своеобразен, но един,

время изменить его не властно.

С бесконечным – неуместен торг.

В поднебесье тают облака,
 пережив мгновенья и века —
 перья лебедей.
 И не напрасно
 в сердце переполненном восторг.

* * *

Осень веткой рябины
в мои окна стучится,
рдеют гроздья рубинов,
солнце в гранях лучится.

Меж ветвей еле слышно,
переполненный ленью,
ветер ласковый дышит,
пахнет хвоей и прелью.

Но в сияющем круге
где то туча таится
и смолкают в испуге
на рябине синицы.

Я один.
Я решаю.
Я пишу уравнения.
Я бесстрашно лишаю
жизнь путей отступленья.

Плюс на минус меняю,
проявляя терпенье,
и кому то пеняю
за свое неуменье,
за гордыню для вида,
за измены с другою,
и за чувство обиды
нанесенной тобою –
ученик и профессор,
если это возможно.

А над дремлющим лесом
все темней и тревожней.

Вот и дождик закапал
по листве повители.

Надо мною на запад
журавли пролетели,
далеко за границу,
покидая болота.

Может что то решится?
Может сложится что то?

СЮЖЕТ

Мне снится незаконченный сюжет.
Он сны мои тревожит много лет,
врывается, как ветер полуночный,
колышет шторы, кружит меж теней,
становится то ярче, то темней,
чтобы к рассвету разлететься в клочья.

В нем женщина и летняя река.
Букетик полевой в ее руках,
веселая и светлая улыбка.
Из под небес струится мягкий свет,
и не понять: закат или рассвет
туман рисует над рекою зыбкий.

Знакомый дом стоит на берегу.
А я, мальчишка, к женщине бегу,
с какой то неуверенностью странной,
спешу навстречу через росный дол,
чтобы, уткнувшись в ситцевый подол,
счастливо замереть в объятьях мамы.

И, чем быстрее бегу в сюжете сна,
тем дальше отдалается она,
теряется в густеющем тумане.
Я задыхаюсь,
падаю,
кричу,
как будто что то важное хочу
поведать, что забыл когда то, маме.

Но в вязкой, словно вата, тишине
звук эха затухает.
Жутко мне
и холодом охватывает душу.

Упав лицом в душистую траву,
без удержу отчаянно реву
и просыпаюсь с мокрою подушкой.

Бесхитростный сюжет.

А наяву
я только ощущением живу
того, что видел, и на сердце – пусто.
Пытаюсь разобраться, что к чему,
и, как болезнь тяжелую, клянчу
возникшее мучительное чувство.

Оно меня терзает и сейчас.
Живу надеждой, что наступит час
и, разорвав тревожных снов завесу,
я вспомню все внезапно.
И тогда,
перелистав события и года,
я завершу приснившуюся пьесу.

* * *

Ворвешься в жизнь мою метелью белой,
языческим, неповторимым даром,
и рук твоих податливая смелость
меня оплавит, как свечи огарок.
В дыхании палящем зимней ночи
нас уравниет громкое молчанье
и завершит во тьме союз непрочный
торжественное, тайное венчанье.
Забуду откровенья истин тленных –
на все мои оставшиеся годы
нам хватит тех минут самозабвенных,
что нам с тобой отмерила природа.
На стены лягут линии косые,
среди других теней бесплотных тая.
Мне наплевать на слухи – ты отныне
в душе моей уже почти святая.
И не таясь себя – тебя узнаю,
забвенья вкус и губ солоноватых.
А грешные глаза твои сияют,
как две звезды на бархате заката.

***

Здравствуй!
Я приехал.
Много лет
путь свой по земле торил один.
Полустанков полусонных бред
беспокойным ветром обходил.
Голова,
как серая зола,
падала не раз на плат зари,
но твоя звезда меня вела
к этим окнам через пустыри.
Знал –
дойду,
доеду,
долечу,
потому от боли не кричу.
Отложи заботы и дела.
Здравствуй!
Я приехал.
Не ждала?

* * *

Ты – не первая.
В жизни твоей –
я не первый.
И что больше скажешь?
Не вернуть тех стремительных дней,
что прожили по разному каждый.
Две песчинки по свету несло,
по огромному шару земному –
поздно встретились,
не повезло
видно нам –
ни тому, ни другому.
И союз этот равен беде,
прикасанию льдин в половодье –
прикоснулись, и снова уходим
одинокими в талой воде,
оставляя обломки души
и меняя свои очертанья.
А поток наши судьбы крошит
не в признание нам –
в наказание.
Вот уже не осталось почти
ничего,
что свело воедино.
Под лучами растаяли льдины
и исчезли с водою в ночи.

ПРОЩАНИЕ С БУХТОЙ

Мне помнится соленый ветер твой,
пожатые рук мозолистых и строгих.

Я уезжал.

Накатистый прибой
ворочал гальку берегов отлогих.

Кричали чайки над твоей водой
и кедровые низкорослые шумели,

пытаясь удержать,
но не сумели.

Я уезжал.

За пенною чертой

Осталось все, чем ты меня пленила:

голубизна задумчивых озер,

кипящих речек бешеная сила,

слиянье неба с морем,

синих гор

торжественная строгость караула,

покрытый лесом сумрачный увал.

Я уезжал.

Прибрежных рифов скулы

лоснились черным лаком.

Срезы скал –

свидетели крылатого базара

молчали.

Исчезающих минут

прощания с друзьями не хватало,

последних слов.

Палаточный уют

за кромкою песчаной косогора

сигналил дымом прокопченных труб.

Седой закат пылал неммым укором.

Я уезжал из детства.

Сердца стук

неугомонно и красноречиво

соединял, что стало дорогим,
с тем будущим, еще неразличимым,
неясным,
но уже почти моим.
Мы здесь росли стремительно и смело,
приобретая мужество в делах,
неся любви нетронутую веру
в своих поступках,
мыслях
и словах.
В сыром брезенте временного быта
хранили мы содружества тепло,
вторичный смысл стихов почти забытых
и откровений хрупкое стекло.
Былинная,
непознанная сила
купели ледяной твоей воды
нас окрестила и заговорила
от равнодушья,
лени
и беды.
Но время однозначно.
Только память
далеких, юных дней тревожит кровь
и вызывает грусть –
уже не раня.
Я уезжал.
И возвратился вновь.

ЧАС БЫКА

Светила полная луна.
Шел первый час.
В ночи осенней
звучал ноктюрн.
А из окна
по стенам расползались тени
и прятались в сырых углах
давно нетопленного дома.
Так в темном омуте бездонном
таится первородный страх.
Как нити клейких паутин,
они окутывали душу
тугим клубком.
И я один
ноктюрн безумных скрипок слушал.
И что то в этой пляске нот,
тревожных «скерцо» и «легато»
знакомым было, как приход
еще не признанной утраты,
еще не принятых потерь,
болезненно неотвратимых.
Я ждал, что снова скрипнет дверь,
и ты вернешься невредимой.
Приблизившись родным лицом,
коснешься глаз моих рукою,
и состояние покоя
опять наполнит этот дом.
Ждал и не верил в чудеса:
ни ты, ни я – не виноваты.
Часы пробили три часа –
тревожный колокол набата.
Но знал:
прервется Час Быка
и с первым криком петушиным

осветит солнце облака
и серебристые вершины.
И песни радости споют
лучей рассыпанные блики,
а мир ликующий и дикий
ворвется снова в жизнь мою.

* * *

Артист – на выход!
Зазвенел звонок.
Я в мир шагнул незряче и смешно.
Дорожной лентой стелется у ног
событий черно белое кино.
Извозчик неба колесо крути,
я встретил день с открытой душой.
Но зрители не ждут,
пора идти,
суфлер готов
и занавес пошел.
Я подношу к глазам заглавный лист,
неясен слог,
концепция слаба –
какой, однако, смелый сценарист
у пьесы этой,
названной Судьба.
С галерки зала жидкие хлопки:
дерзай артист,
возможностей – вполне.
Я текст испортил со второй строки,
импровизируя,
как шансонье.
И понесло: то вверх,
то в никуда,
то жаркий поцелуй,
то синий лед.
Удачами сменяется беда:
то солнечно,
то все наоборот.
Как все задумал этот режиссер,
его трактовки возбуждают кровь –
я сам себя играю до сих пор
в спектакле под названием Любовь

Опять звонок.
Закончился антракт.
Репризы хлестки –
просто берегись!
Но близится к концу последний акт,
означенный названьем странным Жизнь.
Ожил опять сраженный мною враг,
плодов победы видеть не дано.
Суфлер хрипит из будки: все не так!
Но мне уже, похоже, все равно.
Я роль сыграл от первого лица.
Дан занавес,
зал рукоплещет вслед.
Артист всегда играет до конца,
пока на рампе не погаснет свет.

* * *

Б.Окуджаве

Что глядишь?
Я ведь не был седым.
На, прикуривай, брат,
не робей.
Век не сладкий
и серый, как дым,
гонит нас,
как ямщик лошадей.
То метелью захватит в пути,
то ударит песком по глазам,
отступлений и лжи не простит
по дороге к последним весам.
Я в решениях –
тоже не прост:
крыл не редко крапленным тузом,
но почти все друзья на погост
улеглись под малиновый звон.
Век короткий,
как пьяный грешит:
давит лучших,
не видно конца,
этот шепотом грязным прошит,
этот пал от укола венца.
Эхо громких, но странных побед
бьется в стены и гаснет в ночи.
Но вдали разгорается свет
и подобраны кем то ключи
к небесам.
Изнуряющий страх:
что не всем научиться летать.
Остаются гореть на кострах,
не успевшие смелыми стать,

не рискнувшие жизнь изменить
превращаются временем в тлен.
Но еще не оборвана нить
вечных честью российских колен.
Горе –
павшим от рук подлеца,
слава всем,
уходящим в зенит,
где надорванным сердцем певца
колокольчик надежды
звенит.

НО ВЕДЬ ЖИВА РОССИЯ

А.Д. Меншикову

1

Гаснут свечи.
Над кручей крик
птиц разбуженных,
хохот зверя.
Хмур и темен, как ночь, старик,
в поражение свое не веря.
Две княжны,
образа,
псалтырь,
да забытые всеу годы.
Все прошло, обратившись в пыль:
восхожденье,
триумф,
невзгоды.
Шум потех у Москвы реки,
ботик первый на топкой луже,
и горячие пирожки
с темным сбитнем из грязных кружек.
Сколько всяких побоев снес,
прогорланил кабацких песен,
был всегда бесшабашно весел
и хитер, как дворовый пес,
вороват и на руку скор.
Кто у нас без греха?
В России
каждый третий – бандит или вор.
Ну, да ладно,
грехи простили.
Не простили ему побед
над кичливой боярской дурью,
и костров просвещенья свет,

что из углей в золе раздули,
растревожив покоев лень
и развеяв угар лампадный,
да Полтавы июньский день,
да полученные награды.
И построенный меж болот
на крови, вопреки стихиям,
первозванный российский флот
и победы его лихие.
Но не сломлен он.
Никогда
не сдавался врагу на милость:
что нажил – унесла вода,
все свершенное, как приснилось.
Остерман, Долгорукий –
рыл
копошится у трона свора.
Нет Петра,
кто до гроба был
и судья ему и опора.
Жизнь прошла, превратившись в миг
бесконечности.
Путь утерян.
Гаснут свечи.
Над кручей крик
птиц разбуженных,
хохот зверя.

2

Цветом кроваво розовым
кисти рябин горят.
Тусклых глазниц Березова
опустошенный взгляд.
Да лебедей тревожный клич
стелется над водой.
Князь, Александр Данилович,

где вы нашли покой?
Вдруг, возжелав скоромного
и презирая скорбь,
в берег погоста темного
билась шальная Обь.
Осатанев в беспечности,
выворотив пласты,
прочь уносила к вечности
кости, гробы кресты,
талой водой ворочая
сосны, обрыв, село.
Недругам, да и прочая
уж не достать его,
не оболгать наветами,
не оплевать толпой.
С северными рассветами,
легкой обской волной
меж тальников унылых
соединило вас.
И воссиял над миром
нерукотворный Спас.
Бюсты, надгробья, речи –
как опоздали вы.
Памятью человеческой
ваши дела живы
в нашем недавнем прошлом.
Как велико оно!
Все остальное – пошло,
призрачно и смешно.
И возникают снова
шпаг и камзолов зернь:
птенцы гнезда Петрова
вместе – князья и чернь.
Жаль, унесли витии
скольких еще, не счесть.
Но ведь жива Россия –
памятник вам и честь!

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, ГОД 1125-Й.

1

Зима,
меж берез белый саван раскинув,
спустилась на Русь.
На замерзших холмах
уставший от битв,
завернувшись в овчину,
последний свой след
прочертил
Мономах.
Нестройные мысли,
отрывки видений,
стон волчьего воя в медвежьих углах.
Перуна тропы не понятны знаменья.
Эй, отроки, рысью!
Товарищей прах
давно разметало по Дикому полю.
Безумных сынов Измаила костры
теперь не тревожат пределов.
А доля?
Грех Бога гневить!
Тяжелы и остры
мечи сыновей.
И не канули в Лету
посланья врагам:
Не ходите на Русь!
Угасшие лица
среди отблесков света
уже навевают спокойную грусть.
Светает.
Как угли,
рассыпаны гроздь
сияющих звезд на небесной меже.
Морозную пыль поднимают полозья,
швыряя в лицо.

Не вернутся уже
охоты и ловы.
Щетинистых вепрей
и туров покоило княжье копьё.
Студили лицо тебе русские ветры
и травы дурманили.
Имя твое
неслось по широким просторам предполя,
страша и сжимая сердца агарян.
И пахла свобода пролитую кровью
и ноющей болью полученных ран.
Ушло все.
Ослабла рука твоя, княже.
Но ясен еще пронизательный взгляд.
Мерцают звенящие кольца в упряже.
Играют зарницы.
А память назад
уносит.
Где летнее солнце разлито
и ласковый шепот в купальскую ночь.
И светловолосая, дивная Гита,
английских пределов спокойная дочь
тебя обнимает.
В гробнице отцовской
лежит её сердце.
А ты еще жив.
Скатилась слеза:
ратных битв отголоски,
горящие клинья не скопленных нив.
Что ж,
прожил ты Бога заветы не рушив,
и не изменив целованью креста,
и зря не губил христианские души,
и Русь не делил.
Да и сын твой, Мстислав,
единой всегда почитал и сторожил
ее рубежи.
И коварный Боняк

уже, если даже захочет, не сможет
топтать эти нивы в придонских полях.
Пусть черпают Дон золотые шеломы
архонтов твоих,
Ярослава кровей!
А сани летят по заснеженным склонам,
по редким
и ломким стеблям ковылей.

2

В то год,
перечеркнутый красной звездой,
посеявшей страх,
покорившись судьбе
бежали от половцев русские вои,
погиб Ростислав.
И открылось тебе –
не в брани за отчины и за наделы,
в служенье стране и народу ее
твой крест.
И разили каленые стрелы
не братьев,
а ворогов и вороньё.
Не жадностью вечной мужей Святополка,
а верным мечом заслужил ты тогда
любовь христиан.
И погасла надолго
над Русью святой окаянных звезда.
Усобицы княжьи тушил ты.
И миром
уоставшую землю в кулак собирал.
И русскую правду
то словом,
то пиром,
то древней иконою славил.
И знал,
что путь твой не вечен,

а мир над землею
в тех душах, где возвращено семя твое,
в простых мужиках,
деревянной сохою
кующих величье и славу ее.

Вы, дети, не бойтесь ни рати, ни зверя,
отцовский наказ этот колос взрастит.
Никто и ничто вас не сломит.

Измерит
лишь Бог ваши вины.

И Бог вам простит.

Волы на телеге в святую Софию
сквозь плач Переславля свезут его прах.
Крест животворящий на княжеской вые,
да царские цепи.

Прощай, Мономах!

К отцу и жене в дорогие пределы
ведет тебя путь.

И судить не берусь
свершенное князем Владимиром дело
и слово его:

Не ходите на Русь!

* * *

Зарос травой
разбитый, старый дот.
Колышет тихо ветви теплый ветер.
А в памяти опять далекий год –
безжалостный,
кровавый,
сорок третий.
Тяжелых туч воздушная завеса
среди болот, разбухших от воды,
на кромке замерзающего леса
знакомых лиц сомкнутые ряды.
Не всем в живых остаться до заката,
но в этот час перед судьбой равны
святым и грозным именем –
солдаты,
суровую
удачею
войны.
Перед застывшим,
строгим батальоном
комбата звонкий голос не забыть:
«Мы выстоим –
другого не дано нам,
мы победить должны
и, значит – жить!»
В короткой завершенности приказа
горячих слов расплавленный свинец.
Я помню все,
хоть не был там ни разу,
я помню все,
что помнил мой отец.

СТАРИКИ

Мы ходили в сумерках парами,
целовались в темных дворах,
мы считали себя бывалыми,
испытавшими радость и страх.
Мы на взрослых смотрели искоса –
дескать, что с них взять – старики!
Говорили друг с другом изысканным
языком, писали стихи.
Мы не знали, что жизнь не балует,
не ломал нас тяжелый труд.
Мы не знали – законы старые
в этом мире еще живут.
Что пройдет много лет и с усмешкою
будем юность свою вспоминать,
усмехаться старенью поспешному
и седые виски потирать,
узнавать себя в наших детях,
не желающих нас понимать.
Мы не знали, как долго на свете
нужно жить, чтобы жизнь осознать.
Мы ходили в сумерках парами,
мы не знали, что жизнь велика,
что совсем мы еще не бывалые
и смотрели на всех свысока.

СМЕРТЬ ФАВОРИТА

*О, вид плачевный! Смерть жестока!
Ково отъемлешь ты от нас?
Как искра, во мгновенье ока,
Герой! Твой славный век погас!*

Гавриил Державин

Пыльный шлях Малороссии,
лошадей табуны,
в небо белое с просинью
хуторские дымы.
Одаль табор кочующий,
с солью встречный обоз,
да, как перст указующий,
бабы каменной торс.
Долог путь к Николаеву
по ковыльной степи,
сквозь дрожащее марево
птицей тройка летит.
Болью сердце разбитое
под камзолом зашло,
ноет старой обидою,
как каретная ось.
А в столице, как водится,
машкерады, балы.
Был, мол, как его?
Вроде бы,
это были не Вы.
Фрейлин платья парчовые
и мундиров сукно,
да любезники новые
подливают вино.
Что ж, Вы, Ваше Величество,
вновь бокал не допит:
князь Потемкин—Таврический
умирает в степи.

Усмирен фаворитами,
в одночасье старик,
на плаще под ракиною
даже в смерти велик.
Побледневшие,
станете
жемчуг рвать на груди:
ведь любили без памяти,
о Вами венчан, поди.
Нет величью почтения,
в самый раз оплевать:
загудит с облегчением
вороватая рать.
Умер! Слава Пречистому!
Уморился, циклоп?
И злорадствуя, истово
перекрестите лоб.
А, ведь, раньше и злейшие,
чин отбросив и стыд,
шли в покои к Светлейшему
ткнуться мордой в персты.
Вспомнят недруги ропотом
каждый Ваш неуспех,
да пустые все хлопоты —
не дождутся потех.
Полно, Ваше Высочество,
успокоились — пусть.
Вашим именем, отчеством
расширяется Русь.
И в далеком имении
князь Румянцев и тот,
не любя, тем не менее,
прослезится в шлафрок.
Что ж, фельдмаршал, наверное,
цену существу знал —
не врагом, а соперником

Вас всегда почитал.
Родились слишком рано Вы,
был высоким полет.
Солнце юное заново
над Тавридой встает.
Зрил, как правило, с норовом
Ваш единственный глаз,
но беднягу Суворова
от Румянцева спас.
Измаила и Рымника
гром побед не потух.
Не любили Вы фиников,
лизоблюдов и шлюх.
Флаг российский, андреевский
черноморских флотов
поднял, славой овеянный,
адмирал Ушаков.
Стал Одессы строителем
шевалье де Рибас,
номинально — правителем,
только, кто он без Вас?
Прозорливость свершений тех
возвеличат потом
и судимы Вы будете
только Божьим судом.
Да — казнил — но и миловал
нет дороги назад...
Над безвестной могилою
плачет старый солдат.

НАШ ПАРОВОЗ

Смотрю на долгий путь с вершины лет,
последним оказавшийся для многих,
и понимаю, что назад дороги,
как ни печально, слава Богу, нет.
Другие песни сложены страной,
и молодость поющая – другая.
Все, что прошло, останется со мной,
а, что случится в будущем – не знаю.
Теперь слова иные не понять:
заменены потребности и цели.
Ушли кумиры – некому пенять,
но есть опять, кого ловить в прицеле...

Мы были слишком юны в те года,
когда не знал никто, куда причалит
Россия вдруг прозревшая,
когда
нам пел о наболевшем Саша Галич.
Нам дорог был и близок мир иной,
с понятной, предсказуемой погодой,
а над угрюмой северной страной
еще кружила тень Отца народов.
Восторженных свободой в полет
бросала бесшабашная отвага,
но лишний раз не открывали рот –
познавшие все прелести Гулага.
А на Лубянке помнили о нас,
задернув глухо плотные портьеры,
и не дремал звериный, зоркий глаз
застывшего над нею Робеспьера.
Еще товарищ Молотов был жив,
художников Хрущев стращал режимом,
а над страной дрожали миражи –
желанны всем и так недостижимы.

Отцы старели.
Не старела страсть
быть всех сильней, привитая их детям –
мир бросить в пропасть – вовсе не пропасть! –
внушалось перепуганной планете.
И мы росли под шепот «голосов»,
их день и ночь со всех сторон глушили.
Качался мир на чашечках весов
и воронье над павшими кружило.
Но был Гагарин, полюс, фестиваль,
и радости технических открытий,
осваивался БАМ, варилась сталь
в ряду других свершений и событий,
и сбитый в ту далекую весну
шпион У 2, и Запад вдруг притихший.
Нас распирала гордость за страну
и комсомол, всех нас объединивший.
Всесилье возомнивших, власти зуд,
фантазии с реальностью мешая,
нас в хаос повергал, опять лишая
обычных прав людей на мир и труд.
Из под сапог солдатских вилась пыль
дорог пустынных древнего Афгана,
и зрел на речке Припять Чернобыль
неизлечимой, раковой раной.
Трудились люди, не жалея сил,
топча земли нетронутой просторы,
и содрогались в Забайкалье горы,
и лес Сибири криком голосил.
Что нам до них?
Победы горячат,
когда вот вот рукой подать до цели.
Но расползались по державе щели
и на глазах ржавели обруча.
Смешной и дряхлой становилась власть,
а органы – надменной и наглее;

кто был при власти – объедались всласть,
все прочие мельчали и хирели.
Пытавшихся о чем то рассуждать,
Сопротивляться, или прекословить
отринула, сослав, Россия мать
на Запад и на Север под конвоем.
И очередь за водкой, и талон
полученный в собесе – как насмешка
над высшею идеей.
И неспешно,
скрипя, под горку тронулся вагон.
Тут все передрались между собой –
доподлинно не ясно, что делили –
и вместе с развалившейся страной
залезшие в долги – долги простили.
Восток, с кошмы не сбросив пыль веков,
немедля возродил былые ханства,
по Украине загуляло чванство
панов и запорожских казаков.
А ведь когда то Киевской была
святая Русь, все – русские, кацапы,
а нонеча рисуют жупела,
до смерти напугав московской лапой.
В степях предгорий зароптал казах,
вдруг возжелавший стать вельможным баем,
и прочие ушли, пути не зная,
прости их Бог, а, может быть, Аллах.
Конечно на камче приятней спать,
и пару жен еще иметь не лишне,
но до сих пор нигде пока не слышно,
что стали слаще жить, да поживать.
А мы остались, верою живя
в великое свое предназначенье:
мол, мы – Россия! – остальные – тля,
плывущая за нами по теченью.
Но время, все расставив по местам,

безжалостно мелькало за окошком,
и от былых амбиций только крошки
разбросаны по полкам тут и там.
Так, пассажиров на ходу теряя,
под монотонный, дробный стук колес
вагон летел по рельсам, ускоряясь,
пока не завалился под откос.
Тут из кустов раздался трубный глас:
«Пора делить богатство! Все и сразу!»
И поделили – сверху, по приказу,
не спрашивая обалдевших нас.
На ваучер – пять литров, и каюк!
На закусон, увы, уже не хватит.
Так что, сопи тихонько на полатях –
другим не враг, но и себе не друг.
Угас, сгорев, вчерашних споров пыл,
не сделав очевидное яснее.
Тот, кто хитрее был, тот сразу всплыл,
урвав себе кусок, что пожирнее.
А остальным – что выпало в отстой
при дележе заводов и карьеров –
по праву арифметики простой
и вовсе не по прихоти премьеров.
При чем тут президент или премьер:
в России красть еще не разучились.
И зря мы так на власти ополчились,
хотя они, конечно – не пример.
Но, слышь, и мы, как, право, не крути,
утащим, даже если и не хотим,
а, ведь, когда еще Христос пророчил:
великий грех – украсть!
Не укради!
По правилам играет лишь тупой:
игрок на деньги – за столом блефует,
и боязливых без труда надует,
следи за ним бессменно, хоть толпой.

А мы то, что?
Мы бурим твердь земли
и валим лес в забытом Богом крае.
Текут рекой добытые рубли,
в распоротый карман не попадая.
Поставленный на рельсы паровоз
вагон вперед тянуть никак не хочет.
Куда не сунься – все наперекос,
как будто леший голову морочит.
Меняются на троне короли –
все неподвижно, словно в Мавзолее.
Грядущее победы не сулит,
какие не придумывай затеи.
Лихой кондуктор дергает стоп кран,
а машинист подбрасывает в топку,
стоит состав – от суеты нет толка,
пока начальник поезда – болван.
И будет так, мне кажется, лет сто,
хотя стоять и стыдно и опасно.
Пар хлещет,
надрывается свисток,
а мы все там же – на пути запасном.
...Усталый взгляд не разберет цвета
на флагах утверждающих единство.
Кого и с кем?
Сплошная суета
в делах царит,
землячество и свинство.
И будь ты хоть подвижник, хоть святой –
судить тобой свершенное не станут,
пока не присягнешь на верность клану
и не докажешь в скользком деле – свой!
В том, что случилось, и моя вина –
с оглядкою шепчу, а вдруг услышат!
И как тогда, в лихие времена
тревога тяжело в затылок дышит.

* * *

Все выбросив из головы, как ересь,
кощунственную в пихтовом раю,
через кусты смородины и вереск
я выйду на излучину твою.
Раскинулась внизу широким плесом
спокойная, осенняя Конда,
песок крутого берега белесый
ласкает потемневшая вода.
Заброшу закидушку, сяду молча
на теплый ствол поваленной сосны
в разливе тишины твоей.
И, впрочем,
слова здесь и восторги не нужны.
Меж пихт и елей спряталась стыдливо
рябина покрасневшая.
С югов
по пастбищу небес неторопливо
плывут отары легких облаков.
Безмолвие.
Оно излечит раны
и защитит от праздной суеты,
которую сегодня даже в храмы
заносит ветром перемен.
Цветы
последние на солнечной поляне,
разбросанные щедрою рукой,
как краски на полотнах Пиросмани
чисты.
Над засыпающей рекой
полет беззвучный шелка паутины,
слияния с природой благодать.
Я понимаю: вечности картину
обычной кистью мне не передать.
Я полон первородством их красок

дышу игрой твоих полутеней,
как в отрочестве запахами сказок,
рассказанными мамою моею.
Той осенью, когда меня не станет,
мой сын придет на берега твои,
где девушкою в пестром сарафане
рябина одинокая стоит.

* * *

По тропе над берегом из леса
на широкий плес реки сойду.
Выберу со знанием дела место,
где коряжник скрючился во льду.
Лунку пробурю.
Приткнусь на пайву.
Закурю.
Какая благодать!
Снег искрится, возле сосен тает
на крутых пригорках.
Тут клевать
начинает.
Плавно подсекаю,
чувствую, забился, загулял
окунь под корягой.
Выбираю
леску, лишь бы, черт, не оборвал.
Ошалев, топорщит жабры окунь,
красавец, грамм триста будет чать.
В небе ослепительная просинь,
воздух пахнет хвоей.
Припекать
начинает солнце.
Разжигая
костерок, завариваю чай,
режу сало, водку разливаю:
перекур, ребята, налетай!
Посидим, поговорим немножко
об улове.
Тишина вокруг.
Шустрые синицы тянут крошки,
не пугаясь, прямо из под рук.
Умиротворенный и счастливый,
подстелив шубейку на меху,

знай, таскаю ершиков сопливых,
ладно, пригодятся на уху.
Да и много ль надо человеку
отдохнуть от дома и забот,
ведь природа самый лучший лекарь
от любых болезней и невзгод.
Уезжаем к вечеру.
А дома
расскажу, какой сорвался язь,
и жена с улыбкою знакомой
покивает, про себя смеясь.

- * * *

Над Обью чайки.
Ветерок,
рожденный утром, разыгрался,
и за излучиной остался
обжитый нами городок.
На крутояре кедром зябко,
и, вязко падая с небес,
как будто согревая лес,
одета облачная шапка.
Мне этих мест не разлюбить –
соров просторы,
рек бурливость.
Природа мне дарила милость
в ее нетронутости жить.
В ее распаханном раздолье –
Сибири мощь,
России щит,
и, как орган в концерте сольном,
ее величие звучит.
Все мы –
от плоти плоть земли,
все мы –
ее родные дети.
А разве есть на целом свете
дороже
к матери
любви.

ОСЕНЬ

Циферблат вокзальных часов.
Полночь.
Мокрый асфальт перрона.
От продрогших этих лесов
убегаю в тепле вагонном,
оставляя здесь суету,
надоевших дождей слезливость.
К черту все!
Подвожу черту.
Не задерживай,
сделай милость.
Опостылел такой расклад:
холод,
грязи дорожной мыло.
Все не то.
Двадцать лет назад
веселей и приятней было.
А сегодня качу туда,
где снегов не видали вовсе,
где синее небес вода,
да и небо не старит проседь.
Знаю,
еду не навсегда:
завтра вновь обретаю веру
в полуночные поезда
отбывающие на север,
к берегам затухающих рек,
к дыму,
терпкому запаху хвои,
чистотой освятивших навек,
все,
чем живы еще с тобою.
Где простишь мне, осенний лес,
грех, что тайно в душе носил,

где ложатся на свод небес
пламенеющий лист осин,
кособокость болотных сосен
и синеющих гор гряда.
Я умру здесь в такую же осень.
На рассвете.
Не знаю когда.

СУББОТА

Бессонница –
подруга белой ночи.
На улице уже совсем светло.
Встречая утро, воробьи пророчат
чириканьем забытое тепло.
Вчера еще на землю падал снег,
но стаял.
И уже подсохли лужи.
И тополиный пух над сквером кружит
метелицей.
Из под прикрытых век
гляжу в твое лицо.
Пятнадцать лет
мы вместе катим колесо фортуны,
а ты все той же остаешься юной,
желанной и загадочной.
Рассвет
торопит день,
и радость бытия,
и суету забот,
и счастье быта –
все то, что называется избитым,
но драгоценным именем «семья».
Какой сложится день, еще не знаю.
Луч солнца сквозь оконное стекло.
Приходит утро.
Снова засыпаю
и чувствую рукой твое тепло.

* * *

Связь времен и событий едина.
Но знать,
где нас встретят с косою, не стоит.
Соберусь на закате в дорогу опять,
Агасфер, не нашедший покоя.
Освещенные окна на том берегу
глянут в душу и с Богом отпустят.

«Я с красоткой усну на росистом лугу,
а проснусь под крестом в Фамагусте».

Эта старая песня простых моряков
вспыхнет в сердце огнем безрассудства.
Горизонт распахнулся.
Огни маяков
нам пророчат любовь и безумство.
Мой заплечный мешок полон песен и тем,
ветра,
трепетных встреч и забвений.
Гонит парус ладью по кипящей воде
пережитых потерь и прозрений.
Рад бы в рай,
жаль, туда не пускают грехи.
Ну, да ладно, коснуться бы суши,
сохранив до конца, до последней строки
в чистоте наши мысли и души.
Кредиторы опять предъявляют долги –
лучше было за дело не браться,
надышавшись свободой, стоптав сапоги,
начинаю к тебе возвращаться.
В дом, где каждый предмет знает место свое –
от замочных щеколд до стаканов,
в дом, где ветер за окнами песню поет
о далеких походах и странах.

И откуда бегу, словно проклятый, сам
к новым подвигам и поражениям,
возвращаясь к твоим терпеливым глазам,
и к теплу очага
и к прощенью.
Но старинный и странный мотив берегу
музыкальной прелюдией грусти:

«Я с красоткой усну на росистом лугу,
а проснусь под крестом в Фамагусте».

* * *

Когда во мне взрывается душа
и хочется кричать с остервененьем –
твоих прохладных рук прикосновенье
огонь сердечный гасит неспеша.
Когда меня судьба в беду бросает,
когда тревога у дверей стоит –
прикосновенье теплых губ твоих
меня от одиночества спасает.
Когда в меня вся боль войдет звеня,
когда скрипишь зубами от бессилья –
твои глаза спокойные всеильны
спасти от разрушения меня.
В моей руке –
твоя рука лежит,
моя судьба –
твоей судьбы частица.
И никогда мне в жизни не простится,
что не умел
тобою
дорожить.

* * *

В моих ночных раздумьях иногда
моих друзей забывшиеся лица
приходят чередою сквозь года,
чтобы душою воссоединиться.

Как будто нас никто не разлучал –
здесь и упрежденные давно,
и те, кто живы.
Зов верности –
покинутый причал
собрал ладьи на бирюзе залива.

Морщины чертят лица –
знак беды,
рубец потерь,
порез приобретений.
В их многогранности хитросплетений
угадываешь вечности следы.

Упорное,
негаснущее племя –
вперед других не передоверяя.
Все меньше вас –
бескомпромиссно время.
Теряем все,
теряем все,
теряем.

ПРОЩАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ
(Поэма – воспоминание)

***

Тетрадь в переплете потертом лежит,
с далеких времен института,
и стрелка секундная быстро бежит,
сметая, как мусор, минуты.

Почти полчаса не решаюсь начать
листать под обложкой страницы,
открыть –
и увидеть, как звонко кричат
парящие, белые птицы.

Мой стол, словно судно, внезапно качнет,
на пенистый гребень бросает,
глухой и безлюдной порою ночной,
когда мне никто не мешает.

Охотское море подступит к окну –
седое,
в барашках и льдинах –
и я, как мальчишка, бесстрашно взгляну
в прожитое, словно в пучину.

Ну, что из того, что когда то писал
о волнах кипящих прибоя
в разломах подножия северных скал,
где небо висит голубое,
о кедрах, пригнутых ветрами к земле,
о нерпе, играющей в бухте.

Покажется вдруг, что тетрадь на столе
все толще становится, пухнет.

Года позади и года впереди:
кто знает, а сколько осталось?
Вот, только, внезапно защежит в груди
какая то грусть и усталость.

Как были мы категоричны,
когда,
с надеждами юношей споря,
крестила нас в жгучей купели вода
далекого, славного моря.

Я помню: безбрежных просторов размах,
их песни.
Ты только послушай,
как леска звенела струною в руках,
когда обрывалась горбуша.

И звуки наката,
и шелест листвы,
и скрежущий гул камнепада –
все слышу отчетливо.
Только, увы,
уже не увижу.
А, надо:
то озеро в сумерках, и лебедей,
чей клин над водою поднялся,
и много хороших и смелых людей,
с которыми жил и общался.

Друзья, разбросали по весям наш круг –
работа,
судьба
и стихии,
как тех лебедей, улетающих на юг,
к чужим берегам от России
Ах, девочка Вера, шальные глаза!

Мне ночью по прежнему снится
повисшая каплей хрустальной слеза
на длинных, пушистых ресницах,
и наше прощанье вечерней порой,
и твой сарафан темно синий,
слова обещаний,
и голос глухой,
который звучит и поныне.

Мы верили в светлое.
Наши мечты
о будущем и сокровенном
так были красивы,
воздушны,
чисты,
как рифами взбитая пена.

Любовь – это чувство присущее тем,
кто молод и верен надежде,
а тем, кто добрался к последней черте,
нужней и дороже, чем прежде.

Одни улетели на Запад,
других
Сибири леса приручили.
И вряд ли, когда повстречаемся.
Стих
тот пафос, которым мы жили,
та страсть к путешествиям и куражу,
которой мгновенно вскипали,
которой и ныне, как я вам скажу,
нам здорово всем не хватает.

Пускай, никогда не вернуться назад,
и спину усталость согнула,

но память, как стрелка, пройдя циферблат,
на старое место вернула.

...Настольная лампа стоит на столе,
круг света – почти идеален,
и, будто маяк на угрюмой скале,
из прошлого мерно сигналит.

* * *

Давай, за встречу!
Будем, дорогой!
Под рыбку грамм по двести – не мешает.
Ну, как ты тут живешь?
Уже – с другой!
Припоминаю твой характер шалый.

А, помнишь, ту, последнюю весну
и выпускной?
Девчонок на бульваре?
Конечно, помню, ты тогда блеснул,
и что то там изладил на гитаре.

Олег, уже, почти, что – генерал,
к нему и не допустят без доклада!
В десятом я ему наподавал,
когда он сунул нос, куда не надо.

А, Зоя, та, блондинка?
Детский врач.
В халате белом, словно балерина!
Да, время!
Хоть, судачь, хоть – не судачь,
а, все таки летит неудержимо.

Насчет работы – помогу.
Потом!
Пойдем ка, перекурим лучше в сенки...
...Так мы тогда сидели за столом
с приехавшим ко мне на стройку Генкой.

Мы с ним за партой вместе – восемь лет,
да в институте – пять: большие сроки,
и не один пленительный рассвет
встречали на Амуре, у осоки.

Уха с дымком,
и песни у костра,
а позже – Сахалин и Николаев.
Как жизнь непозволительно быстра:
чем дальше, тем все чаще вспоминаю
совместную работу.

Он ушел
из жизни, как сгоревшая комета.
Да, рак – не насморк!
Было – хорошо,
и горько стало.

Ясные рассветы
остались за невидимой чертой,
которая навеки оттолкнула
от жизни жизнь.
Холодной пустотой
тогда мне первый раз в лицо пахло.

Как так?
Вот – жил, и нет его уже,
как будто эхо дальнее погасло.
Как пел он на притопленной барже
девчатам из Аяна.
Так прекрасно!

Все слушали его, разинув рот,
звучали Визбор, Галич и Высоцкий,
и каждый, ловко сыгранный, аккорд
вибрировал особенно, по флотски.

Отпел и отлюбил.
Сгорел свечой –
не дотянувший до конца маршрута.
А, ведь, не раз мне подставлял плечо
в тяжелые, не лучшие минуты.

Судьба – злодейка:
против – не попрёшь!
Но, кажется, вот вот, еще мгновенье –
дверь распахнется вдруг, и ты войдешь,
и новое прочтешь стихотворенье.

...Но дверь молчит, а сумрак все темней,
расплывчаты простых предметов грани.
Качает отражение теней
на выцветшей стене, как на экране.

Прощай!
А у меня еще дела
какие то –
шевелимся немножко.
На улице стоит белым бела
продрогшая рябина под окошком...

* * *

Здорово, друг!
Ты, что, Валера, пьян?
Стоишь – и улыбаешься кому то?
А, помнишь дивный запах тех полян,
над берегом Супры взлетевших круто?

Любимая пора:
Осенний лёт
серебряной, беззвучной паутины,
и прогремевший в небе вертолет,
и гроздья, покрасневшие, рябины.

А, белые грибы – на белых мхах,
и косачи шальные на болотах?
Немало километров отмахал
ты,
да и я, мотаясь по субботам.

Здесь нам знаком почти, что каждый куст
и омуток любой давно разведан.
И, даже, если был подсадок пуст
мы не грустили.
Прошлые победы
нам грели душу.

Полновесных щук
мы бреднем неподъёмным доставали
не раз на Арантуре.
Кисти рук
болели, но усталости не знали.

Ты, по натуре – ярый оптимист,
хотя тебе порой жилось не сладко.
Но, к дьяволу хандру!

Веселый свист
всегда будил нас утром у палатки.

Приятно вспомнить:
старую избу,
и от портянок мокрых запах пота,
рассказы про девчонок – не ко сну! –
соленые и злые анекдоты.

И первый снег, накрывший все кругом,
когда мы утром вышли на крылечко,
и едкий дым под низким потолком
из старой и растрескавшейся печки.

Как хорошо дышалось и жилось:
нас радовал любой здоровый запах.
А, помнишь:
у болота старый лось
нас испугал, шарахнувшись внезапно.

Мы хохотали, подавив испуг,
свалив конфуз нелепый на усталость.
И замолчали все,
когда ты вдруг
сказал: «А, сколько, братцы, нам осталось?»

Вопрос тогда совсем не к месту был,
он, видимо, сидел в тебе подспудно,
но как то сразу поубавил пыл.
Понять, конечно, почему – не трудно.

По сорок, ну, чуть больше – не беда,
а впереди веселая дорога,
в конце концов, ведущая туда,
к родному и знакомому порогу.

Туда, где дети малые шалют,
и телевизор призрачно мерцает,
где о делах домашних говорят –
чего нам всем, обычно, не хватает.

А ты ушел внезапно.
Осень та
была опять такой же хлебосольной,
но подступила к сердцу маята,
гнетущая тупой, щемящей болью...

...Качают ветви первую звезду,
а ветер гнет рябину, как подружку.
Я поднимаюсь молча и иду
налить себе воды в пустую кружку.

Дом тих.
Все спят.
И в этой тишине,
издалека, как будто наяву я,
вдруг слышу голос твой, сказавший мне:
«Не унывай, ещё мы повоюем!»

Я возвращаюсь.
Трогаю тетрадь,
истерзанных страниц не открывая.
Мне надо бы давно начать писать,
а я сижу и жду, чего – не знаю...

* * *

Ты помнишь, Вася наш с тобой банкет
и юных командирш из студотрядов?
Уже забыл дружище?
Ну, привет,
я думал у тебя в мозгах порядок.

В поступках и делах твоих всегда
скупая рассудительность витала,
тебя не занимала ерунда,
которая прибытку не давала.

Но ты был добр:
где можно и нельзя
особенно в местах, где наливали.
И мы, твои старинные друзья,
всегда об этом помнили и знали.

Ты вверх взлетал,
и резко падал вниз,
в тупое равнодушие запоя,
но исполнял жены любой каприз,
и дочь поднял,
и дом почти построил.

И нас, друзей своих, не забывал:
без помощи твоей не оставались.
Как говорится, жил и поживал,
пока канаты жил не оборвались.

Да, ты, конечно, тоже – из кугил,
да из таких, что – лежа на кровати!
И вот тебя в машину положил
в последний путь сосед твой и приятель.

Неброский обелиск.
Могильный холм.
И – ни родни, ни, даже, сослуживцев.
Ушел, дружище, литерный вагон,
унес в пространство образы и лица.

...Да, что такое?
Чешется спина
невмоготу.
А снег западал снова.
Звенит, переливаясь, тишина,
сквозит слегка от косяка дверного.

Ушли ребята.
Весело ушли.
Но – как то беспокоино и тревожно,
как будто бы растаяли вдали
обрывки светлой памяти.
Возможно...

Уныло и подавленно молчу,
в окно гляжу,
и вновь берусь за ручку.
И, как на санках, вдруг, с отвесной кручи
срываюсь,
и лечу,
лечу,
лечу...

* * *

...Все та же пожелтевшая тетрадь,
и стол – такой уютный и знакомый.
Как хорошо, вот, так вот, помечтать
в тепле тобой построенного дома.

Пусть голова седа,
и тридцать лет
прошло с тех пор, когда считался рыжим,
но, слава Богу,
сыт,
обут,
одет,
и даже, кое кто неровно дышит.

Смеюсь, конечно.
Женщины мои
теперь – жена и дочь, которой двадцать.
А, прочие?
Отпели соловьи,
и, где уже беззубому кусаться!

Сын – по стопам пошел, и улетел
в далекий Ленинград, который ныне
Санкт-Петербург:
Когда то там гремел
и я в пустом тщеславье и гордыне.

Ну, как же:
и поэт,
и гитарист,
к тому же юбки мимо не пропустит!

Опал с ветвей, как пожелтевший лист,
и, вот, сижу, раздумывая, в грусти.

А, что я сделал?
Вырастил детей,
мосты возвел,
построил юный город,
почти всего достиг, чего хотел,
в те времена, когда еще был молод,
безделье не любил,
любил кутить,
девиц любил и черненьких, и рыжих.

Короче, жил, как требовалось жить,
стремясь подняться вверх, как можно выше.

И падал!
Да, не так, а мордой – в грязь!
Сам виноват, когда тебя заносит.
Ну, а в конце пути кураж угас,
знать, и ко мне пришла подруга осень.

Потухло пламя, подошел финал,
хотя и переделано немало.
Жалею, что о прошлом вспоминал
я, лишь, когда свергали с пьедестала.

За эти многотрудные года
не только поражения случались,
но мыслями, по прежнему, туда,
как будто к покаянью, возвращаюсь.

...Мне часто снятся сказочные сны,
пришедшие, как Божий дар, оттуда.
Я с вами не прощаюсь, пацаны!
До встречи!
Не скучайте!
Скоро буду...

ПАМЯТНИК

На медном идоле вождя
раскаркалась воронья стая,
посланцы первого дождя
седые тучи пролетают.

Глядит пронзительно кумир,
в пространство руку простирает,
как будто снова предвещает
безумный и кровавый пир.

Ему все мало.
Он живой,
нетленной мумии осколок.
Над лысоватой головой
сверкают нимбом серп и молот.

И, кажется, чугунный лик
в молчанье вечном и покое
до основания залит
отцов и дедов наших кровью.

Не проклят волею судьбы
раб тщетности и пустословья,
продукт дворянского сословья
и предводитель голытьбы.

И не прощен.
Да, как простить

земле Отчества тирана?
Его клеветы, как не странно,
ни отпевать, ни хоронить
решились не смогли.
И вот,

стоит пророк доктрины зыбкой,
да искривлен молчащий рот
ехидной, старческой улыбкой.

Он ждет, крещеный иудей:
сегодня — рано,
завтра — поздно,
непререкаемо и грозно
внедрившись в помыслы людей.

Россию взглядом воспаленным
сверлит, услышав зов трубы.
Но поздно.
Скомканы знамена
и золоченые гербы.

* * *

Туман повис над средней полосой,
над речками,
над зеленью полей.
Сверкающею угренней росой
покрыла влага купола церкви.
Мою страну не вылечить врачам,
ей трудно повернуться и вздохнуть,
лишь выстрелы и крики по ночам,
и злобой переполненная грудь.
Напополам расколота страна –
угрюма,
одинока
и больна.
Ждет нищая старуха у ворот,
где плачет полупьяная гармонь,
что вынесет людской водоворот
в протянутую грязную ладонь.
Под сенью скромных, трехэтажных дач,
ни Бога не пугаясь, ни грозы,
вкушают от продаж и от раздач
вчерашние партийные тузы.
В стране, где был всегда один народ,
живу
среди плебеев
и господ.
Роскошный ужин в каждом кабаке
заказан для удачливых людей,
рожденных пересмотрами идей
и тренировкой ловкости в руке.
Играет инженер под фонарем:
ему сейчас не мыслить, не творить,
а девочка, стыдясь, идет внаем,
себя и мать больную прокормить.
Как в зазеркалье,

все наоборот –
тот, кто наглей украл,
тот и живет.
В хрущевке на Неглинной, как всегда:
селетка, хлеб, накрытый скудно стол,
и с потолка холодная вода,
разбитое стекло, прогнивший пол.
А рядом две девицы в Мерседес
протиснули роскошные зады
и выхоленно джинсовый балбес
пускает в небо сигаретный дым.
Ох, Господи, прости и упаси
от голода болезней и людей
в стране, где постоянно моросит,
и не хватает хлеба и гвоздей.
Где ложь, цинизм, бессовестность в цене,
где каждый пятый жулик, или гад.
Не знаю, право, как удастся мне
перетерпеть, не повернуть назад.
Хотя назад уже дороги нет:
потерян идеал
и стерся след.

* * *

Я чужие грехи не сужу
и в благие деянья не верю.
В Гефсиманском саду на вечере
между братьев по вере сижу.
Пейте братья вино – мою кровь,
и отведайте тела Господня,
верьте мне, что прощенье сегодня
завтра нам возвращает любовь.
Вижу, спрятав глаза, неспроста,
потерявший надежду на чудо,
с нежной страстью целует в уста
лучший друг и сподвижник Иуда.
Преют тридцать монет в кулаке,
воздух братоубийством отравлен,
и донос накануне отправлен
адресату в пустом кошельке.
Знаю, скоро разверзнется ад
и предатель получит проклятье.
И уже прокуратор Пилат
мне готовит на утро распятье.
А сегодня под шелест листвы
и спокойной беседы о Боге
я с любовью омою вам ноги
и залитые кровью персты.
Пусть святого Писания строфы
перепишет течение веков,
завтра мне восходить на Голгофу
вместе с грузом нажитых грехов.
Угасает в ночи луч заката,
шум шагов за глухою стеной,
и сверкают романские латы
у ворот.
Это, значит – за мной..
Просыпаюсь, душою устав,

с вечным чувством тяжелой утраты.
Кровоточат на теле стигматы
всех, распятых страной на крестах.
Людам отдал Спаситель не зря
состраданье к убогим.
Как остро
въелись в душу мою лагеря
с номерами забытых погостов.

* * *

Все, что с нами было, будет без:
от забот житейских убегаю,
ждет меня, я точно это знаю,
над моей рекой осенний лес.
Хлеб нарежу,
разогрею чай,
за окном уже почти светает.
Ночь в кармине горизонта тает:
значит, уезжаю,
не скучай!
К вечеру доеду,
сотни две
отмотав таежных километров.
Сяду возле берега в траве,
грудь подставив ласковому ветру.
Осень,
бабье лето,
листьев лёт,
на рябинах розовые грозди,
где то дятел забивает гвозди,
да паук ловушку сеть плетет.
На воде,
из под прикрытых век
вижу,
поплавок слегка запрыгал,
в общем то, приехал не за рыбой
и пора устраивать ночлег.
Мелочь – в котелок,
набрал воды
из ключа под елью на опушке,
пол подмел в расхристанной избушке,
заготовил дров.
Туды сюды:
незаметно время пролетело,

даже снасти не успел собрать, руны
за стеклом разбитым потемнело,
вызвездило,
стало холодать.
Полушубком застелил кровать.
Под уху вечернего улова
выпил залпом шкалик горькой.
Словом,
дверь прикрыл и завалился спать.

...Исцеляет душу тишина.
Поутру, открыв глаза, услышу,
как под полом шебуршатся мыши
и скрипит за стенкою сосна.
Растоплю буржуйку, как смогу,
выйду на крыльцо от счастья пьяный:
первый снег ложится на поляну
на твоём высоком берегу.
Первый снег, он чист и невесом,
как цветок на подвенечном платье,
вексель, не предъявленный к оплате,
звон струны, звучащей в унисон.
Разгорится жаркое смольё,
заискрится, как в кузнечном горне.
Занавеской тюлевой задернет
снег, летящий с неба, зимовьё,
странное убежище мое.

***

Не поверив в пустые молитвы
и всесилье безмолвных богов,
я шагаю по лезвию бритвы
между небом и бездной грехов,
балансируя, как на канате,
обдирая ступни до крови,
к неизвестному пункту на карте
неизвестной доселе земли.
А тропинка все уже и круче,
и уже отступать не резон,
и все чаще лиловые тучи
закрывают собой горизонт.
Где оступишься с грани, не знаешь,
такова окаянная жизнь:
либо ангелом в небо взмываешь,
либо камнем срываешься вниз.
Где прибежище путник усталый
обретет для вечера и сна,
если справа отвесные скалы,
слева пропасть сомнений без дна.
И какие грядут испытанья
паладину чернил и пера
на нелегкой дороге познанья
к пониманию зла и добра.
Утомленный, но несокрушимый,
переплюнув вселенских царей,
я ползу к недоступной вершине,
что является целью моей.
Там сливаются краски и ритмы
на багровой холстине зари,
там сойдутся в решающей битве
силы неба и силы земли.

* * *

Милая, ну что с тобою случилось? –
вопрошаю с болью и стыдом –
от забот нелегких надорвалась
и оцепенел притихший дом.

Увезла за полночь неотложка,
только и успела прошептать:
«Не забудь кормить собаку с кошкой
и теплицу утром поливать...»

...Вязкие мгновения на стенке
отмеряет маятник часов,
ноет, пуще прежнего, коленка,
кровь стучит в пылающий висок.

Как же так?
И крыть вопроса нечем:
не сумел от боли уберечь,
не подставил собственные плечи
вместо дорогих и хрупких плеч.

И во мрак кромешный и тревожный
бормочу молитвою слова:
«Не прощай мне прегрешений, Боже,
пусть она останется жива!»

* * *

Вздыхает за окном зима.
Постылой вьюги карусель
почти свела меня с ума,
за дверью воя, словно зверь.

На сотни верст вокруг тайга,
с небес светила тусклый круг,
а между нами, как века,
простерлись месяцы разлук.

Молчит упрямо телефон,
угрюмый страж моей тоски,
надежда, зыбкая как сон,
мерцает в замятии пурги.

Сорвется, падая, звезда,
и трубка голосом твоим
развеет раз и навсегда
моих сомнений едкий дым.

Нам хватит этих трех минут
и глубины коротких фраз
понять, что чувства не уснут,
соединив однажды нас.

А ближе к будущей весне,
когда точнее – нам решать –
ты возвращаешься ко мне,
чтобы совсем не уезжать.

По телефонным проводам
сквозь треск помех звучит ответ,
где так желанно слово «да»
и ненавистно слово «нет».

ТУМАНЫ

Туманы, туманы...
Затянуты дымкой белесой
тот берег за озером,
баня и мокрый забор.
Не радуется нынче погода
и гложут вопросы,
которым ответов не найдено
мною до сих пор.

Как будто больной,
не хочу подниматься с кровати,
лежу молчаливо,
бездумно гляжу в потолок.
И точит, как камень,
застывшую душу не к стати
тяжелые капли
стекающих мыслей и строк.

Они, как вериги,
затасканы и неудобны,
как камень на шее
в бурлящем потоке строфы:
то дышат огнем преисподней
надрывно и злобно,
то к странным поступкам
местами не в меру добры.

Так будет, пока
не уверен в намеченной цели,
пока у пера не появится
прежняя статья,
а ветер колючий,
протиснувшись в узкие щели,
по воле Создателя
станет не жечь, а ласкать.

Сорвалась с гнезда
неуемная синяя птица,
взлетела, отчаянным криком
тревожа простор.
Туманы, туманы...
А где то за ними теплится
едва различимый меж сосен
Надежды костер.

ЗИМНИК

(монолог вахтовика)

Повседневная, скучная проза
в надоевших до смерти делах:
по тропе из Югорска в Березов
мы ползем на усталых “зилах”.
Колея, будто рельсы, сугробы
рассекла между елей и пихт.
По обочинам заячьи тропы,
вечер поздний морозен и тих.
Лет, не вспомнить, назад этим трактом
многих всяких везли зимовать:
Александра Данилыча, как—то,
и другую российскую знать.
А сегодня почти непрестанно
то на север, то снова на юг:
трубовозы, бульдозеры, краны
по поселкам и вахтам снуют.
До Узюма две сотни, не мало,
волком двигатель воеет во тьму,
печка дышит промасленным жаром,
качка медленно клонит ко сну.
Экспедитору все же полегче,
чем водиле, крути не крути:
он баранку не вертит и плечи
не немеют от боли в пути.
Тормози, перекурим немного,
разомнемся, чайку скипятим.
Окаянная эта дорога
надоела, туды ее в дым.
Ну, а мы, знай, елозим на пузе —
север только зимою и жив —
без конца разгружаем и грузим,
о домашнем уюте забыв.
По ледянке, болота покрывшей,

к буровым и медвежьим углам,
там, где небо и чище, и выше,
тащим нужное что то и хлам.
Все, что базы имеют в запасе,
разойдется за лето, авось,
да в тайге, как обычно, не мясо,
а дороже, чем золото, гвоздь.
Ты откуда, дружище?
С Усолья.
Ну, а я — чистокровный пермяк.
Здесь когда платили поболе —
было с чем погулять на морях!
И гуляли!
Да так, что южане
сразу видели северный шик.
Многих выбывших нет уже с нами,
ну, а кто на погостах лежит.
В большинстве своем — водка сгубила
и тоска по нормальной семье.
Я обвык, но какая — то сила
тянет нас ковыряться в земле.
Огород вспоминается, выпас,
в тихой, ласковой речке вода —
те места, где родился и вырос,
и откуда ушел навсегда.
А сегодня, увы, не до жира,
платят мало, и все невпопад:
не хватает то шила, то мыла,
и не выяснить, кто виноват.
Иногда трехэтажным, по флотски,
переложишь — пускай посопят!
Так нельзя относиться по — скотски:
люди, блин, тоже кушать хотят.
Заводи и поедем помалу,
не гони — видишь снег до груди:
знаю, брат, не однажды бывало,

забурился — копай, или жди.
Помню, как то на трассе торчали
суток трое, не дай тебе Бог,
обморозились все, одичали,
в общем, будь осторожен, сынок.
Видишь, зарево под облаками,
значит скоро последний подъем.
На сегодня почти отпахали —
обогреемся и отдохнем.
Выпить?
Тоже, наверное, можно.
Как не выпить — шестнадцать часов
на дороге.
На заднице кожу
не отклеить, поди, от трусов.
Что серчаешь?
Обиделся?
Ишь ты!
Ни к чему это — мы же вдвоем.
Вон уже показались домишки.
Докатили!
И завтра дойдем.

ОБЛАКО

На тонком ситце голубых небес
подсвеченное облако, не без
намeka на комочек ваты,
или на чье то доброе лицо,
на сбитое суфле в конце концов,
плывет невозмутимое куда то.

Свободен и высок его полет
от надоевших обстоятельств, от
заезженной обыденности дома
и прочих неурядиц.
Вслед за ним
взмываю, как небесный херувим,
мечтами быстрокрылыми влекомый.

Однообразных перегонов дни
без сожаленья оставляю и
уколы незаслуженных упреков.
И в том краю, где лето круглый год,
где все благоухает и цветет,
останусь жить светло и одиноко.

Но сладкий рай однажды надоест
своей неповторимостью.
Из мест,
ценимых за приветливость когда то,
рвану в полет к снегам, на севера,
почувствовав внезапно, что пора
в родимые, привычные пенаты.

Начну опять по будням пить вино,
писать стихи о пережитом, но
охотнее переходя на прозу,
и ждать, когда кудесница весна
ростки надежд пробудит ото сна,
и облако, и веточку мимозы.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Все движется медленно к краю,
к последней, холодной черте,
и красками воспоминаний
ложатся под кисть на холсте
ковыльная степь приамурья,
туманов озерных покой...
Как много гордыни и дури
слетело с тех пор шелухой!

Что помню?
Цветы полевые.
Кричащих на папне грачей.
И мамы глаза голубые
в морщинках бессонных ночей.
Жалеющий, словно кого то,
тоскливый, рокочущий вой
летащих на юг вертолетов,
да аэродром полевой.

Как грустно отцов провожали,
не ведая, впрочем, причин,
и женщин, которые ждали
своих улетевших мужчин
на поле ковыльном, у края,
в душе отгоняя беду,
где мы до заката играли
в "чапаева" и чехарду.

Как мать целовала в макушку,
поправив простынку мою,
и плакала молча в подушку,
а я притворялся, что сплю.
Как звезды полночные тухли
в шафране встающего дня,
и брякали чашки на кухне,
и завтракать звали меня.

Как бросив портфель после школы,
 взяв хлеба горбушку и соль,
 широким, ромашковым долом
 летел порыбачить на Томь.
 И мать не особо лупила,
 когда — слава Богу, живой! —
 с охапкой саранок, уныло
 я к вечеру плелся домой.

Как радость будила поселок:
 вернувшись назад, наконец,
 еще молодой и веселый
 в дверях появлялся отец.
 Мать, охнув, бросалась на шею,
 а я от восторга визжал,
 и мерил потом портупею,
 напялив отцовский кожан.

Как вдруг среди шума застолья
 смолкал разгулявшийся стол
 и пили по полному, стоя,
 за тех, кто навечно ушел.
 Мальчишке, мне было неважно,
 кого поминали они,
 но я понимал, что однажды
 мы можем остаться одни.

Жизнь била ключом.
 А веселый
 характер грустить не давал,
 и утром наглаженный в школу,
 забыв обо всем, убегал.
 ...Нечастые, светлые письма
 шлет детство из сказочных снов.
 Читаю их ныне... и присно...
 и помню во веки веков...

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Когда промелькнувшие годы считать
устанет капризная память,
есть главное в жизни – себе не солгать
и перед людьми не слукавить.

В написанных строчках – все правда, как есть:
без ретуши жалкой и глянца.
И даже враги, отдавая нам честь,
над бронзою нашей склонятся.

Подняться к вершинам в мирской суете
без горьких ошибок – едва ли.
Безгрешные ангелы в небе, и те,
нет нет, да на землю слетают.

Все черное – черным останется пусть,
а белое – белым пребудет:
по суги воздастся, и пройденный путь,
любившие нас, не осудят.

Когда на осинах зардеют листья,
а осень полями займетса,
мы будем с тобой перед Богом чисты,
нам все без остатка зачтется...

СОДЕРЖАНИЕ

Храм	4
Возвращение	5
Ефросинья	6
На Арантуре	7
Раскаты утреннего грома...	8
Лесная сказка	9
Отцу	10
Осень в деревне	11
Баня	12
Утро	13
Церковная ограда...	14
Ночлег на рыбалке	16
Крутояр над речкою моей...	19
Спираль	20
Ни кола, ни двора...	21
Набросок сценария	22
В деревне	24
Агасфер	25
Облысевших гор черепа...	26
Вечер в лесу	27
Утро	29
Ночь	30
Этот дьявольский век...	31
Крест	32
Реквием собаке по имени Кирьян	33
Ночь. Над кедром выплыла луна...	36
Ветренный день. Бездорожье...	37
Песенка о лопате	38
Памяти друга	39
Наскучили, не жизнь, а маята...	41
Кукушка	43

Какая тишина...	44
Отвергаю все...	45
Зимник	46
В нас яд вселенского испуга...	49
Перед дождем	50
Пробилась первая трава...	51
Осенние стихи	52
Скорбные стихи	53
Воспоминания о детстве	54
Умирующие деревни	56
Наш странный, вороватый вожачок...	57
Комета	58
Лето на севере	61
Ночлег	62
По существу, разлука и любовь...	63
Ольге	65
Аянский вальс	67
На Мулымье	69
Поляна над чистой рекою...	70
Пылавшая в небе звезда...	71
Когда меня поднимут на плечах...	72
Забайкалье	73
Дом	74
Пишу сценарий жизни...	75
Если мне этот мир...	76
Перекрестки	77
Разговор	78
Неизбежна весна...	79
Идол	81
Все мы, люди, рождаемся...	83
Любимым	85
Родному городу	86
Дорога домой	87
Маме	89
Под шум дождя	91
Фортуна и Фемида	92

Зигзаги	94
Картина	96
Рыбалка в предзимье	98
Разгулялся я по свету...	100
Молитва	102
К истокам	103
Их подсчитают штабисты...	105
Этюд	106
Эмигрант	107
Амба! Прошное...	108
Он умер почти...	109
То хлеба сверх меры...	110
Поступил на Дантеса донос...	111
Выбор	112
Размышления в приемной	114
Творец истории	115
Выстыло жильё...	116
Какой стоит мороз...	117
Нас потопом стращали...	118
Вагон качнется...	119
Монумент	120
Жизнь, как ни странно...	122
Мы рождены...	123
Баллада о последнем рубле	124
Старость	126
Раздумья у телевизора	127
Баллада о кресле	129
Сапоги	132
Жертва суицида	134
Смерть Иисуса	137
...и гнали их на Соловки...	139
Рождение	140
Мы уйдем...	141
Детям	143
Мне на глаза...	144
Трамвайная рапсодия	146

Via de la Rose	148
Эко прыгал старичок...	149
Лестница	151
Предзимье	154
Поэт	155
Не брани...	156
Памяти деда	157
Азанка	159
Пролив Беринга	160
Наставление	161
Последняя переправа	163
За незрячим окошком замять...	164
Костер	166
Жене	168
Ах, как память капризна...	169
Казнь	170
А вечер начинался, как обычно...	171
Юган	173
В том доме	174
Приезжай	176
Источник поэтического бреда...	178
Когда тебя обидит лучший друг...	179
Страх	180
...а когда я покину наш дом...	181
Неожиданно как то...	182
Я вернусь	184
Нас века приучили молчать...	185
Колыма	186
Любовник	188
Третий день не смолкает...	189
Если б был я чуточку моложе...	190
Полынь	191
Победители	193
Все повторится	194
Как обычно	195
Выруба	196

Желание	197
В той стране	198
По бульвару наивная юность...	199
Волна и камень	200
Последняя осень	201
Слово	202
Возвращение домой	203
Береза	205
Безголосый, прикованный к ложу...	206
Забывтое кладбище	208
Побег	210
Я стар уже, а ты...	212
Жара	213
Одна ночь	214
Один день	216
Звуки дождя	219
Сибирь	221
Разговор о грядущем	222
На даче	224
А было ли...	226
А после нас останется зола...	227
Неуемные стрелки...	228
На Лемье	229
Памяти поэта	231
Последний снегопад	232
Морской пейзаж	234
Осень веткой рябины...	236
Сюжет	238
Ворвешься в жизнь мою...	240
Здравствуй!..	241
Ты – не первая...	242
Прощание с бухтой	243
Час быка	245
Артист — на выход!..	247
Что глядишь?..	249
Но ведь жива Россия	251

Владимир Мономах...	254
Зарос травой...	259
Старики	260
Смерть фаворита	261
Наш паровоз	264
Все выбросив из головы...	269
По тропе над берегом...	271
Над Обыю чайки...	273
Осень	274
Суббота	276
Связь времен и событий...	277
Когда во мне взрывается душа...	279
В моих ночных раздумьях...	280
Прощайте, мальчики	281
Давай, за встречу!..	285
Здорово, друг!..	288
Ты помнишь, Вася...	291
Все та же пожелтевшая тетрадь...	293
Памятник	295
Туман повис...	297
Я чужие грехи не сужу...	299
Все, что с нами было...	301
Не поверив в пустые молитвы...	303
Милая, ну, что с тобою...	304
Вздыхает за окном зима...	305
Туманы	306
Зимник	308
Облако	311
Воспоминания о детстве	312
Собрату по перу	314

Поиски лирического героя Станислава Юрченко

В Библии сказано: ищите и обрящете. И человек ищет свой путь. Но порой он не может совладать со страстями, мыслями, которые уводят его неизвестно куда. Человек попадает в такой водоворот событий, что иногда нет времени оценить ситуацию, проверить правильность пути. Сопротивляется только тот, кто действительно познает Истину и пытается встать на верный путь. И чем больше человек сопротивляется «течениям века», тем труднее ему жить, тем чаще он вторгается в сферу конфликтов, противоречий, неизбежных разрывов даже с близкими людьми. Он видит абсурдность общественного, политического бытия, не суразность жизни и противоречия творчества. Поэтому он, зная или предугадывая последствия жизни и творчества, заранее просит прощения за свои будущие неправильные поступки, слова, мысли. С другой стороны, он «несется» через красоты природы, которые его окружают на этом трудном пути. Если он замечает эти красоты, то он растет, как личность...

...Поэт не исключает новых поворотов судьбы, новых исторических потрясений в будущем. Но он уверен, что она, Русь, снова выживет, выстоит, снова возвысится. И вместе с ней выживет, выстоит и возвысится русский человек...

(Из новой книги доктора педагогических наук Евгения Каргополова о писателях Югры)

Станислав Юрченко – поэт мужественного письма, окрашенного светлым лиризмом, романтикой 60-70 х гг. Именно в это время началось освоение нашего таежного региона, куда он приехал в числе первых строителей. Много у него в стихах от биографии. В последнее время он все чаще обращается к нашей истории. Поэтическое осознание своих корней – новый мотив в его творчестве.

*(Член Союза писателей России, поэт, Владимир Волковец.
Антология Югорской поэзии 2001 год.)*

В отличие от многих Югорских поэтов С. Юрченко владеет мелодикой стиха («гармония мелодии в крови»). Он историчен...

(Кандидат филологических наук Владимир Рогачев, альманах «Эринтур», 2003 год.)

Юрченко Станислав Георгиевич

ХРАМ

Избранные стихотворения

Литературно художественное издание

Компьютерная верстка Д. Трифонов

Сдано в набор 05.2010 г. Формат 60x84, 1/16. Набор компьютерный.
Гарнитура AG_Garamond. Печать офсетная. Набор компьютерный.
Заказ № 577. Тираж 500. ГУП СО «ПО «Север», г. Серов, ул. К. Маркса, 19.

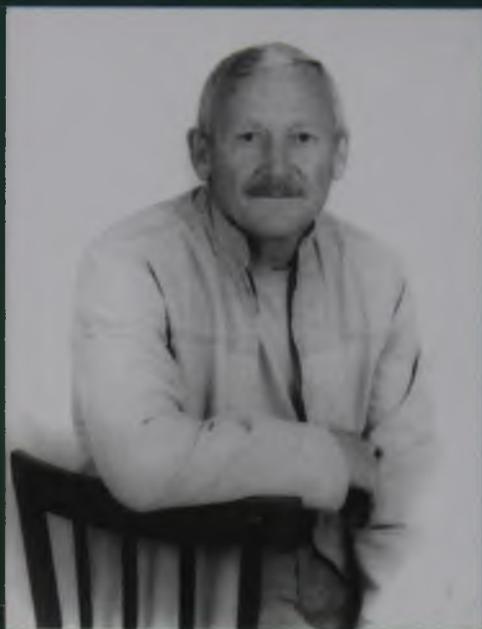

167-00

394082011

Государственная библиотека Югры

Станислав Георгиевич Юрченко,
член союза писателей России,
автор восьми книг поэзии и прозы,
проживает в ХантыМансийском
автономном округе Тюменской области.